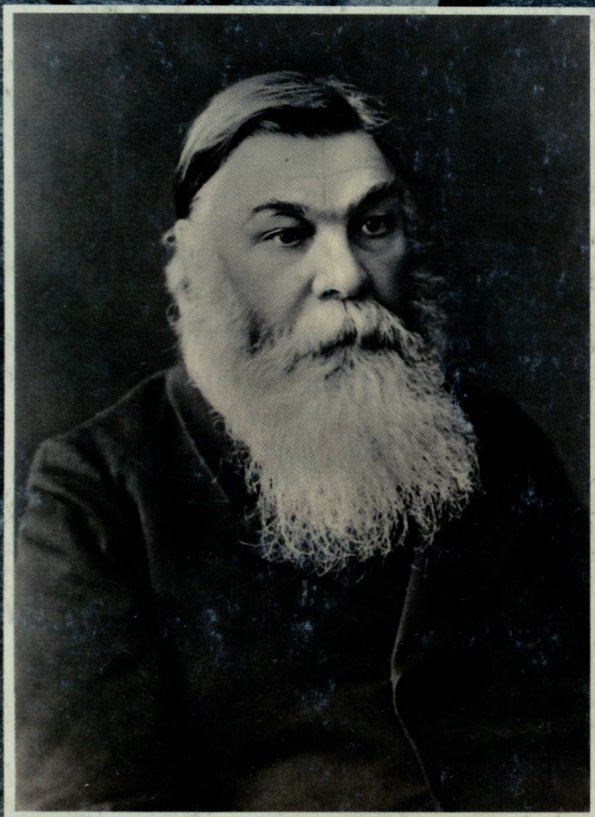

К 76
Т 33
К-47481

СВЕТ ЯРКОЙ ЗВЕЗДЫ

И. Я. ТЕНЮШЕВ.

**К 160-ЛЕТИЮ ЧУВАШСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ
ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЯКОВЛЕВА**

г. Чебоксары 2008

Национальная библиотека ЧР

к-047781

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М т 3 3835 Т 5000 1989г

И. Я. Тенюшев

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СВЕТ ЯРКОЙ ЗВЕЗДЫ

К 160-летию чувашского просветителя

Ивана Яковлевича Яковлева

3. Рекомендовать органам местного самоуправления в Чувашской Республике принять активное участие в проведении мероприятий, посвященных 160-летию со дня рождения И. Я. Яковлева.

4. Настоящее распоряжение вступает в силу со дня его подписания.

Президент Чувашской Республики
И. ФЕДОРОВ

г. Чебоксары, 24 апреля 2007

Чебоксары 2008

УДК 821.512.111

ББК 84(2Рос=Чув)6-4

Т 33

ДАГОСТРЕННЫЙ ЭКЗ.

И. Я. Тенюшев. Свет яркой звезды. — Чебоксары, Фонд
И. Я. Яковлева, ЧИЭМ СПбГПУ. — с. 214

Книга посвящена 160-летию великого просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева. Основное внимание автор уделяет освещению публицистической и журналистской деятельности патриарха. Не легко далась Ивану Яковлевичу работа в этой сфере. У него были и недоброжелатели, и завистники, которые всячески тормозили деятельность просветителя в основанной им же Симбирской чувашской школе. Но дело Яковлева не забыто, его имя и поныне светит словно яркая звезда на небосклоне образования и науки. И спустя столетия наследие патриарха служит опорой в дальнейшем развитии образовательной и воспитательной деятельности.

ПРОВЕРЕНО

20 *W*

К-47781

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вот что только могу сказать...

на крыльях гуманизма и демократии...

и с любовью к своему народу...

и к своему времени...

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Учитывая неоценимый вклад выдающегося чувашского просветителя и гуманиста И. Я. Яковлева в создание системы образования народов Поволжья и Урала, подготовки национальных кадров и формирование духовно-нравственных ценностей общества, провести в 2008 году мероприятия, посвященные 160-летию со дня его рождения.

2. Кабинету Министров Чувашской Республики образовать организационный комитет и утвердить план мероприятий по подготовке и празднованию 160-летия со дня рождения И. Я. Яковлева.

3. Рекомендовать органам местного самоуправления в Чувашской Республике принять активное участие в проведении мероприятий, посвященных 160-летию со дня рождения И. Я. Яковлева.

4. Настоящее распоряжение вступает в силу со дня его подписания.

**Президент Чувашской Республики
Н. ФЕДОРОВ**

г. Чебоксары, 24 апреля 2007 года, № 34-рп.

Могу сказать с чистой совестью по отношению к Родине и родному мне народу, что, ... лучшую часть жизни отдав делу народного просвещения, ... я остался до конца верен моим заветным идеалам юности.

И. Я. Яковлев

И. Я. ЯКОВЛЕВ - ДЕМОКРАТ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ

*Вот что только могу сказать...,
не кривя душой: люблю чуваш,
от души желаю им всякого
блага. У меня в жизни не было
другой цели, как благо чуваш...*

И. Я. Яковлев

Президент Чувашской Республики Н. В. Федоров 2008 год объявил «Годом И. Я. Яковлева» не случайно: великому чувашскому просветителю и гуманисту исполняется 160 лет со дня рождения (родился 13 апреля 1848 года), 140 лет со дня начала «дела всей его жизни» – открытия Симбирской чувашской учительской школы и энергичной просветительской деятельности. Через десять лет создается женское отделение при школе, которое впоследствии превращается в женское училище и женские педагогические курсы. В этом году мы отмечаем также 130-летие открытия женского отделения при школе. Следовательно, нынешний год богат юбилеями, связанными со светлым именем И. Я. Яковлева.

Кем же он был в жизни родного чувашского народа, народов Поволжья и Приуралья?

Энциклопедические словари советского времени почему-то предпочитают о нем давать скупые неполноценные сведения. В одном из них читаем: «Яковлев Ив. Як. (1848-1930) чуваш, педагог-просветитель, писатель. С помощью И. Н. Ульянова организовал в 1868 в Симбирске учит. Школу для чувашей. Составил букварь, книги для чтения. Собирал чуваш. фольклор. Создал чуваш. алфавит и заложил основы лит. языка». Не будем спорить: все, что написано, доподлинно верно. Однако ведь необходимы сюда существенные дополнения: он открыл более 400 школ, подготовил 1000 учителей. Будучи инспектором чувашских школ Казанского учебного округа 28 лет и долгие годы инспектором Симбирской чувашской учительской школы, он оказал серьезную помощь делу просвещения в Поволжье и Приуралье. И. Я. Яковлев - родоначальник чувашской художественной литературы и публицистики, патриарх чувашской культуры, демократ-просветитель. Однако в

приведенном фрагменте энциклопедического словаря этих слов не найдешь. Автор фрагмента уклоняется от оценки многогранной деятельности И. Я. Яковлева. А ведь он был выдающимся, великим просветителем. Разумеется, крупные революционные события в общественно-политической жизни страны не могли не оказать влияния на мировоззрение И. Я. Яковлева. 3 января 1907 г. он обращается к сыну А. И. Яковлеву (Леле) с просьбой: «...Пришли по одному экземпляру книг и брошюр: историческое обозрение идей коммунизма и социализма (возникновение и развитие, а также краткое обозрение) и ... теорию национализации земли»¹. Свержение царизма в феврале 1917 года также вызвало большой поворот в общественно-политических и философских взглядах просветителя. Об этом свидетельствует его письмо сыну Леле от 20 марта 1917 г., где он сообщает: «Разумеется, я рад от души прошедшему перевороту и от души желал бы, чтобы все это благополучно завершилось. Что от меня лично зависит, буду всячески помогать и содействовать»².

Исследования многогранной деятельности И. Я. Яковлева, его соратников, истории Симбирской чувашской школы ведутся с первой половины прошлого века, точнее с двадцатых годов.

Историография яковлеведоведения никем еще до сих пор не создана. Первые труды о нем и его школе носили биографический и исторический характер. К ним относится прежде всего труд М. П. Петрова (Тинехпи) «Симбирская чувашская школа и Иван Яковлевич Яковлев» (Ч=мп=рти ч'ваш школ=пе Иван Яковлевич Яковлев 'инчен. Ш, 1928). Этот труд М. П. Петрова-Тинехпи посвящен 60-летию учебного заведения и 80-летию основателя его И. Я. Яковлева, был опубликован как издание Наркомпроса ЧАССР. Автор высоко оценил просветительную и просветительскую деятельность Симбирской чувашской учительской школы. «Действительно, открытая И. Я. Яковлевым школа, Симбирская школа, - отметил он, - в продолжение пятидесятилетней дореволюционной деятельности стала образцовой. Если сопоставить эту школу с подобными современными школами, то по некоторым показателям ее мы можем поставить выше. По созданию условий

¹ Яковлев И.Я. Письма. Ч., 2. 1989. С. 254

² Сергеев. Чувашский народный комиссар просвещения // Петров М.П. // Симбирская чувашская учительская школа и И.Я. Яковлев. Ч., 1928. С. III.

жизни, обучению в школе ремеслам, ознакомлению будущих учителей земледелием, относительно песен и физкультуры Симбирская чувашская школа превосходила нынешние техникумы»³.

«Иван Яковлевич - ныне одряхлевший 80-летний старик, - говорится в книге. - На своем веку он много сил отдал за родной чувашский народ. Поэтому знать о том, как он жил, над чем трудился, чем занимался, как он исполнял, - вовсе не бесполезно, а необходимо, потому что в культуре человека прошлое и нынешнее неразрывно связаны. Не зря же и старики говорят, что при движении вперед забывать старое не положено»⁴.

В книге деятельности И. Я. Яковлева дана справедливая положительная оценка. Здесь представлены копии интересных документов: служебная записка попечителя Казанского учебного округа от 28 августа 1875 г. о назначении И. Я. Яковлева исправляющим должность инспектора чувашских школ; письма И. Я. Яковлева А.В. Рекееву от 3 апреля и 14 сентября 1872 г.; письмо учителю Симбирской центральной чувашской школы Андрею Петрову от 1 января 1880 г.; письмо М. П. Петрову от 28 ноября 1917 г. В последнем письме говорилось: «Помнится, ты спрашивал меня, каково мое мнение и взгляды на будущность чуваш и на их способности. Трудно предсказать будущее, ведь я не пророк. Но я всегда убежден и веровал, что чувашаи богом не обижены, не менее способны, чем русский простой народ. Если они до сего не представили выдающихся деяний, то можно сказать, что не было благоприятных условий. Я всегда видел доказательства, что чувашаи во всех областях могут с успехом заниматься науками и искусствами, в том числе музыкой и литературой. При достижении своей цели многие проявляют твердость и выдающуюся привязанность к делу, раз предпринятому... В хорошее будущее чуваш я верю, главным образом путем образования... Могу сказать, если бы я не верил в лучшее будущее чуваш, то я и не занимался бы всю жизнь ими. Любящий тебя И. Яковлев»⁵.

Это была первая книга при Советской власти, посвященная деятельности И. Я. Яковлева и его школе. К этому времени не все о нем знали в точности, не все было выяснено. Так, дата рождения

³ Петров М.П. Симбирская чувашская учительская школа и И. Я. Яковлев. Ч., 1928. С. 14.

⁴ Там же. С. 94-95.

⁵ См.: Краткая чувашская энциклопедия. Ч., 2001. С. 322.

народного просветителя называется 18 апреля, тогда как он родился 13 апреля. Неверно указан год установления должности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, а она была установлена в 1867 г. Занимал эту должность Н. И. Золотницкий с 1867 по 1872 г. В предисловии книги чувашский просветитель назван без должных оснований националистом. Есть в книге и другие погрешности. Однако упрекать автора за эти грешки не будем, ибо первым шагом вообще свойственны отклонения.

Несколько слов об авторе книги. Михаил Петрович Петров (псевдоним Тинехпи) - известный деятель науки и культуры. «Активно участвовал в работе Общества по изучению местного края. Внес заметный вклад в изучение этногенеза и этнич. истории чуваш. народа»⁶.

Личная судьба его сложилась трагична. В 1937 г. он был необоснованно репрессирован, в следующем году расстался с жизнью в Цивильской тюрьме. Заметной ценностью остались его труды, в т.ч. книга «Симбирская чувашская учительская школа и И. Я. Яковлев.» (Ч., 1928).

Старший сын чувашского просветителя Алексей Иванович Яковлев (1878-1951), доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР, осуществил два издания книги «Иван Яковлевич Яковлев. 1848-1930». Книга выпускалась в 1948 и 1958 гг. под редакцией профессора Ф. Н. Петрова (1876-1973), одного из руководителей и редакторов издательства «Советская энциклопедия». Во «Введении», написанном им, подчеркивается:

«В системе обучения и воспитания Иван Яковлевич подробно разработал научные методы тесного сочетания физического и умственного труда, что получило свое отражение в программах семинарии и школы. В условиях тогдашнего быта и экономики Чувашии ведущее место в труде учащихся-чуваш занимали сельское хозяйство и ремесла. За свою просветительскую и научно-педагогическую деятельность Иван Яковлевич получил среди чувашского народа имя «патриарха чувашской культуры»⁷.

Автор книги величие чувашского просветителя характеризует такими словами: «И. Я. был даром судьбы чувашскому народу в

⁶ Яковлев А.И., Иван Яковлевич Яковлев. 1848-1930. Ч., 1958. С.3.

⁷ Там же. С.116.

темное и глухое время. Чувашский народ показал в нем, до какой умственной и нравственной высоты он может подняться, начав восхождение непосредственно от сохи и бороны, минуя всякие промежуточные инстанции»⁸.

Автор книги доподлинно описывает детство И. Я. Яковлева, годы учебы его, основание Симбирской чувашской школы, открытие чувашских сельских школ, преподавательскую деятельность и переводческую работу педагога. В книге также показываются враги школы и чувашского просвещения. С интересом читается глава «Облик и характер И. Я. Яковлева».

Книга завершается словами: «Память о И. Я. Яковлеве, демократе-просветителе чувашского народа, на века сохранится в истории не только Чувашии, но и во всей истории народов СССР»⁹.

Поистине ведущим исследователем наследия И. Я. Яковлева стал профессор, академик РАО, лауреат премии АПН СССР им. К. Д. Ушинского, Почетный гражданин Чувашской Республики, лауреат Госпремии ЧР Г. Н. Волков, посвятив этому делу более пятидесяти лет. Его перу принадлежат чудесный роман-эссе «Судьба патриарха» (М., 1999, дополненное издание вышло в 2003 году). Г. Н. Волков – автор многих других публикаций о жизни и деятельности патриарха.

Фундаментальные, обстоятельные монографии о жизни и деятельности патриарха чувашской культуры составил и опубликовал директор Института И. Я. Яковлева ЧГУ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки ЧР Н. Г. Краснов. Они подготовлены на высоком научном уровне с анализом огромного количества архивных материалов из соответствующих фондов Москвы, Симбирска, Казани и Чебоксар, а также многочисленных опубликованных источников. Ученый оценивает деятельность чувашского просветителя такими словами:

«Он, [И. Я. Яковлев], действительно, был для чувашей «богом», ратовавшим [за] национальный подъем, формирование интеллигентной среды и создание профессиональной культуры, национальной школы и т.д. Создание национальной школы стоит выше всех других культурных событий в истории народа. В лабиринтах

⁸ Там же. С. 118.

⁹ Краснов Н.Г. Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлеведенья. Выпуск 1. Чебоксары, 1999. С. 79.

истории исчезли те народности, которые, в силу различных исторических условий, были не в состоянии сохранить свою систему воспитания, организовать национальную школу»¹⁰.

Жизнь и многогранная деятельность И. Я. Яковлева, его творческое наследие всегда привлекали внимание широкой общественности. С восьмидесятых годов прошедшего века начинается усиленная работа по изданию трудов народного просветителя.

Чувашское книжное издательство в 1982 году выпустило «Воспоминания» выдающегося педагога И. Я. Яковлева. Тираж книги разошелся быстро, поэтому в следующем году ее пришлось переиздать увеличенным тиражом.

По постановлению Ученого совета Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР читатели в 1985 г. получили «Письма И. Я. Яковлева» тиражом 2500 экземпляров. Это письма великого человека, который неустанно стремился вывести свой родной народ из темноты и невежества, сделать знания и культуру достоянием народа.

Как известно, по решению ректората и Ученого совета в структуре Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова в 1995 г. организуется лаборатория по исследованию научного наследия И. Я. Яковлева и изданию его трудов, которая затем преобразуется в Институт И. Я. Яковлева. Этот институт проводит большую работу по изучению и обнародованию наследия выдающегося чувашского просветителя, внесшего неоценимый вклад в дело приобщения коренных народов Поволжья и Урала к достижениям мировой цивилизации. Институтом задумано многотомное издание сочинений И. Я. Яковлева. Им в 1989 г. выпускается книга «Яковлев И. Я. Из переписки. Часть 1» объемом 19,05 учетно-изд. л., тиражом 5000 экз. В аннотации ее говорится: «Эта книга продолжает изданное в 1985 году собрание писем просветителя чувашского народа И. Я. Яковлева. В нее включены письма учителям, официальным лицам, общественным деятелям по вопросам народного образования».

Тем же тиражом в 5000 экземпляров, объемом 27 учетно-изд. л. в 1998 г. печатается книга «Яковлев И. Я. С думой о народном просвещении. Из переписки. Часть 2». Здесь дается такая аннота-

¹⁰ М., Республика, 1997. 40,8 уч. изд. л.

ция: «Настоящее издание является продолжением публикации писем выдающегося педагога и общественного деятеля Ивана Яковлевича Яковлева, начатой в 1985 году. Оно охватывает период с 1875 по октябрь 1917 года включительно. Письма адресованы должностным и частным лицам. В них отражена его многогранная плодотворная деятельность как инспектора чувашских школ Казанского учебного округа и руководителя основанной им Симбирской чувашской школы».

Вступительная статья в книге принадлежит академику Л. П. Куракову. Приведенная в книге переписка широко рисует многогранную титаническую деятельность просветителя-демократа, ярко показывает его светлый богатырский образ.

Большим подарком для всех было издание к 150-летию со дня рождения Ивана Яковлевича Яковлева его мемуаров «Моя жизнь»¹¹. Это первый полный выпуск воспоминаний чувашского просветителя. Здесь автор показал трудное детство круглого сироты, учебу в удельном училище, уездном училище и землемерно-таксаторском классах, гимназии и университете. Мемуары содержат богатую информацию об учителях, друзьях, помощниках, коллегах и учениках его. Автор рассказывает о постоянном преследовании себя великодержавными шовинистами, обвиняя в сепаратизме и национализме. Обвинение в русификаторстве шло со стороны чувашских националистов.

Последнее издание мемуаров И. Я. Яковлева профессор М. Р. Федотов назвал воспоминаниями без купюр, то есть без сокращений. Первые два издания были подвергнуты значительным сокращениям, что мешало полнее представить титаническую деятельность великого просветителя, Человека с большой буквы.

Все это - результат неустанного труда Института И. Я. Яковлева, учрежденного в составе Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по инициативе ректора, научного руководителя указанного института академика Л. П. Куракова.

Во второй половине истекшего века продолжается публикация литературно-публицистических произведений, писем и деловой переписки просветителя. В 1982 и 1983 гг. выпускаются «Воспоминания» И. Яковлева, представляющие сокращенный вариант его

¹¹ Вопросы яковлеведения. Выпуск 1. Ч., 1999. С. 66.

мемуаров «Моя жизнь». В 1997 г. наконец издается в Москве издательством «Республика» полный вариант этих мемуаров.

Из мемуаров вырастает широкая картина полувековой деятельности Ивана Яковлевича и его соратников по просвещению и национальному подъему родного народа. Становится ясна их просветительская программа. Предстают общественно-политические события в Чувашском крае и России во второй половине XIX и в первой четверти XX вв.

Надо отметить следующий приятный факт: мемуары изданы при участии в качестве научного консультанта заслуженного профессора МГУ, почетного доктора Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Ивана Алексеевича Яковлева, сына Яковлева Алексея Ивановича, внука Яковлева Ивана Яковлевича.

Ценным подарком для читателей стало в 1999 г. красочное издание «И. Я. Яковлев в фотографиях и документах». Подготовил книгу Институт И. Я. Яковлева Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Автором-составителем стал директор Института И. Я. Яковлева, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чувашской Республики Н. Г. Краснов. Главным редактором книги был Почетный доктор Чувашского государственного университета И. Н. Ульянова Н. В. Федоров.

Кстати, Институт И. Я. Яковлева учрежден по инициативе академика Л. П. Куракова. Он же является главным редактором изданий Института И. Я. Яковлева. Серийное издание под названием «Вопросы яковлеведения» также задумано им. Появился в печати первый выпуск из этой серии. Здесь прежде всего опубликованы малоизвестные до сих пор «Материалы к истории Симбирской чувашской школы, мужского и женского при ней приходских двухклассных училищ с трехлетними педагогическими курсами». Труд этот давно стал библиографической редкостью, так как был напечатан еще в 1915 г. небольшим тиражом 200 экземпляров и с тех пор больше не переиздавался. Здесь рассказывается о самом главном - создании и расширении материальной базы чувашской школы.

Знаем: днем рождения Симбирской чувашской школы считается 28 октября 1868 г. В этот день в Симбирск пришел первый пи-

томец школы Алексей Рекеев. В первые годы школа ютилась в наемных помещениях. Через восемь лет, в апреле 1876 г., школа смогла купить каменный двухэтажный дом симбирского купца Ф.В. Красникова, находившийся на углу Малой Конной улицы и набережной реки Свияги. Дом приспособили для нужд школы и капитально отремонтировали. Спустя несколько лет И. Я. Яковлев сумел воздвигнуть двухэтажный пристрой. В дальнейшем появились столярная и слесарная мастерские, домовая церковь, погреб, кладовая, каретник и конюшня. Постепенно расширяется усадьба школы, проводится в здания водопровод. Все это осуществлялось под руководством самого И. Я. Яковлева. При этом он встречал неимоверные трудности, препятствия, сопротивление власть имущих. Так излагается создание материальной базы Симбирской чувашской учительской школы.

Далее в книге «Вопросы яковлеведения» даются статьи, посвященные научному и творческому наследию просветителя-демократа, ученого-гуманиста. Читатель здесь найдет статью академика Л. П. Куракова «И. Я. Яковлев оставался до конца верным своим заветным идеалам юности», в которой раскрываются главные цели и стремления подвижнической деятельности славного сына чувашского народа. Их он претворял в течение полувека, не отступая ни на шаг. Примечательно, что автор-исследователь при изложении своих тезисов опирается на новые факты, свежие данные и приводит читателя к вновь появляющимся обобщениям и выводам. В статье доказывается, что идеи, которые заронились у юного Яковлева, сложились в цельную систему просвещения чувашского народа и нашли применение и среди других народов Востока России.

Новые суждения приведены Л. П. Кураковым при показе тех условий, при которых формировались у И. Я. Яковлева идеалы юности. В яковлеведении распространено мнение о том, что И. Я. Яковлев «расширил заветные идеалы юности» под влиянием Н. И. Ильминского. Автор же рассматриваемой статьи вполне справедливо отмечает, что «используя идеи Н. И. Ильминского, И. Я. Яковлев дополнил их оригинальными мыслями, связанными с подъемом экономики и культуры родного народа».

Автор подробно анализирует условия появления великого просветителя. «Во второй половине XIX в. у многих народов Востока

России были объективные условия и предпосылки для появления просветителя типа И. Я. Яковлева. Но вследствие субъективных причин не все народы могли дать Яковлева». У чувашского народа появляется такой деятель вследствие того, что он «рос, воспитывался в экстраординарных условиях», «всякую свободную мину-ту... использовал для самообразования», был по характеру упрям и настойчив, закалил его «при злых начальниках и добром, сочувственном отношении к нему прогрессивных представителей российского общества». Природный талант, любовь к родному народу, целеустремленность и решительность, честность и доброжелательность – вот те позитивные качества, которые привели И. Я. Яковлева к стезе организатора народного просвещения, борца за национальный подъем чувашей.

В подтверждение плодотворной полувековой деятельности И. Я. Яковлева ранее разные авторы приводили разные цифры. Эта статья кладет конец разноречиям в этом вопросе. Здесь названы обстоятельно обоснованные цифры. Школа И. Я. Яковлева за годы своего существования выпустила более 1000 учителей. В 1911 г. в России действовало 926 чувашских школ. К 1917 г. грамотность среди чувашей Поволжья и Приуралья составила 12 процентов.

«Многолетний добросовестный труд И. Я. Яковлева на благо России не остался незамеченным, - отмечает автор статьи. - Он был награжден пятью орденами и четырьмя медалями, в 1904 г. заслужил высокий чин действительного статского советника, стал выслужным потомственным дворянином. Трудно найти в России такого ученого-педагога, который так преданно служил бы интересам народа»¹².

Известный яковлевовед Н. Г. Краснов в статье «Педагогическое наследие И. Я. Яковлева», помещенной в названном издании, дает теоретическое осмысление просветительской деятельности ученого-педагога, раскрывает суть его глубоко продуманной педагогической системы. Создание национальной школы он считает самой большой заслугой И. Я. Яковлева.

Как он доказывает, И. Я. Яковлев был Просветителем с большой буквы. В отличие от своих предшественников Е. И. Рожанского, С. М. Михайлова, Н. И. Золотницкого и др.

¹² Ульяновец, 2004. 23 дек.

И. Я. Яковлев создал средства распространения просвещения среди населения - письменность, школы с родным языком обучения, подготовил большой отряд учителей - просветителей народа, выпустил книги по различным отраслям знаний и т.д.

В Староайбесинском приходе Буинского уезда Симбирской губернии, на речке Вараксарке, И. Я. Яковлев в 1911г. создает женскую трудовую общину. Она имела значительный хозяйственный комплекс, куда входили животноводческая ферма, мельница, зерновое поле, огород, сад. Об этой женской трудовой общине ведет речь другой автор Г. Н. Плечов в статье «Чувашское трудовое женское общежитие в социально-просветительной системе И. Я. Яковлева». Здесь в основном трудились женщины-инвалиды разных национальностей. Для оказания им помощи в порядке прохождения общественно-педагогической практики сюда направлялись воспитанницы педкурсов при Симбирской чувашской учительской школе.

Герольд Никифорович в своей статье на основе документальных данных впервые исследует историю Вараксарского чувашского трудового женского общежития и показывает его место в социально-просветительной системе народного педагога.

Статья заслуженного деятеля науки РФ и ЧР В. Д. Дмитриева «К истории исследования и публикации творческого наследия И. Я. Яковлева» посвящена показу тех трудностей, сложностей и конфликтов, с преодолением которых был связан весь этот процесс. Автором скрупулезно прослеживается изучение жизни и деятельности И. Я. Яковлева и его детища Симбирской чувашской школы с 20-х годов XX в. по настоящее время. Трудности в этом важном деле вызывались недобросовестным отношением к работе отдельных исследователей, разным подходом к оценке творческого, научно-педагогического наследия выдающегося просветителя чувашского народа. Также известно, что к оценке роли и значения многосторонней деятельности И. Я. Яковлева допускался несправедливый тенденциозный подход, который вызывался выпячиванием религиозно-нравственных основ воспитания в Симбирской чувашской учительской школе.

В конце книги даны краткие сведения об авторах статей, помещенных в ней. Вот что мы узнаем о видном яковлевоведе Н. Г. Краснове: «...Родился в 1932 г., окончил Чувашский государ-

ственный педагогический институт имени И. Я. Яковлева, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета иностранных языков Чувашгосуниверситета, член-корреспондент НАНИ ЧР, заслуженный деятель науки ЧР, заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии ЧР, автор 163 работ, в том числе 7 монографий и брошюр по истории народного образования» (С. 211). Не иначе как Николай Герасимович позаимствовал неимоверную силу духа у самого И. Я. Яковлева.

Серийное издание «Вопросы яковлеведоведения» предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов вузов, научных сотрудников и массовых читателей. В последующих выпусках опубликованы новые исследования яковлеведов, отличающиеся актуальностью и оригинальностью.

С большим одобрением встретила наша общественность очередное издание сочинений чувашского просветителя «Становление системы образования чувашского народа» (Ч., 2004). Сочинения публиковались по решению Ученого совета чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Обязанности главного редактора выполнил Президент Чувашской Республики, доктор наук Николай Васильевич Федоров.

В аннотации книги сказано: «В настоящее издание включены педагогические статьи И. Я. Яковлева, связанные с разработкой и внедрением в практику научных основ просвещения чувашского народа. Они всесторонне характеризуют его бескорыстную и многогранную деятельность по созданию школ и подготовки учительских кадров широкого профиля».

Составлена книга именитыми исследователями Л. П. Кураковым, Н. Г. Красновым и Г. Н. Плечовым. Подавляющая часть статей, включенных в это издание, публикуется впервые. К таким относится прежде всего классическое произведение публицистики памфлет «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье», написанное И. Я. Яковлевым еще в 1900 г. Но это произведение не увидело света вплоть до 2004 г. Читатели хотели бы видеть в таком издании «Сведения, доставленные г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, Симбирской уездной управе, сентября 17 дня 1877 г.», опубликованные «Симбирской земской газетой» 5 августа 1878 г. Ответственным редактором этой газеты был председатель Симбирской губернской зем-

ской управы Н. Пазухин. Печаталась она в типографии В. Черникова.

Сочинения предназначены для научных работников, преподавателей, студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям, для широкого круга читателей. Книга является важным учебным пособием. Важно подчеркнуть и следующее обстоятельство: типография университета научилась полиграфически грамотно, добротно выпускать свои книги.

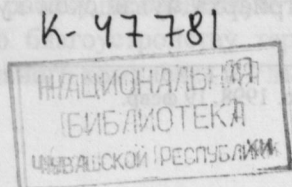
«Становление системы образования чувашского народа» - продолжение публикаций трудов великого просветителя. Как правило, каждый выпуск открывается текстом «Завещания родному чувашскому народу». Оно написано в прошлом веке, почти сто лет назад, но это открытое письмо в адрес народа хочется читать и сегодня. В этом классического образца публицистическом творении очень сжатые, короткие, мощные формулировки, требующие осмысления. Написано патриархом чувашской культуры очень правильно и грамотно - мысли изложены логически связанными, мудрыми и дельными.

Председатель Центрального общероссийского движения «Россия Православная» Александр Иванович Буркин, выступая перед коллективом Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, сказал:

«Завещание И. Я. Яковлева - это катехизис. Иначе невозможно сказать, потому что делается все это во имя Отца, Сына и Святого Духа. Катехизис, который написал И. Яковлев. Он писал его всю свою жизнь. И писал он свое Завещание не для того, чтобы мы его читали, а для того, чтобы мы так жили, чтобы были христианами, веровали в Бога, не грешили. Хочу сказать, я почувствовал, что в этих стенах и за этими стенами любят Россию, как и говорил Иван Яковлевич. Более того, русскому народу есть чему поучиться»¹³.

Следует надеяться, что исследование трудов патриарха чувашской культуры продолжится. Мало что сказано исследователями о гимназическом сочинении И. Яковлева «О влиянии театра» (1870), курсовых работах студента университета, о докладной записке «Сведения, доставленные г. Инспектором чувашских школ Казан-

¹³ Симбирская земская газета. 1878. 5 авг.

ского учебного округа, Симбирской уездной управе, сентября 17 дня 1877 г.»¹⁴.

Кстати, названные сочинения - хотя бы гимназическое сочинение и служебная записка - пока еще незаслуженно остались не включенными в труды чувашского просветителя.

Еще одно направление в изучении творческого наследия чувашского просветителя И. Я. Яковлева - это анализ плодотворной литературно-публицистической деятельности его - начато в последней четверти XX века. Оно было связано с началом в Чувашском государственном университете подготовки национальных журналистских кадров и преподавания истории чувашской журналистики. Так появляются труды «Газета «Хыпар» и чувашский просветитель И. Я. Яковлев» (в кн.: Вопросы русской и чувашской филологии, вып. III. Ч., 1973. С. 110-122), «Литературно-публицистическая деятельность чувашского просветителя И. Я. Яковлева» (Львов, 1980), «Чăвашсен малтанхи публицистсем» (Первые чувашские публицисты. Ч., 1987. С. 47-67), «И. Я. Яковлев-публицист» (Ч., 1990), «Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии» (Ч., 1999), «Публицистика на службе чувашскому народному делу» (Ч., 2003), «Чăваш публицистикипе журналистикин аталану тапхăрĕсем» (Этапы развития чувашской публицистики и журналистики. Ш., 2004), серия статей по данному же вопросу и др. Изучение публицистической деятельности чувашского просветителя продолжается, так как оно дает возможность глубже познать общественно-социальные и педагогические взгляды Ивана Яковлевича, по-должному оценить его многогранную деятельность.

И. Я. Яковлев осуществлял титаническую работу по переводу книг Священного Писания на чувашский язык, в том числе и Библии. Не случайно он являлся Почетным членом Британского и Иностранного Библейского общества в Лондоне (1913). Иван Яковлевич выпустил переводы Псалтыри и части Пророков, Закона Божьего, Нового Завета (Евангелия), четырех книг Моисея, Ветхого Завета и др.

В числе неутомимых исследователей переводческой деятельности патриарха чувашской культуры назовем Ираиду Василь-

¹⁴ Ульяновец. 1998. 19 февр.

евну Мукину, ныне работающую доцентом Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

Родилась она в 1957 году в деревне Старое Ахпердино Батыревского района. В 1979 г. окончила историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, где путем специализации получила журналистское образование. После этого пятнадцать лет проработала переводчицей в редакции газеты «Коммунизм ялавлĕ» (позднее «Хыпар»), заинтересовалась переводческой деятельностью патриарха чувашской культуры И.Я. Яковлева, в особенности переводом Библии. Результаты долгой кропотливой исследовательской работы ею изложены в книге «И. Я. Яковлев синчен хунă чăн сăмах» (Слово о И. Я. Яковлеве. Ш., 1998). Здесь она на конкретных документальных данных показывает пути прихода Ивана Яковлевича к переводческой работе; рассматривает язык Библии, переведенной на чувашский язык целый век назад, анализирует в сопоставлении с современным языком своих родичей.

В последние годы активно подключился к изучению просветительского наследия И. Я. Яковлева коллектив ученых Чебоксарского института экономики и менеджмента (филиала) Санкт-Петербургского государственного политехнического университета (директор Н. Т Савруков, профессор, академик). По инициативе этого института создан Фонд имени И. Я. Яковлева. Результаты изучения многогранной плодотворной деятельности его публикуются в сборниках под названием «Дело его жизни» (Чебоксары, 1998; Чебоксары, 2003). К 160-летию со дня рождения патриарха будет выпущено третье издание сборника. Учеными института главное внимание уделяется проблеме претворения заветов И. Я. Яковлева в совершенствование образования в Чувашии в наши дни. Об этом свидетельствуют заголовки их трудов: «Внедрение педагогического наследия И. Я. Яковлева в современную систему образования», «Яковлевские традиции в современной школе», «Модель школы будущего», «Современный чувашский учебник - фактор реализации заветов И. Я. Яковлева» и др.

Нельзя не отметить ту большую работу, проведенную институтом экономики и менеджмента по благоустройству территории Чувашского национально-мемориального комплекса в Ульяновске.

Силами вуза очищена территория комплекса от годами накопившегося мусора, установлена железная ограда по всему периметру, отремонтированы залы музея И. Я. Яковлева. Проводятся научные конференции в Ульяновске, Чебоксарах, Казани к юбилейным датам (150,-155-летию патриарха). Изготовлен бюст-памятник И. Я. Яковлева. В самом здании ЧИЭМ открыт Уголок И. Я. Яковлева, где выставлен бюст просветителя, труды, выдержки из Завещания родному чувашскому народу.

Институт издал монографические труды Г. Н. Волкова «Жизнь, смерть и бессмертие патриарха», «Чувашская этнопедагогика». К 160-летию И. Я. Яковлева опубликована книга «Первый ученик патриарха».

Обеспечение народного благоденствия путем просвещения, распространение знаний и разума в народе входили составной частью в программу по национальному возрождению чувашей. По мысли Яковлева, просвещение должно принести народу возможности для повышения плодородия земли и успешного ведения животноводства, развития новых отраслей сельского хозяйства и нужных ремесел.

И. Я. Яковлев ясно представлял себе, что для национального подъема народа очень важно улучшение материального положения его. В труде «Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа» (1876) он указывает на бедность жизни чувашей и стремление последних к улучшению ее. «Если обратить внимание на экономическую сторону жизни чуваш, то также можно заметить, что они начинают сознавать неудовлетворительность своей культуры и ничтожность материального благосостояния. Чуваша хорошо чувствуют потребность улучшения: они стремятся к новым приемам обработки земли и вообще сельского хозяйства. Но отсутствие знания и умения, отсутствие людей и примеров задерживает ход развития и не дает возможности отрешиться от рутины». (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 170, ед.хр. 1008).

Исследователи в большинстве своем считают, что они изучают просветительную деятельность И. Я. Яковлева, оставляя в стороне ее просветительскую сторону. Некоторые из них не задумываются над тем, что две стороны деятельности - просветительная и просветительская - тесно связаны, переплетаются между собой, но

все-таки полной адекватности, равнозначности, тождественности их нет. Вторая сторона по своей значимости выглядит шире и полнее, так как она охватывает не только просвещение народа, но и повышение уровня материальных условий жизни. Две стороны этой деятельности вместе взятые и составляют национальный подъем чувашей.

Как нам кажется, введение в научный оборот двух терминов - просветительная деятельность и просветительская деятельность - подсказывается необходимостью глубже осознать широту дела и жизни И. Я. Яковлева и вести изучение его в двух отмеченных направлениях. Первое направление в деле его жизни можно назвать школьным образованием, второе - повышение хозяйственного и культурного уровня народа.

Исследователи ныне пытаются находить разницу между просвещенским и просветительским видами деятельности. Первый вид они называют школьным образованием, а второй - работой среди крестьянства. Так, В. Д. Димитриев в статье «Историческое значение просветительной деятельности И. Я. Яковлева» заявляет: «Каковы были результаты просветительной деятельности И. Я. Яковлева? Каково ее историческое значение?»

Основное место в национальном подъеме чувашей и их сближении с другими народами И. Я. Яковлев и его сподвижники отводили развитию школьного образования с использованием родного языка. Важное значение придавалось просветительной работе среди всего чувашского крестьянства, направленной на повышение его хозяйственного и культурного уровня материального благосостояния»¹⁵.

И. Я. Яковлев неустанно искал те пути, которые, по его соображениям, могли оказать помощь в поднятии уровня крестьянского хозяйства. Эти поиски нашли отражение в ряде его трудов и сподвижников.

Как описывает выпускник Симбирской чувашской школы (1897), в 1903-1905 г.г. преподаватель этой школы Михаил Петрович Петров (Тинехпи), здесь воспитанников «во внеклассное время обучали разным ремеслам: сапожничать, зашивать книги, плотничать и т.д. Этого

¹⁵ Петров М.П. Симбирская чувашская учительская школа и И.Я. Яковлев. Ч 1928. С. 36.

еще мало, учащиеся выполняли много других работ: подметали двор, кололи и складывали дрова, разрыхляли землю в огороде, выращивали плодоносящие растения, поливали их, убирали сорняки, постоянно оказывали помощь в строительных делах... Чувашиские дети помогали расти чувашской школе своими силами, своим трудом»¹⁶.

Автор книги подчеркивает, что только дети негров своим неустанным трудом в Америке создали для себя университет. При этом чувашскими детьми руководил Иван Яковлев, а негритянами - Букер Вашингтон. Идеолог негритянской буржуазии Букер Тальяферро Вашингтон (1856-1915) действительно выдвинул программу обучения негров сельскохозяйственным наукам и ремеслам. Тем он и прославился. Однако они резко отличались друг от друга по своим политическим взглядам: И. Я. Яковлев был демократом-просветителем, а Б. Т. Вашингтон - идеологом и защитником узкого круга людей - негритянской буржуазии.

Многие маститые исследователи воочию видят, что масштабы приложения сил И. Я. Яковлевым выходят далеко за пределы просвещения, но в таких случаях подобную деятельность называют общественной. Так, в одном труде читаем: «Его общественную деятельность характеризуют гуманизм, преданность интересам народа и прежде всего крестьян. По просьбе последних он проверял правильность налогового сбора, в неурожайные годы организовывал помощь голодающим, принимал деятельное участие в покупке земель, в организации общественных столовых и т.д. В 1905 г. через суд он добился возвращения крестьянам деревни Тоншеры Тетюшского уезда около 8 десятин земли, незаконно присвоенной помещицей Н. В. Терениной»¹⁷.

Однако, нам кажется, что здесь более уместен термин просветительская деятельность, воплощающий в себе и просвещение, и общественную деятельность, труд педагогический и общественный. Ведь чувашский просветитель все это осуществлял одновременно, параллельно. Поэтому его мы называем не просвещенцем, а просветителем.

¹⁶ Краснов Н.Г. Педагогическое наследие И.Я. Яковлева // Вопросы яковлевоведения. Вып. 1. Чебоксары, 1999. С. 79.

¹⁷ Савруков Н.Т. Слово о Яковлеве // Дело его жизни. Чебоксары-Ульяновск, 1998. С. 17.

Усилия Симбирской школы по выработке у учащихся практических навыков высоко оценены директором Чебоксарского института экономики и менеджмента исследователем Н. Т. Савруковым: «И. Я. Яковлев неоднократно подчеркивал: «Если ученик уносит из школы знания как простую охапку кирпичей, не сложившихся в ценности, то неудивительно, что он подчас освобождается от них в десяти шагах от школьно порога. И потом идет по земле вслепую, не слыша ее голоса, не видя ее красоты. Воспитание потребностей - одна из задач школы, всех учителей. Моя душа радуется, когда я вижу, как зажигается интерес в глазах молодых, как появляется у них стремление знать - не для отметки, появляется жажда узнавать... В школе И. Я. Яковлева считали, что главной задачей всех работающих является закрепление полученных знаний в ходе работы на полях, на школьной ферме и т.д.»¹⁸.

В. Г. Егоров, председатель правления Ульяновского областного чувашского просветительского общества им. И.Я. Яковлева, подметил: «Школа, созданная И. Я. Яковлевым, считалась одной из лучших в России, а по части соединения обучения с трудовым воспитанием ей не было равных. Выделялась чувашская школа и среди учебных заведений Симбирска»¹⁹.

А. В. Жиркевич в дневниковой записи от 11 июля 1919 года отмечал: И. Я. Яковлев - один из величайших, искренних, убежденных демократов не только России, но и Европы.

И. Я. Яковлев имел тесные связи с сельским населением. Родители воспитанников, приезжающие в город мужики беспрепятственно могли остановиться в школе, если надо - и переночевать. Их кормили и поили, давали необходимые советы. Двери и самого Ивана Яковлевича, и учителей школы для них всегда были открыты.

Воспитанник Симбирской чувашской школы Г. И. Комиссаров обо всем этом отзываясь так: «К Ивану Яковлевичу приходили чуваша-крестьяне из деревень с просьбой помочь им советами: как оценить участки казенных, удельных и помещичьих земель. Обращались к нему чуваша и по другим вопросам. Крестьяне, приезжавшие в Симбирск на лошадях, заезжали в чувашскую школу на

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ И.Я. Яковлев в фотографиях и документах. Ч., 1999. С. 110.

ночевку. Он раз и навсегда разрешил им это. Вообще Иван Яковлевич с любовью относился к простым людям»²⁰.

И. Я. Яковлев оставался до конца верным своим заветным идеалам юности. Одни исторические личности покрывают себя славой, совершив выдающийся одномоментный подвиг, другие идут к намеченной цели на протяжении всей своей жизни, встречая на своем пути невероятные трудности, препятствия, сопротивление власти имущих. К последним можно отнести выдающегося просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева.

²⁰ Кураков Л.П. И. Я. Яковлев оставался до конца верным своим заветным идеалам юности // Вопросы яковлеведения. Выпуск 1. Чебоксары, 1999. С. 49.

ЗАВЕТ ПАТРИАРХА НЕ СТАРЕЕТ И ПОНЫНЕ

*Верьте в Россию, любите ее, и
она будет вам матерью.*

И. Я. Яковлев

Нести людям всех наций и народностей идеи дружбы и братства, давать отпор проявлениям национализма и шовинизма - таким было одно из направлений многоплановой общественно-гражданской, просветительской и литературно-публицистической деятельности выдающегося чувашского просветителя И. Я. Яковлева. Он считал, что народы, в том числе Среднего Поволжья, являются равноправными. А Россия должна стать общей матерью для них. Дела и помыслы Ивана Яковлевича находят живой отклик и в настоящее время, взгляды его по национальному вопросу актуальны и сегодня.

И. Я. Яковлев с ранних лет видел в родном народе нежные ростки самобытной культуры. Однажды летом около деревни Кишаки Буинского уезда он «с 11 часов ночи до 3 часов утра» следил за чувашским хороводом. «Пение было прекрасное, танцы изящные», - записал он затем. Чувашские песни он находил нравственно-целомудренными и трогательными, а в основе их видел поэзию. В чувашских деревнях педагог с увлечением слушал чудесные народные сказки и легенды. Друзьям своим он говорил: у чувашей сто тысяч слов, сто тысяч песен и сто тысяч вышивок. Эти наблюдения привели его к мысли о том, что надо идти по линии дальнейшего развития самобытной чувашской культуры, обогащая ее духовным богатством русского и других народов.

Как известно, в 1875-1893 годах, во второй период своей литературно-публицистической деятельности, Яковлев разрабатывает программу национального возрождения чувашей. Стержнем ее стали идеи дружбы между чувашским и русским народами, приобщения чувашей к русской культуре. Для этого необходимо в первую очередь «ознакомление русского народа с жизнью и бытом чуваш, равно как и ознакомление чувашского народа с историческим прошлым, настоящим общей матери - России». Важное место занимала в программе задача превращения Симбирской чувашской учительской школы в центр, «из которого, как лучи от солнца

расходились бы по всем сельским местностям, где живут чуваши, — благодеяния русской христианской культуры». Он заботился о просвещении не только чувашей, но и других нерусских народов.

Царские чиновники и духовные лица считали И. Я. Яковлева противником самодержавной политики. Так, Буинский земский начальник С. П. Яковицкий даже в том, что чувашский просветитель защищал право пользоваться родным языком, усматривал сепаратистские устремления. Казанский архиепископ Палладий обвинял Яковлева в том, что «он хочет чувашить, а чуваш надо русить». Официальная царская политика предусматривала насильственную русификацию мелких народностей и замену их самобытной культуры русской культурой. По мнению же Яковлева, просвещение чувашей не отделяет их от русского народа, а сближает с ним. Он считал, что не насильственная русификация, а национальный подъем будет способствовать сближению народов.

Яковлев не мог не видеть, что препятствием на пути сближения разных народов являются религиозные различия. Средством устранения этого он считал христианизацию чувашей. «Просвещение чуваш прежде всего должно быть религиозно нравственное в духе православной церкви», — фиксирует он эту мысль в статье «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах».

В памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» чувашский просветитель наполнил новым содержанием понятия «инородческая миссия», «инородческий вопрос». Если царские сатрапы все еще упорно добивались насильственной русификации окраин, то Яковлев, в противовес им, выдвинул программу, основной задачей которой являлось «духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего» на основе единой христианской веры через усвоение языка великого народа.

Как он указывал, чуваша со времени перехода в христианство находились под влиянием еще двух религиозных течений — язычества, унаследованного от предков, и магометанства, которое исповедовало окружающее население. В чувашских и смешанно-чувашских (русско-чувашских, чувашско-татарских) деревнях происходила борьба трех религий — христианской, языческой и магометанской. Яковлев отдал предпочтение православию.

Распространение христианства среди чувашей он рассматривал как главный путь сближения их с русскими: «Я твердо убежден, что утверждая инородцев в православии тем самым мы коренным образом объединяем их с русским народом», - писал Яковлев в корреспонденции «К вопросу об открытии школы в Средних Алгашах» (Симбирская земская газета. 1878. 6 авг.). Он полагал, что без близости в верованиях не может быть настоящей дружбы. Кроме того, Яковлев считал, что чуваша вместе с религией воспримут и передовую русскую культуру. Кстати, по данному вопросу он придерживался одинакового мнения с удмуртским педагогом И. В. Яковлевым.

Словом, Яковлев был проповедником христианства. Он предпочел христианство чувашскому язычеству и татарскому магометанству. Яковлев настойчиво подчеркивал, что в отношениях между чувашским и русским народами предпочтение русско-христианской культуре было «требованием совести и сердца руководителя школы и требованием самой жизни».

Как видим, взгляды Яковлева по национальному вопросу довольно сложны. Неудивительно, что в прошлом они вызывали много споров. Одни считали его ярым чувашским националистом, другие – русификатором, сторонником великодержавного шовинизма. Таких голосов давно уже не слышно. Но в шестидесятых годах были высказаны обвинения иного толка. «Откровенная тенденциозность в отношении к Яковлеву принимает явно нетерпимую форму в вопросе о яковлевском понимании национального («инородческого») вопроса, - говорилось в заявлении группы публицистов и деятелей культуры республики «О преувеличениях и искажениях в оценке взглядов и деятельности И. Я. Яковлева». Признавая подлинное величие Яковлева как страстного поборника дружбы народов, как патриота, чуждого всякого национализма, авторы заявления намекают, что он, ратуя за христианство, допускал неприязненное отношение к мусульманству. И подводят читателя к вопросу: коли так, может ли он быть поборником дружбы между христианами и мусульманами или вообще между другими разными народами? Кроме того, отмечают авторы, Яковлев был противником предоставления автономии народам России, отводил им только роль «покорных исторических спутников русского на-

рода». Они считают, что «такая проповедь Яковлева была только на руку царскому правительству, силам реакции».

Действительно, при знакомстве с творческим наследием И. Я. Яковлева (публикациями в периодической печати, многочисленными письмами, воспоминаниями и т. д.) возникновение подобных вопросов (или хотя бы такого рода сомнений) вполне возможно. Просветитель, кажется, и в самом деле дает для этого повод. И все же позиция авторов заявления явно ошибочна. Это не трудно обнаружить, если рассматривать взгляды Яковлева по национальному вопросу вообще, не абстрактно, а с учетом конкретных особенностей жизни чувашского народа.

Деятельность Яковлева также невозможно правильно оценить при подходе к ней изолированно от определенной исторической обстановки.

Известно, что чуваша в XVI веке присоединились к Русскому государству добровольно, в силу исторической необходимости. По своему географическому положению Чувашия оказалась в самом центре России. Национальный вопрос в Чувашии стоял иначе, чем у других народов империи, присоединенных захватническим путем и удерживаемых в ней насильственными мерами. Вместе с тем Чувашия была весьма отсталым краем, патриархальщина в чувашской деревне изживалась медленнее, классовая дифференциация крестьян проявлялась слабее, чем у окрестных русских и татарских крестьян. Чувашский народ в этих условиях мечтал не о создании самостоятельного государства, а о ликвидации отставания в своем развитии - в подъеме духовной культуры, повышении уровня ведения хозяйства, улучшении материального благосостояния. На решение именно этих задач и были направлены дела и помыслы И. Я. Яковлева.

Авторы приведенного заявления полагали, что Яковлев добивался сближения и слияния нерусского населения с русским народом - «носителем божественной истины», во имя православия. Но это лишь то, что лежит на поверхности его усилий. Глубинные цели у чувашского просветителя заключались не в том. Он видел, русская культура по своему развитию стоит значительно выше, чем культура многих других российских народов. И потому Яковлев стремится проложить для чувашей путь к ее богатствам. «Нашей задачей было духовно слить инородцев с русским народом,

передав им самые драгоценные убеждения», - писал он в 1900 году в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Он считал, что «духовное слияние инородцев с русским народом» - это «поднятие первых до уровня последнего», а средство достижения данной задачи - «усвоение христианских идеалов». Он полагал: когда чуваша поднимутся «до того культурного уровня, на котором стоит русский народ», естественнее произойдет «слияние чувашского «ручья» в русское «море». В письме священнику А. С. Михайлову 23 января 1914 года понятие «слиться» он уточняет так: «Это не значит усвоить только русский язык и носить русскую одежду. Мы должны по духу сделаться русскими, по русски думать и чувствовать. Для этого нам необходимо подняться до русской культуры: усвоить православную веру, основы русской культурной и государственной жизни».

Педагог полагал: «Никакой самостоятельной политической роли нашим восточным инородцам играть не суждено, никакого самобытного и национального развития им искать не следует, и не надо толкать их в этом направлении». На основе этого некоторые исследователи, в том числе и авторы заявления, приходили к выводу о том, что Яковлев не мог быть сторонником равноправия и самостоятельного развития народов. Педагога они обвиняют в том, что он не требовал выделения чувашского края в самостоятельное государство. И некоторые прямо приписывали Яковлеву «отрицание национально-освободительного движения и всякой перспективы развития национальностей».

Но справедливо ли такое обвинение? Давайте вспомним, что собой представлял чувашский народ в тот период, когда развернулась просветительская деятельность И. Я. Яковлева. Разве он не был прав, когда писал, что «в мирном и малокультурном чувашском крае» не было в те годы никакой почвы ни для сепаратизма, ни для мечтаний инородцев о какой-то национальной самобытности, в особенности для инородцев крещеных, что «инородцы так отстали от окружающего их русского народа, настолько бедны духовно и материально, что ни о каких подобных мечтаниях с их стороны не может быть и речи». «Их будущее, - не уставал повторять Иван Яковлевич, - в мирном слиянии с окружающим их со всех сторон русским населением».

В годы демократизации общества вполне закономерно, что жизнь заставляет нас отказываться от многих идеологических, теоретических постулатов прошлого. Нельзя не учитывать и того, что в «послеяковлевский период» в жизни чувашей произошло немало кардинальных перемен. И потому оценивать Яковлева без их учета недопустимо. Что-то в его доказательствах сегодня, возможно, покажется недостаточно убедительным, спорным, а кое-кому, может быть, даже неверным. В пору плюрализма такое, конечно, вполне закономерно. И тем не менее основные, стержневые идеи И. Я. Яковлева актуальны и в наши дни. А иные его наставления, советы, рекомендации звучат сегодня, как никогда, злободневно.

Правильное решение национального вопроса заключается не столько в обязательном предоставлении тому или иному народу независимости, сколько в том, каким образом этот вопрос решается: насильственно или добровольно. За добровольное, дружественное, равноправное слияние народов стоял и Яковлев. Он не одобрял политику царского правительства, насаждавшего межнациональную рознь, и вражду, политику насильственной русификации «инородцев». «Инородцы, - писал Иван Яковлевич в представлении попечителю Казанского учебного округа от 29 января 1905 года, - должны прочно войти в великую семью русского народа, но войти в нее не пасынками, а равноправными детьми... Прежде всего надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии, мысль, столько раз приводившую к самым печальным результатам, не надо стремиться обрусить инородцев, а надо помочь им обрусеть». То есть Яковлев, говоря о свободном слиянии, говорил о добровольном объединении.

Эта проблема получает дальнейшее углубление и обрывает новые детали в статье «Что такое чувашская учительская школа? Каково мое отношение к ней?» (1906). В ней Яковлев доказывает: не надо «суживать задачи обрусения до обучения одному только русскому языку, такая постановка задачи была и односторонней и, как уже опыт неоднократно показал, неблагоприятной».

Идея сближения и объединения чувашей с русскими рождена глубокой верой просветителя в неразрывность их интересов. «Русский народ - надежный друг всех других народов, - доказывал он. - Двигаясь «по своей исторической орбите», он ведет за собой и их». Яковлев хотел, чтобы горе и радости русского народа стали и горем и их радостями, его будущее - их будущим, его счастье - их счастьем.

Народная власть закрепила завоевания Яковлева в области просвещения. Если в прежние времена он стремился поднять чувашей до уровня русской культуры, то теперь им завладела идея европеизации чувашской духовной жизни. Это означало приобщение чувашей с помощью великого русского народа и к прогрессивной мировой культуре. В выполнении такой задачи главная роль им, естественно, отводилась народному образованию. Чувашское просвещение, как подчеркивал И. Я. Яковлев, должно было стать движением «к благу родины и человечества».

У Яковлева свое понимание патриотизма. Он считает, что настоящий патриот, во-первых, должен быть преданным русскому народу, матери, России. В своем «Завещании родному чувашскому народу» он дает наказ чтить и любить «великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли». «Народ этот, - наставлял он соплеменников, - да будет руководителем и нашего развития: идите за ним и верьте в него».

Во-вторых, как истинный патриот, Иван Яковлевич выражал горячую любовь к родному народу. И призывал своих воспитанников иметь с ним крепкую связь и верно служить ему.

Свой наказ чтить и любить великий русский народ Яковлев писал в то время, когда чувашские националисты типа А. П. Милли ставили вопрос о замене чувашского алфавита латинским (по их мнению, алфавит, созданный на основе русской графики, якобы «приводит к национальному развалу чуваш»). С их стороны раздавались требования «освободить дух чувашского народа от оков, наложенных на него русской культурой, и следовать за западной культурой». И завещание И. Я. Яковлева не оставляло сомнений в безрассудности подобных требований.

Являясь поборником дружбы народов, чувашский просветитель, безусловно, был страстным приверженцем идеалов воинствующего гуманизма и деятельного добра. Этим он и дорог родному народу.

Национальное движение чувашей, которых в стране насчитывается теперь почти два миллиона человек, привело к тому, что созданы Чувашский национальный конгресс, Чувашский общественно-культурный центр (ЧОКЦ). Создание их явилось закономерным продолжением благородного дела патриарха чувашской культуры, апостола чувашского просвещения И. Я. Яковлева.

Сегодня мы являемся свидетелями обострения межнациональных отношений, возникновения национальных конфликтов, кое-где достигающих до высокой точки кипения. Потому и являются особо злободневными призывы И. Я. Яковлева к подлинной дружбе всех народов, его требование национального равенства, равноправия народов.

Рождают у сограждан тревогу за свою судьбу непродуманные, поспешные шаги отдельных лидеров общественных формирований тех или других народов. Об этом говорят известные события в Армении, Азербайджане, Средней Азии, Молдавии, Прибалтике. Похоже, самым жгучим для многих народов становится вопрос: каким путем вернуться нам в практической жизни к здоровым нормам и принципам в национальной политике, прийти к согласованной работе на основе поисков консенсуса и консолидации? К сожалению, много еще людей, которые не могут понять, что лишь в этом случае жизнь в нашем многонациональном доме пойдет к лучшему.

Нам, деятелям чувашской культуры, в этой обстановке важно заботливо сберечь все завещанное нашим великим просветителем И.Я. Яковлевым и приложить как можно больше практических усилий, чтобы выстраданные им благородные идеи дружбы народов были понятны, близки и дороги каждому его соплеменнику.

По статистическим данным в Чувашской Республике в настоящее время проживает население 97 наций, из них двенадцать наций имеют общественно-культурные объединения. Недавно заимела такое объединение еще одна нация - узбеки. Цель его - сохранение особенностей узбекской культуры, обычаев этого народа и укрепление дружбы между народами

Интересно вспомнить выступление И. Я. Яковлева летом 1918 года в Казани на Всероссийском съезде чувашских деятелей. «Вы имеете возможность просвещать народ и строить культуру свободно, без притеснения, - сказал тогда Иван Яковлевич. - Однако строить культуру народа необходимо, опираясь всецело на богатейшую русскую культуру. Среди вас раздаются голоса о необходимости перехода на латинский шрифт. Это неправильная точка зрения. Вся моя жизнь посвящена борьбе за просвещение чувашского народа и воспитанию любви к великой русской культуре. Не отходите от нее и не замыкайтесь в собственной скорлупе». (Советская Чувашия. 1998, 6 марта.)

БЕЗОТКАЗНЫЙ ДРУГ АЛМАНЧИКОВЦЕВ

Любить Родину, служить народу учил своих воспитанников выдающийся чувашский просветитель И.Я. Яковлев. Поэтому он живет в народе вечно. Особенно дорога память о нем для алманчиковцев. Иначе и быть не может. Ведь он был для них безотказным верным другом.

Каждый человек имеет склонность к какому-либо делу. Т. М. Мартынов свое призвание осознал в юности вдалеке от родной деревни, в городе Симбирске. В детские годы в соседней деревне Чувашские Сугуты он успешно окончил церковно-приходскую школу. Солдатскую службу проходил в Симбирске. Из воинской части часто приходил в чувашскую школу, простаивал там службу в домово́й церкви, завел в школе дружбу с ее воспитанниками, доставал там книги на чувашском языке. Как-то встретился и с самим И. Я. Яковлевым.

- Ты прав, молодой человек, твои одноклассники действительно нуждаются в чувашских книгах. И как еще им нужна школа!

Слова И. Я. Яковлева зародили в душе юноши желание посвятить себя служению делу просвещения родных алманчиковцев. После солдатской службы он в своем доме с усердием начал обучать детей грамоте. Да иначе и быть не могло: об этом он мечтал еще в Симбирске. При этом пользовался букварем И. Я. Яковлева и другими книгами, привезенными из его школы. Учитель не только толково объяснял, но и показывал детям, как выразительно читать и лучше писать. Священник из Чувашских Сугут прослушал уроки Терентия Мартыновича и убедился в том, что ученики его умеют читать и писать по-чувашски и по-русски, усвоили все четыре арифметические действия. После этого школа Т. М. Мартынова официально становится школой грамоты.

И. Я. Яковлев в 1900 г. написал свое классическое произведение памфлет «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье».

Здесь автор тепло описывает благотворную деятельность Т. М. Мартынова: «Лет десять тому назад в Симбирске служил в солдатах один чуваш, из д. Алманчиково Буинского уезда Терентий Мартынов, грамотный, учившийся в соседнем Сугутском земском училище (?). Этот Терентий Мартынов часто ходил в чувашскую школу ко всенощной и к обедне, заходил к ученикам, доставал у них книги на чувашском языке. В конце концов он так увлекся церковностью и так воспылал желанием просветить своих однодеревенцев, что тотчас по возвращении со службы начал частным образом в своем доме совершенно бесплатно обучать алманчиковских детей. Затем школа эта упрочилась и признана была школой грамоты, а Терентий Мартынов – ее учителем. Благодаря этой школе и усердию учителя книжки на чувашском языке быстро стали распространяться между крестьянами: семя упало на добрую почву»²¹.

Школа грамоты в Алманчикове открылась 16 октября 1889 г. С этой даты берет свое начало Алманчиковская средняя школа. Учителем школы грамоты в 1889-1897 гг. работал Т. М. Мартынов. Дом для школы с благословения И. Я. Яковлева строился им. Строительство его было завершено в 1894 г. Он состоял из двух половин. В первой, более обширной, занимались дети, в меньшей проживал учитель. Открывать школу и строить для него дом помогал сам И. Я. Яковлев. «При моем участии выстроены были школы в селах Верхние Тимерсяны и Богдашкино (Симбирской губернии и уезда), а также в селах Акса... Алманчиково... (все - Буинского уезда Симбирской губернии)», - констатирует этот факт Иван Яковлевич в своих «Воспоминаниях»²².

Алманчиковская школа грамоты с 1 января 1897 г. преобразуется в церковно-приходскую школу. Все это осуществлялось благодаря усердию Т. М. Мартынова. Одним словом, он вписал яркую страницу в историю деревни. Такой человек никогда не умирает - он живет вечно в памяти народа.

При царизме в условиях национального гнета уровень грамотности чувашского населения оставался крайне низким. Особенно мало было грамотных среди женщин. В собственном доме на лич-

²¹ Яковлев И. Я. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // Яковлев И. Я. Становление системы образования чувашского народа. Ч., 2004. С. 281.

²² Там же. С. 117

ные средства открывает И. Я. Яковлев в 1878 г. женское отделение Симбирской чувашской школы, которое потом переименуется в женское училище. Здесь неустанно трудилась супруга руководителя школы Екатерина Алексеевна.

Ученицей этого училища в 1892 г. стала двенадцатилетняя девочка из Алманчикова Агриппина Еремеева. До этого она два года обучалась в родной деревне в школе грамоты, созданной Т. М. Мартыновым. После окончания женского училища она успешно выдержала экзамен в Казанской инородческой семинарии и стала учительницей народных училищ. В том же году она вышла замуж за Степана Артемьевича Артемьева, парня из деревни Елюккасы Цивильского уезда, выпускника Симбирской чувашской школы. И. Я. Яковлев их обоих оставил работать в своей школе. Здесь они трудились несколько лет, оба заслужили уважение как со стороны воспитанников, так и своих коллег.

Острая нужда в педагогических кадрах для чувашских училищ заставила их распротиться с Симбирской чувашской учительской школой. По воспоминаниям старожилов, Агриппина Еремеевна и Степан Артемьевич оказались вынужденными выехать на работу учителями в Первое Васькино (ныне Моргауши).

Провожая их на новую работу, И. Я. Яковлев сказал:

- Слушайте, если хотите... Я вам открою всю душу свою. Люблю я чуваш, от души желаю им всякого блага. У меня в жизни не было другой цели, как благо чуваш... Следуйте моему примеру! Оставайтесь людьми при любых условиях! Будьте верны принципам религиозно-нравственного и умственного просвещения сельчан!

Не забывая ни на минуту мудрое напутственное слово патриарха чувашской культуры, супруги проявили энергичность и предприимчивость и в новой школе. Однако в деревне Степана Артемьевича настигла внезапная смерть. От горя слегла в постель и не сумела больше подняться Агриппина Еремеевна. От них остались круглыми сиротами дочери Лидия и Ксения. Их пришлось воспитывать родному дяде Алексею Еремеевичу. По стезе родителей дочери тоже стали учительницами.

Алманчиковец Алексей Никифорович Никифоров в Симбирскую чувашскую школу поступил в 1899 г. Оказался в одном классе с автором бессмертной поэмы «Нарспи» К. В. Ивановым. Одна-

ко окончить школу не сумел, вместе с Константином Васильевичем его исключили из школы.

Его брат Александр Никифорович Никифоров в Симбирской чувашской школе обучался в 1909-1914 гг. Нелегкой была его жизнь. В разгар мировой войны вместе с тринадцатью товарищами добровольно ушел на фронт. Пылкий юноша сражался храбро, удостоился Георгиевского креста IV степени. Приехав в отпуск после ранения, выдержал все испытания в Симбирской чувашской школе и окончил ее. Однако ему так и не удалось поработать учителем. В 1917 г. он погиб на фронте. По его адресу добрые слова сказаны И. Я. Яковлевым в книге «Война и чувашская школа в Симбирске.» (Симбирск, типолитография губ. правления, 1915 г.). Здесь алманчиковец фигурирует по фамилии Закусин. О тяжелой судьбе родственника с искренней грустью нам рассказывала несколько лет назад наша сверстница Серафима Закусина, ушедшая из жизни недавно.

Заветное желание служить народу привела в Симбирскую чувашскую школу Меркурия Андреевича Волкова (1900-1993 гг.). Оттуда он добровольно ушел на гражданскую войну. За храбрость в боях его наградили орденом Красной Звезды. После демобилизации из армии сумел успешно окончить Симбирскую учительскую семинарию. Меркурий Андреевич долгие годы работал в партийно-советских органах. Его доброе имя занесено в Почетную книгу Трудовой славы и доблести Чувашской Республики. Воспоминания ветерана были опубликованы в 1986 г. Чувашским книжным издательством под названием «Незабываемые годы».

Еще одним питомцем Симбирской чувашской школы явился алманчиковец А. А. Алексеев-Еремеев, однако окончить эту школу ему не пришлось: ушел на гражданскую войну. После войны Аркадий Алексеевич окончил Ленинградский институт и первым в деревне стал инженером-строителем с высшим образованием. В годы борьбы с фашистской Германией его наградили орденом «Знак Почета», медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» После войны за активное участие в восстановлении Ленинграда удостоен ордена Ленина.

Воспоминания о питомцах-однодеревенцах Симбирской чувашской школы невольно приводят к такой мысли: их судьба - это

светлые страницы славной плеяды школы И. Я. Яковлева. Это он помог им получить нужные знания и обрести крепкие крылья. Птенцами из орлиного гнезда называют алманчиковцы воспитанников Симбирской чувашской учительской школы.

Алманчиковцы в 1905 г. на сельском сходе приняли приговор: построить в деревне церковь. Инициатор этой задумки - крепкого телосложения мужик Тихон Митрофанович Хитров зимою того года вместе с двумя уполномоченными прибыл в Симбирск, где его принимал руководитель чувашской школы. Узнав, что два его товарища остались у крыльца, И. Я. Яковлев приглашает к себе и их, всех троих угощает чаем. Гостей из дальней деревни расспрашивает о жите-бытье, о школе, просит рассказать о Терентии Мартынове.

- Расскажите, пожалуйста, подробно, как и что..., - ласково смотрит Иван Яковлевич на мужиков.

- Терентий Мартынович вместе с братом Алексеем переселился в Сибирь. От них письма приходят из-под Тюмени, - степенно рассказывает Тихон Митрофанович. - Деревня наша разрастается все больше и больше. Ныне проживает 866 душ. Детей школьного возраста стало 62. Однако в школе лишь 35 учеников. Вы помогли нам открыть школу, построить дом для нее. Но дом рассчитан только на 27 учеников. Лет десять назад здание удовлетворяло нас: ныне 35-37 детей остаются вне школы...

- Эдак-так, вы задумали построить новое помещение для школы?- заинтересованно допытывается Иван Яковлевич.

- Простите, господин инспектор... действительный статский советник..., - вспомнил Тихон Митрофанович новый чин Ивана Яковлевича, присвоенный ему царским правительством. - Новое здание для школы нам, несомненно, нужно, на сей раз мы приехали к вам с другой нуждой. Алманчиковцы хотят окончательно порвать с киреметью и построить церковь христианскую...

Иван Яковлевич с пониманием смотрит на чувашей в кафтанах и лаптях: одобрительно кивает головой.

- Следовательно: вы хотите воздвигнуть церковь. Хорошее дело задумали. Однако храм строить - не мякиницу сляпать. И деньги большие будут нужны, и строительные материалы понадобятся. Немало пота прольется на этом деле. На моей родине, в Кошки-Новотимбаеве, кое-как мы воздвигнули церковь. Скажу прямо, с

большим трудом. Чтобы обошлось дешевле, приобрели в Старых Бурундуках обветшавшую церковь, перевезли в нашу деревню. Разумеется, потребовалось много новых бревен...

- Довелось и нам слышать об этом. Богоугодное дело сделали вы. Пусть Всевышний помогает вам и в дальнейшем. Нам нужен проект церкви...— выговорил наконец Тихон Митрофанович суть просьбы уполномоченных.

- Алманчиковцы хотят услышать колокольный звон своей церкви. Без христианского храма и священника народ наш как стадо без пастуха. Участились случаи грехопадения, - замолвил слово один из уполномоченных.

Гости оставили у И. Я. Яковлева 35 рублей денег для оплаты труда проектанта. У инспектора школы забот полным-полно, однако он просьбу алманчиковцев не забыл. По его просьбе проект церкви составил штабс- капитан Котелов и за это получил вознаграждение сполна. И. Я. Яковлев 30 марта 1905 г. из Симбирска в правление Тимбаевской волости Буинского уезда прислал такую бумагу: «Препровождая при сем расписку штабс-капитана Котелова в получении им тридцати пяти рублей за составление проекта на постройку церкви в д.Алманчиково Буинского уезда, покорнейше прошу правление выдать прилагаемую расписку уполномоченным Общества крестьян д.Алманчиково и настоящее отношение с распискою на нем уполномоченных Общества в получении расписки - возратить мне. Инспектор Яковлев.»

За получением этой расписки алманчиковцы направили в волостное правление Алексея Мартынова и Еремея Васильева. Там вдруг выяснилось, Еремей, оказывается, совсем безграмотный.

- Ради бога, распишись какими-нибудь каракулями, - сердито надвинул брови волостной старшина Лапшин.

Но не тут-то было. За обоих пришлось расписаться Алексею Мартынову. В архиве правления волости сохранился такой документ (приводим без изменения орфографии и пунктуации): «1905 года апреля 7 дня присланную при настоящем отношении расписку штабс-капитан Котелова мы сего числа получили в том и подписуются уполномоченные общества крестьян д. Алманчиково Еремей Васильев и Алексей Мартынов, а за неграмотностью Васильева и за себя расписался Алексей Мартынов. Волостной старшина Лапшин».

Аксакалы об этой церкви рассказывают следующее. Двуглавая церковь Богоявления Господне была воздвигнута в верхнем конце деревни недалеко от школы. Окрасили ее в приятный голубой цвет. Длина ее составляла 14,5 сажени, а наибольшая ширина - 9 саженей. Долго она служила прибежищем богомольных сельчан, но в годы Советской власти оказалась закрытой, а затем и разобранной. Впрочем, что и говорить, ведь закрывать и разрушать намного легче, чем строить вновь и заново открывать. Кстати, в 1996 г. в Алманчикове вошла в число действующих новая церковь, где ведет службу отец Георгий.

22 На воспоминаниях Н.В. Никифорове и записи Н.М. Жукова. Здесь цит. по Ев-
доту Н. Восточные славяне. М.: Восточная литература РАН, 1997. С. 190.
23 НА РГБ. Ф. 101. С. 192.
24 Канал. 1928. 22 февраля. (Подготовленный перевод здесь и далее дан.
Н.И.)

ЧУВАШСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ И ГАЗЕТА «ХЫПАР»

Отношение первой чувашской газеты «Хыпар» (Вести) к просветительской деятельности И. Я. Яковлева и созданной им Симбирской школе, несомненно, представляет большой интерес. Данный вопрос почти не изучен. Некоторые исследователи склонны считать, что чувашский просветитель отнесся к газете неприязненно, взаимоотношения между ним и хыпаровцами были натянутыми, даже враждебными. Однако такое мнение ошибочно.

Создание первой чувашской газеты И. Я. Яковлев, на наш взгляд, встретил с одобрением. Иначе и не могло быть. Начинания в пользу развития культуры родного народа не могли не радовать демократа-просветителя.

И. Я. Яковлев настойчиво прививал своим воспитанникам любовь к родному языку. По его мнению, тот, кто не дорожит языком, воспринятым от матери, часто бывает лишен и чувства человеческого достоинства. «Ничтожен человек, пренебрегающий родным языком, жалости достоин человек, забывший его, глуп человек, не желающий знать его, да будет проклят тот, кто не хочет обучения на нем»²³. Так говорил Яковлев своим ученикам. Разумеется, человек с подобными убеждениями не мог остаться в стороне при создании чувашской газеты.

«Начинаем издавать газету. Думаем, как ее назвать. Симбирский Иван Яковлевич по вопросу выпуска газеты даже поспорил с Никольским. Из-за чего возник этот спор, теперь уж точно не помню. Сначала хотели назвать ее «Хыпарсем», а потом остановились на варианте «Хыпар».

Так писал Тимофей Лаврентьевич Лаврентьев (Лаврин ывăлĕ Тимахви) в статье «Воспоминания о чувашской печати. О газете «Хыпар»»²⁴.

По всей вероятности, здесь имеется в виду то, что Иван Яковлевич участвовал в обсуждении названия газеты и, отстаивая свое

²³ Из воспоминаний Н.В. Никифорова в записи Н.М. Яковлева. Здесь цит. по работе Г.Н. Волкова «Формирование демократической педагогики чуваш. Рукопись. НА ЧНИИ, отд. 1, ед. хр. 461. С. 392

²⁴ Канаш. 1928. 25 февраля. (Подстрочный перевод здесь и далее наш. - И.Т.).

мнение, спорил с редактором-издателем Н. В. Никольским. Предположение, будто они спорили по вопросу издавать или не издавать чувашскую газету, отпадает, ибо из самого воспоминания ясно, что к этому времени издание ее было разрешено.

По-разному толкуют молчание И. Я. Яковлева на страницах «Хыпар». И здесь есть свои причины. Представителями прогрессивной интеллигенции Н. В. Никольским, Н. А. Бобровниковым и другими газета создавалась в просветительных целях, печатать в ней статьи на политические темы вообще не предполагалось. Но газета начала издаваться в годы первой русской революции. Вначале она придерживалась «в основном буржуазно-демократической ориентации»²⁵.

По мере определения политического лица все явственней на ее полосах стал слышаться гул классовых битв. «Хыпар» все уверенней и уверенней стал звать народ к революционной борьбе.

И. Я. Яковлев был далек от революционных идей. Когда он увидел, что газета стала пропагандистом революционных требований трудового народа, то решил не поддерживать этот левый орган. По словам самого И. Я. Яковлева, газета «Хыпар» была крайне левого направления». Значит, основная причина того, что И. Я. Яковлев не выступал на страницах газеты, заключалась в принципиальных различиях его политических взглядов и хыпаровцев. В редакции работали исключенные или ушедшие из Симбирской чувашской школы ученики, считавшиеся тогда неблагонадежными. К таким относились Михаил Акимов, Тимофей Лаврентьев, Тимофей Семенов (Тайяр Тимкки), Ефим Трофимов, Василий Волков и др. Кроме того, участие чувашского просветителя в газете с революционно-демократическим направлением могло стать поводом для закрытия школы.

Известно, что угроза закрытия, как дамоклов меч, постоянно висела над Симбирской учительской школой. Школа находилась под строгим контролем не только органов просвещения и чиновников Казанского учебного округа, начальства Симбирской губернии, но и политического надзора; неусыпно следили за ней жан-

²⁵ Петров К.К. Возникновение и развитие чувашской журналистики (1905-1907 гг.). Казань, 1968. С.9

дармерия и прокуратура. Подвергалась непрерывной и строгой проверке благонадежность и самого инспектора.

Царские власти стремились ликвидировать чувашскую учительскую школу еще накануне первой русской революции. Первым шагом было упразднение должности инспектора чувашских школ в 1903 году. В поисках материалов для отстранения Яковлева от работы в Симбирской школе в 1905 году проводится строгая ревизия, но по поводу предъявленных И. Я. Яковлеву обвинений царский министр вынужден был начертать: «Вижу, все это кляуза».

Появление в первую русскую революцию листовок на чувашском языке обеспокоило царское правительство, местных дворян, черносотенных погромщиков. Для борьбы с нарастающим революционным движением были пущены в ход все средства. В этих целях пытались использовать даже чувашскую газету «Хыпар». Так, священник-либерал В. Димитриев в первом номере газеты от 8 января 1906 года поместил статью «Тяжелая година» с призывом к крестьянам не поддерживать революционеров. Подобных выступлений И. Я. Яковлева на страницах «Хыпара» не было.

Вопрос об отношении чувашского просветителя к революции, к революционерам является сложным. Противники просветителя всячески пытались очернить его доброе имя, обвиняли Яковлева в том, что он был якобы связан с жандармерией, писал на революционеров доносы. «В 1917 году я изучал архив жандармерии: бумаг, написанных Иваном Яковлевичем, не нашел, поэтому давние слухи о том, что он с жандармерией заодно, ложны, - так чисто-сердечно свидетельствует один из его недругов Д. П. Петров (Юман). - Между тем, если пожелал, он вмиг мог отправить нас всех без исключения из Симбирска и Казани в Сибирь»²⁶.

Многим революционерам И. Я. Яковлев помогал. Не обошёл он и хыпаровцев. Так, секретарь редакции Федор Николаевич Николаев (Сергеев) был несколько раз спасен чувашским просветителем от тюрьмы²⁷. Нельзя не остановиться на таком факте. Хыпаровцы явились организаторами выпуска ряда брошюр и листовок революционно-демократического направления. В. И. Иванов (Кри-

²⁶ Юман М. 1905-й год. (Воспоминания о событиях в чувашском крае). Чебоксары, 1925. С.111.

²⁷ Там же. С. 112.

вов), один из редакторов газеты «Хыпар», составил и напечатал в Симбирске календарь для чуваш на 1908 год. В нем была помещена статья «Российский императорский дом» с указанием огромнейших доходов царской семьи. Здесь также напечатана статья «Земля, люди и их доходы», в которой приводились сравнительные данные об уровне благосостояния народов. За эти противоправительственные статьи календарь оказался изъятым цензурой. По поводу распространения календаря среди чувашей симбирский губернатор 10 апреля 1908 года сделал запрос инспектору Симбирской чувашской учительской школы. В ответе на имя губернатора И. Я. Яковлев писал: «...Среди 160-тысячного населения - чуваш Симбирской губернии разошлось «Календаря для чуваш» не менее 22 экземпляра (ов) и не более, - могло распространиться 122 экз., т. е. вообще весьма ограниченное число, и потому, мне кажется, нельзя ожидать значительного вреда от распространения календаря для чуваш.

Тем не менее я совершенно разделяю мнение г. Попечителя, что в календаре для инородцев-чуваш более чем неуместно трактовать о доходах Царского Дома, о сравнительной состоятельности народов, с указанием о неудовлетворенности русского народа, точно также о неудовлетворительности земского строя»²⁸.

Сохранился черновой вариант ответа И. Я. Яковлева губернатору: «...Мне кажется, нельзя ожидать значительного вреда от распространения календаря для чуваш. Во всяком случае вредное влияние календаря для чуваш в количественном и качественном отношениях несравненно менее еженедельной чувашской газеты «Хыпар», издававшейся в весьма значительном количестве среди всего чувашского населения»²⁹, - говорится в нем. Но это только черновой вариант. В самом ответе губернатору этой мысли нет. Видимо, Яковлев решил, что не следует умалять значение газеты «Хыпар» даже ради защиты составителя чувашского календаря. Сомнений нет, чувашский просветитель явно оправдывал хыпаровца В. Иванова (Кривова). Прогрессивно настроенный Яковлев видел, с каким восторгом встречалась чувашами газета на родном языке.

²⁸ ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 636, л. 4.

²⁹ Там же, д. 634, л. 1.

Как уже подчеркивалось, многие хыпаровцы были воспитанниками Симбирской чувашской учительской школы. Важно отметить, что после закрытия газеты «Хыпар» некоторые сотрудники редакции нашли приют именно у Яковлева. Тот же Иванов (Кривов), например, был принят на должность учителя в двух младших отделениях женского училища при Симбирской чувашской учительской школе, затем он работал там же учителем чистописания, черчения и рисования.

О Симбирской чувашской учительской школе и ее инспекторе газета «Хыпар» писала не раз. В № 8 от 18 марта 1907 года она поместила сразу два материала о волнениях первоклассников Симбирской школы. Первый состоит всего из четырех строк и заверстан под рубрикой «Разные вести»: «Из Симбирской чувашской школы 8 марта исключены все первоклассники. По какой причине выкинули всех 28 человек одновременно, сообщим потом». Как нам кажется, заметка не беспристрастна и содержит в себе заряд неодобрения, например, слово «выкинули». Однако виновник в предосудительных действиях не указывается.

Второй материал, помещенный там же на одной из последних страниц, называется «Об исключении из Симбирской чувашской школы 40 воспитанников». В отличие от первого этот материал, видимо, основан на более верных данных. В нем уточняется количество исключенных. Автор пытается разобраться в обстоятельствах исключения учащихся. Считает, что действия их непосредственно связаны с революцией. Одобрительно относится к требованию учащихся снять с должности учителя Д. И. Кочурова. «Этот учитель обо всем происходившем услужливо сообщал руководителю школы, Ивану Яковлевичу. Учащимся он не нравился. Кроме того, этот учитель пугал ребят в классе бранными криками. Вот почему не взлюбили его учащиеся»³⁰.

Сам же Яковлев осуждался только за то, что выступил в защиту учителя Д. И. Кочурова.

Иным выглядел газетный материал в первоначальном виде. В цензорском экземпляре он почти в три раза длиннее и представляет собой не заметку, а пространную корреспонденцию, отличающуюся резкой критикой, смелостью суждений. Прежде всего в ней

³⁰ Хыпар. 1907. 18 марта.

читатель легко мог заметить изображение бедственного положения народа: «Дома у вас добра много в этом году! В сусеке полпу-да лебеды, в избе восемь едоков. А что еще нужно вам! Все надо вытерпеть трудовому народу. Иначе нельзя. Кто будет терпеть, если не трудовой народ! Он и создан Богом для блага других людей. Вы хотите давать детям образование! Выучатся - покажут тогда! Вдруг возьмут да скажут: мы тоже такие же люди! Нет, так не годится».

Едва ли необходимо комментировать смысл этого текста.

С другой стороны, в корреспонденции сделана попытка осудить действия инспектора чувашской школы: «Иван Яковлевич занял позицию защиты учителя: далеко не уйдет - снимут Кочурова и доберутся до него самого. Выпустил из рук вожжи, лошадь и не остановить. Поэтому, хотя Кочуров нахальная свинья, человек без головы, его не снимут. Чем уволить одного негодного русского, лучше разбить мечту 40 хороших, молодых чувашей...».

Первоначальный вариант корреспонденции содержит также рассуждения о том, что и заведующий школой, и учителя не прочь присвоить средства, отпущенные на содержание воспитанников. По мнению автора, исключение целого класса из школы принесла учителям большое облегчение: работай - не работай, казна все равно платит жалование.

Таким образом, в рассматриваемой корреспонденции причинами выступления первоклассников автор считает бесчеловечное отношение отдельных учителей к учащимся и беспринципность администрации школы. Хотя в корреспонденции вопросы ставятся смело и освещаются подробно, автор не всегда объективен. Разумеется, в этом варианте ценен показ трудной жизни народа, но обвинения в адрес И. Я. Яковлева, думается, необоснованны.

Кто же превратил материал из развернутой корреспонденции в куцую заметку? Внимательное рассмотрение цензорского экземпляра показывает, что сокращения сделаны черными чернилами во время редакционной правки (редактор-издатель В. И. Иванов) и синим карандашом при цензорском чтении (цензор по чувашским изданиям Н. И. Ашмарин).

При редакционной правке, в основном, устранялись корректурные ошибки. Кроме того, в трех местах несколько смягчена критика в адрес учителей школы. Например, нет слов «нахальная сви-

ня», относившихся к Кочурову. Вычеркнуты также фразы: «Чем так сидеть, лучше язык чесать», «Вы ими (речь о денежных средствах, выделяемых на содержание воспитанников школы. - И.Т.) только сами хотите пользоваться! Ну и хитрые же! А учителям для театра что останется!»

Вот и все смысловые исправления, внесенные самой редакцией.

Цензорские исправления значительно шире как по объему, так и по смыслу. Прежде всего цензором вычеркнуты отдельные места по политическим соображениям (рассуждения о жизни народа, деятельности депутатов II Государственной думы). Все-таки большая часть его сокращений падает на абзацы с необоснованными нападками на Симбирскую чувашскую учительскую школу и ее инспектора И. Я. Яковлева. Видимо, в этом сказалась высокая оценка передовой общественностью деятельности чувашского просветителя и его сподвижников.

По нашему мнению, заметка и корреспонденция в восьмом номере газеты «Хыпар» принадлежат перу одного автора. Об этом говорит освещение вопроса с одной позиции. Корреспонденция явилась как бы продолжением заметки. Да и в самой заметке читателям было обещано: «По какой причине выкинули всех 28 человек одновременно, сообщим потом». Корреспонденция вначале была подписана псевдонимом «Колтановский», а затем - другим псевдонимом «Куш» (Глаз).

Вот, наконец, суть так называемой забастовки первоклассников. Учащихся-чувашей очень возмущало поведение преподавателя русского языка Д. И. Кочурова, который часто оскорблял их национальные чувства. Свой протест они выразили в петиции, написанной на имя инспектора школы И. Я. Яковлева. Туда были включены и требования по улучшению культурного обслуживания, бытовых условий и постановки учебного дела. Яковлев сразу понял, чем грозит этот конфликт школе, но быстро ликвидировать его не удалось. Учащиеся написали вторую петицию и отказались посещать уроки Кочурова. Симбирские газеты тут же разнесли весть о забастовке в чувашской учительской школе. Яковлев понимал, что исключение целого класса вызовет разные толки. Видел, что наказание очень крутое. Но иного выхода не было. Обстановка требовала этого. К тому же так распорядилось начальство учебного округа.

В № 18 газеты «Хыпар» 27 мая 1907 года снова появляется корреспонденция о Симбирской чувашской школе. Здесь И. Я. Яковлев обвиняется в рукоприкладстве, в нанесении побоев воспитанникам. Ссылаясь на статью Д. Петрова в газете «Симбирские вести», автор утверждает, что «длинная рука Яковлева выдрала волосы девушки Анастасии». Автор корреспонденции Данил Александрович Демидов (Юлташ) был известным чувашским публицистом. Свои первые публицистические произведения он печатал в газетах «Хыпар» и «Камско-волжская речь». В его чудесной зарисовке «Новая песня», опубликованной 14 января 1907 года во втором номере газеты «Хыпар», показаны крестьяне, открыто восхваляющие революционную борьбу. А аллегорическое произведение публициста «Древняя сказка» («Хыпар» № 13 от 22 апреля 1907 года), изображающее борьбу слонов за свободу звало к такой же борьбе угнетенные массы трудящихся. Большая политическая сила и острота звучат в статье «О том, как работает Дума».

Однако корреспонденция о Симбирской чувашской школе получилась неудачной, недостоверной. Автор пренебрег непреложным правилом, требующим от журналиста обязательной тщательной проверки фактов. Корреспонденция от начала до конца построена на ссылках на другие источники. «О Симбирской чувашской школе нам пишут...» - начинается она. Далее в тексте читатель часто встречает слова «говорят», «дескать», ссылки на газеты «Симбирские вести» и «Симбирянин». Изложение ведется глаголами прошедшего неочевидного времени (курмасăр иртнĕ вăхăт), означающими, что автор не был свидетелем происходящих событий.

Известно, что Яковлев к физическому наказанию своих воспитанников относился отрицательно. «Я положительно могу засвидетельствовать, что за все время существования Симбирской чувашской школы (с 1868 г.) и женского при ней отделения (с 1878 г.) ни разу не было выдающегося проступка со стороны воспитанников и воспитанниц и не приходилось употреблять карательных мер. Усердие и любовь к занятиям, отличное поведение, добрые взаимные отношения чуваш и русских во время нахождения в школе, искреннее стремление по выходе из нее послужить делу просвещения своих сородичей, скромность, простота и нетребо-

вательность к жизни - вот существенные черты воспитанников школы»³¹, - докладывал И. Я. Яковлев 1 июля 1890 года попечителю-Казанского учебного округа.

«В отличие от других учебных заведений того времени Симбирская школа не применяла наказаний, - пишет воспитанник школы И. Я. Яковлев (Саламбек). - В школе совсем не было отметок за поведение, не было кондуитных журналов, карцеров, оставлений без обеда и т.п., широко применявшихся во всех учебных заведениях царской России. Чем же поддерживалась дисциплина в школе? Она поддерживалась «всею духом учебного заведения, серьезным и деловым отношением к школьной жизни как учащихся, так и самих учащихся», а также авторитетом руководителя школы, ставшим очень популярным среди чувашского населения. Единственной мерой наказания учащихся - увольнением из школы - пользовались только в крайних случаях, тогда, когда ученик оказывался нетерпимым в школе или совсем отставал от учащихся. Но такие случаи были сравнительно редкими»³². Учитель Прохор Степанов был уволен Яковлевым за то, что позволял себе... бить мальчиков»³³.

Можно привести ряд других примеров, говорящих о том, что изложенные в корреспонденции Д. А. Демидова (Юлташа) факты о применении телесного наказания И. Я. Яковлевым не соответствовали действительности.

Прогрессивно настроенные сотрудники редакции газеты «Хыпар» были выше личных интересов. Они жили интересами народа, интересами революции. В основном они оказывались на высоте положения и при оценке деятельности чувашского просветителя И. Я. Яковлева. 9 апреля 1906 года в № 14 газеты «Хыпар» опубликовано письмо В. Никифорова «Наставления чувашским уездным выборщикам в Государственную думу». В нем говорилось: «Нам, чувашам, надо выбирать тех, кто хорошо знает все наши нужды... Чуваша, выбранные в волостях и уездах, сейчас, во время последних выборов из губернии, пожалуйста, ищите таких людей, помните их; если доподлинно не знаете нужды чувашей, не лезьте

³¹ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 512, инв. 1456, л. 182.

³² Яковлев И.Я. (Саламбек). Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. Чебоксары, 1959. С.70.

³³ Отдел рукописей Государственной библ. им. В.И. Ленина, ф. 361, папка 1в.

сами, ибо испортите чувашское дело, оставите его нерешенным. Такие люди, которые хорошо знают чувашские нужды, есть у нас из чуваш почти в каждой губернии. Кто они такие? - Кто нас, чувашей, вывел к свету, кто нам дал знания, кто нам раскрыл глаза, кто прогнал от нас темноту, кто нас сделал людьми?.. Ныне в каждой чувашской деревне сияют церкви и школы. Благодаря чьим стараниям и чьим указаниям они созданы? Во всех деревнях чувашские священники и чувашские учителя. Кто им указал путь, благодаря чьей заботе они удостоились этих должностей? Теперь в церквях и школах чувашских деревень молятся по чувашским книгам. Кто издал эти книги, чьими стараниями они созданы? Вот, чувашаи, знайте это и решайте, кого будете выбирать. Чувашаи из Симбирской губернии, не забывайте об этом человеке, держите его в поле зрения...»

Кого имеют в виду газета «Хыпар» и ее автор? Кого рекомендуют они выбрать в Государственную думу?

Может быть, здесь газета подразумевает архиерея Гурия? Почему тогда прямо не называется его имя? Раньше газета «Хыпар» писала о нем (например, в корреспонденция «Архиерей, приносящий блага для чувашей», помещенной в № 12 от 26 марта 1906 года) с точным указанием духовного сана. На этот раз в газете шла речь не об архиерее. Он не причастен к делу подготовки чувашских учителей, не имеет непосредственного отношения к изданию чувашских книг.

Значит, «Хыпар» в письме «Наставления чувашским уездным выборщикам в Государственную думу» говорит об Иване Яковлевиче Яковлеве, широко известном как пропагандист грамоты и культуры среди чувашей. Именно его деятельности на благо чувашского народа газета справедливо дает высокую оценку. Действительно, заслугой И. Я. Яковлева является «открытие школ и массовое вовлечение в них чувашских детей и молодежи; подготовка национальных кадров учителей; распространение в народных массах научных знаний и идей сознательного приобщения чувашей к передовой русской культуре»³⁴.

Нет сомнения, что автором письма является священник и учитель из чувашей В. Н. Никифоров, бывший ученик юного Влади-

³⁴ История Чувашской АССР. Т. I. Ч., 1966. С 224.

мира Ульянова. В цензорском экземпляре настоящая фамилия автора перечеркнута синим карандашом и поставлен псевдоним «Мамай». Однако в газете письмо появилось за подписью «В. Никифоров». В свое время он отлично окончил Симбирскую чувашскую школу, год работал учителем Чукальского одноклассного училища Буинского уезда, а затем был взят преподавателем географии и истории в родную Симбирскую школу³⁵.

Представляя попечителю Казанского учебного округа ходатайство о выдаче пособия на воспитание детей, инспектор Симбирской чувашской учительской школы 22 января 1911 года писал о нем: «Священник Никифоров состоит преподавателем в школе с 1 января 1885 года и законоучителем мужского приходского двухклассного при школе училища с 1 декабря 1907 г. За все время своего многолетнего служения священник Никифоров отличался трудолюбием и аккуратностью в исполнении возложенных на него обязанностей»³⁶. Приведенная характеристика говорит о том, что и Яковлев относился к В. Н. Никифорову с большим уважением.

«В письме, напечатанном в газете «Хыпар», говорится именно о чувашском просветителе И. Я. Яковлеве. В этом нет сомнения. А автором этого письма был мой отец. В периодической печати он выступал под псевдонимом «Мамай», - вспоминает Николай Васильевич Никифоров, сын В. Н. Никифорова.

Все это убеждает нас в том, что автором «Наставлений чувашским уездным выборщикам в Государственную думу», содержащих высокую оценку деятельности И. Я. Яковлева, являлся В. Н. Никифоров, близко знавший чувашского просветителя.

Положительная оценка деятельности И. Я. Яковлева газетой «Хыпар» неединична. В № 19 от 14 мая 1906 года опубликована корреспонденция «В день 9 мая», посвященная Н. И. Ильминскому. Неизвестный автор считает Яковлева учеником и достойным продолжателем дела Н. И. Ильминского, по значимости деятельности склонен ставить их в один ряд. «Николай Иванович много старался за наш чувашский народ, - читаем мы в корреспонденции. - В 1868 году один чуваш, по имени Иван Яковлевич Яковлев, для обучения чувашских детей грамоте в городе

³⁵ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 512, инв. 1456, л. 184.

³⁶ ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 871, л. 1.

Симбирске открыл школу. Николай Иванович усердно заботился и об этой школе. Иван Яковлевич чувашских детей в Симбирской школе обучал по системе Николая Ивановича. Николай Иванович помогал ему и в переводе церковных книг на чувашский язык...»

Так высказалась газета не только об Н. И. Ильминском, но и о И. Я. Яковлеве. Его просветительская деятельность одобрялась газетой.

Газета «Хыпар» содействовала распространению среди народа книг, переведенных на чувашский язык в Симбирской чувашской школе. На ее страницах читатели находили списки переводных книг. Например, в № 22 за 1 июня 1906 года газета перечисляет такие книги. Желая приобрести их советовала обратиться в Симбирск к инспектору И. Я. Яковлеву.

Итак, «Хыпар» по-разному оценивала деятельность И. Я. Яковлева. Чем же это объяснить?

Недолго издавалась первая чувашская газета «Хыщар» (менее полутора лет). Ее направленность не отличалась четкой последовательностью. В первое время газету редактировали Н. В. Никольский и С. К. Кириллов, стремившиеся печатать чисто официальные сообщения. Тогда на ее страницы не допускались материалы, необоснованно чернившие И. Я. Яковлева и Симбирскую чувашскую школу. Наоборот, «Хыпар» печатала хорошие отзывы о нем. Такие корреспонденции, как, например, «Об исключении из Симбирской школы 40 воспитанников», стали публиковаться после смены редакции. Как известно, в августе 1906 года на нелегальном съезде в Симбирске создается «Чувашский национальный союз учителей и деятелей просвещения», газета «Хыпар» объявляется его органом. Вновь назначенный редактор-издатель газеты С. И. Игнатьев был тесно связан с этим союзом. Хотя съезд категорически отказался принять платформу эсеров, но в самом союзе их было немало. Эсеры решили заручиться поддержкой И. Я. Яковлева и прикрыть свою деятельность его авторитетом. Но Иван Яковлевич решительно отказался сотрудничать с ними. Тогда началась дикая травля чувашского просветителя на страницах казанских и симбирских газет. Отголоски этой травли дошли и до газеты «Хыпар».

Если взять в целом, газета «Хыпар» трезво оценила положительную роль и значение деятельности И. Я. Яковлева. Это вполне

естественно. Сама газета твердо стояла за развитие культуры и просвещения родного народа. В бурные годы первой русской революции она явилась трибуной политического обличения самодержавия, решительно защищала интересы трудящихся. Но ее номер от 27 мая 1907 года оказался последним. Сильный голос, звавший трудящиеся массы к свету, к свободе, замолк под нажимом царских властей.

Несомненно, И. Я. Яковлев к деятельности газеты «Хыпар», направленной на подъем культуры чувашского народа, относился с одобрением. Но не всякая газета была по душе И. Я. Яковлеву. В редакции симбирской газеты «Народные вести» в одно время свили гнездо чувашские эсеры и националисты. Видимо, дело просвещения чувашского народа их не интересовало. Они обливали грязью и Симбирскую чувашскую школу, и ее инспектора. Разумеется, такая газета не могла вызвать симпатии И. Я. Яковлева.

В симбирском издании календаря для чуваш на 1908 год было помещено объявление, призывающее к подписке на газету «Народные вести». Это возмутило Яковлева. Вот что он пишет по этому поводу в письме симбирскому губернатору 10 июня 1908 г.:

«Здесь не могу не указать и на неуместность содержания объявления об издании в 1903 г. «Народных вестей» в Симбирске, напечатанного на чувашском языке на 3-й странице календаря, хотя и не входящего в состав текста. Содержание этого объявления в переводе на русский язык следующее: «В нынешнем 1908 году в Симбирске издается газета «Народные вести». Эта газета старается о простом народе и обо всех трудящихся и страдающих. Очень часто она (газета) пишет о жизни чуваш и о том, каким образом ее улучшить. Из чуваш в этой газете постоянно работает Д. П. Петров, а также по временам пишут бывший редактор «Хыпар» С. И. Игнатьев, Г. Ф. Федоров (их правительство изгнало в чужие страны) и другие...»

В Симбирске третий год издаются «Вести» с разными эпитетами: «то «Волжские», то «Народные», то «Симбирские», но, насколько я знаю, не было ни одной статьи, ни одной заметки, действительно клонящейся к пользе чуваш»³⁷. И. Я. Яковлев считал, что слово «народные» в названии газеты нужно лишь для вывески, для привлече-

³⁷ ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. 1, д. 636, л. 4.

ния читателей. Она ничего не писала «к пользе чуваш», а распространяла ложь и клевету. Поэтому чувашский просветитель и был против рекламирования данной газеты в календаре.

В стране свирепствовала черная реакция. В этот период И. Я. Яковлев решил создать новую чувашскую газету. Он обратился к И. Н. Юркину, который в 1899 г. добивался разрешения на чувашское периодическое издание «Пулхӑр». Об этом газета «Пурнӑс» («Новая жизнь»), орган Симбирского губернского комиссариата по народному образованию при исполкоме губернского Совета, в № 6 от 12 мая 1918 года писала: «В 1909г. инспектор Яковлев уговаривает Ивана Николаевича Юркина выпускать в Симбирске чувашскую газету, обещает достать деньги». Но И. Н. Юркин не проявил прежней смелости. Видимо, он не решался на этот шаг из-за гонений на газету «Хыпар» и хыпаровцев. Кроме того, он не мог не помнить прежний отказ Министерства внутренних дел на его ходатайство о разрешении издавать газету на чувашском языке. И. Н. Юркин отказался от предложения И. Я. Яковлева. Новая газета на чувашском языке так и не увидела света.

Итак, И. Я. Яковлев высоко ценил роль периодической печати в жизни народа, видел в ней одно из средств осуществления своих замыслов по просвещению народа и стремился к тому, чтобы чуваша имели свою газету на родном языке.

БЫЛА ЛИ ТАКАЯ СТАТЬЯ?

Разумеется, чувашский просветитель И. Я. Яковлев профессиональным журналистом не являлся, но общественную и педагогическую деятельность умело сочетал с работой в области литературы и публицистики. В периодической печати он начал выступать в дни подготовки к поступлению в гимназию. Первое произведение его называлось «Чувашский праздник учюк». Оно было напечатано в 1867 г. в газете «Симбирские губернские ведомости» и представляло собою пытливый взгляд автора на быт, культуру, обычаи родного народа и вместе с тем смелую попытку заступиться за него.

В том же году Яковлев пишет рецензию на первый чувашский календарь, составленный К. И. Золотницким и выпущенный в Казани. Сначала рецензент кратко раскрывает содержание книги, отмечает ее полезность для «развития малопросвещенного и малограмотного чувашского народа», затем отмечает и недостатки книги. Автор календаря, - пишет Яковлев, - не принимает во внимание кругозор чуваша: сообщает малоизвестные факты без должных пояснений, поэтому они читателю непонятны; употребляет обороты, вовсе несвойственные чувашскому языку; не находит слов для выражения известных понятий, а «через это совершенно извращается смысл рассказа».

Не одобряет также рецензент замену Золотницким чисто чувашских звуков русскими буквами. Он тогда еще высказал ценную мысль по созданию чувашского алфавита: «Я полагаю, что для выражения чувашских звуков необходимо составить некоторые условные знаки, без которых нельзя обойтись при выражении чувашских звуков, заменяя их русскими буквами»³⁸. Значит, Яковлев уже в 1867 г. задумывается над вопросом создания чувашского алфавита и обучения детей на родном языке.

Рецензент в основном правильно разобрался в достоинствах новой книги, проявил критический подход к ней. Свои мысли он изложил лаконично ясно, с должной аргументацией.

Мы остановились на первой рецензии начинающего публициста еще и потому, что она опровергает устоявшуюся версию о том,

³⁸ Симбирские губернские ведомости. 1867. 13 мая

будто Яковлев не сразу пришел к мысли обучать детей в школах на родном языке. Заявляя об этом, почти все исследователи ссылаются на его статью, якобы напечатанную в газете «Симбирские губернские ведомости». Утверждение о том, будто И. Я. Яковлев выступал в печати против употребления чувашского языка в школах, первым высказал Н. И. Ильминский в 1884 г. в статье «К истории инородческих переводов». Он в свое время писал: «...Нас положительно убеждает, что он (И. Я. Яковлев. - И.Т.) был далеко не в пользу своего родного языка, следующее обстоятельство: в 1868 году он написал статью против употребления чувашского языка в школах, которая напечатана была тогда же в «Симбирских губернских ведомостях»³⁹. Подобное повторяется и в его книге «Переписка о чувашских изданиях Переводческой комиссии»

Такая же ссылка имеется в рукописи «История чувашских переводов в связи с историей религиозно-нравственного просвещения инородцев вообще», принадлежащей перу священника с. Хыркасов Космодемьянского уезда Транквиллина Земляницкого. «Вот, когда шла сильная полемика относительно образования инородцев, воспитанник о. Баратынского И. Я. Яковлев, природный чувашин, написал статью против употребления чувашского языка в школах (статья была напечатана в «Симб. губ. ведомостях», кажется, в 1868 г.). Но потом, когда Яковлев поступил в Казанский университет и познакомился с Ильминским, он является уже сторонником его системы»⁴⁰ - писал Земляницкий в июне 1906 года.

Профессор Казанской духовной академии Петр Васильевич Знаменский (1886-1917) известен как исследователь научного наследия Н. И. Ильминского. Он издал книгу «На память о Николае Ивановиче Ильминском. К 25-летию Братства святителя Гурия». Здесь он повторил мысль, ранее высказанную Н. И. Ильминским. П. В. Знаменский тоже пытается уверить, будто И. Я. Яковлев выступал в газете «Симбирские губернские ведомости» против употребления чувашского языка в школах. Эту неверную мысль вслед Н. И. Ильминскому, П. В. Знаменскому повторяют некоторые исследователи вплоть до сегодняшних дней.

³⁹ Ильминский Н. К истории инородческих переводов. Казань. 1884. С. 4.

⁴⁰ Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. 967, ед.хр. 177, л. 3.

Например, А. Ф. Эфиров, уверял: «Внимание И. Я. особенно привлекала центральная школа. На основании опыта этой школы И. Я. Яковлев пришел к убеждению о необходимости строить первоначальное преподавание в нерусских школах на родном языке учащихся⁴¹. Автор имеет в виду Казанскую центральную крещено-татарскую учительскую школу, но Яковлев познакомился с нею лишь после поступления в университет. Однако И. Я. Яковлев придерживался правильного мнения еще до поступления в университет, когда писал рецензию «Солдалык кнеге» в 1867 г.

Следует заметить, ни один исследователь не указал ни номера газеты, ни названия предполагаемой статьи молодого Яковлева. Как показали наши разыскания, такой статьи попросту не было. Как же тогда появилась версия, приписывающая ему упоминаемую статью? Возникла она не случайно. В XIX в. великодержавные шовинисты выступали против применения в школах родного языка при обучении детей нерусских народов. Такого же мнения придерживался священник А. И. Баратынский, 19 августа 1867 г. выступивший в газете «Современный листок политических, общественных и литературных известий» со статьей «Об улучшении начальных инородческих училищ Буинского уезда». Редакция газеты предпослала к ней передовицу, одобрявшую позиции крайнего сторонника обрусения «инородцев».

Симбирская губернская газета не хотела отставать в этом деле от столичной прессы и попросила своего автора И. Яковлева написать материал по данному вопросу в желательном ей духе. Это подтверждается самой газетой. В номере от 2 марта 1868 г. под заголовком «Наши новости» она сообщала: «Вопрос об образовании и обрусении инородцев играл и играет у нас не последнюю роль. На него обращены заботы правительства. Мы слышали, что наш губернский училищный Совет постановил, чтобы обучение инородцев происходило исключительно на русском языке. Действительно, неужели кому-нибудь придет в голову серьезно думать о чувашской и мордовской литературе? Единственной мечтой инородцев должно быть перерождение в русских. Великая русская народность во имя цивилизации, блага самих инородцев, должна

⁴¹ Эфиров А.Ф. Чувашский педагог Иван Яковлевич Яковлев // Записки ЧНИИ, вып. 3. Ч., 1949. С. 12.

поглотить их, претворить в русских. По этому предмету у нас готовится статья, принадлежащая перу лица, компетентного в этом вопросе. Эта статья не родня тем, которые пишутся различными путешественниками с высоты птичьего полета. Напротив, ее писал человек, хорошо знакомый с чувашским языком. (Ред.)».

Можно полагать, что «человеком, хорошо знакомым с чувашским языком», был уже выступавший в газете дважды И. Яковлев. На это проливает свет его письмо А. И. Баратынскому⁴², написанное, как нам удалось установить, 31 марта 1868 г. В нем говорится, что автор письма работает над статьей о чувашских учащихся, внес дополнения по советам своего первого учителя. Но Яковлев статью так и не завершил и думает, что «заняться ею будет вовсе некогда».

По всей вероятности, в подготавливаемой статье Яковлев был далек от мысли обучать чувашей с самого начала на русском языке. Это видно из ответа Баратынского: «Суждения твои о введении грамотности на чувашском языке неправильны; это послужило бы не переходом чуваш к русской народности, а отделением от нее... Чувашской грамоты не должно быть, хотя и могут быть допущены некоторые книги на чувашском и русском языках, как средство к усвоению чувашами русского языка. Советую и Вам так думать. Не советую тебе терять время на написание особой статьи об образовании чуваш, а лучше заниматься своим делом к экзамену»⁴³.

Как и следовало ожидать, священник не одобрил суждения своего ученика об обучении чувашских учащихся на их родном языке, а М. В. Арнольдов, редактор неофициальной части губернской газеты, сообщил читателям о статье Яковлева еще до поступления ее в редакцию, без выяснения позиции автора в обсуждаемом вопросе. По нашему мнению, как раз это сообщение редактора ввело в заблуждение современников Яковлева и исследователей его творческого наследия относительно публикации статьи против употребления чувашского языка в школах.

Вполне понятно, редакция так и не дождалась заказанной статьи. Вместо обещанного читателям материала Арнольдову самому пришлось написать корреспонденцию под названием «К вопросу

⁴² Центральный государственный архив Чувашский АССР, ф. 515, оп. 1, д. 34. Л.1.

⁴³ Государственный архив Ульяновской области, ф. 332, св. 3. Л.226-227.

об обрусении и образовании инородцев», которую он опубликовал в номере от 11 июня 1868 г. В доказательство своих мыслей автор здесь ссылается на то, что в удельных училищах учатся и «ино-родцы». Многие их окончили. «Понятно, что инородцы эти совершенно переродились в русских», - безуспешно пытается уверить читателей Арнольдов. К концу корреспонденции он приберег добрые слова в адрес гимназиста И. Яковлева: «В настоящее время блистательно проходит курс учения в гимназии природный чувашенин».

Итак, у Яковлева не было статьи против употребления родного языка в школах. Будучи гимназистом, он взялся писать статью «о чувашских учащихся», но она осталась незавершенной. Есть основание предполагать, что наброски ее легли в основу однотипных эпистолярных произведений «Первые шаги Симбирской чувашской школы» и «Школа - семья и ее нужды», в которых и идет речь о первых чувашских учащихся.

Несостоятельность широко распространенной в прошлом версии ясно видна из следующего высказывания И. Я. Яковлева: «Слишком 3 года тому назад, тогда, когда я еще не знал о существовании в периодической литературе так называемого инородческого вопроса, сложилось у меня убеждение, вначале, может быть, инстинктивное, что просвещение и обрусение чуваш может идти успешно не иначе как посредством школ и при посредстве людей, вышедших из среды самих же чуваш. Необходимо пользоваться родным языком чуваш для того, чтобы успешнее распространить христианские понятия в массе их; нужно сделать на понятном чувашском языке переводы религиозно-нравственных книг, священного писания и даже богослужения»⁴⁴.

⁴⁴ Докладная записка студента Казанского университета И.Я. Яковлева попечителю Казанского учебного округа П. Д. . Шестакову от 22 декабря 1890 г. // Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX в., вып. 6. М. - Л., 1936. С. 332-334

КТО ЖЕ АВТОР ОЧЕРКА?

В начальный период литературно-публицистической деятельности сравнительно большая часть творений Яковлева не имеет прямого отношения к задачам народного просвещения, но в них красной нитью проходит желание автора помочь родным чувашам в отстаивании своих славных традиций, избавлении от невежества и темноты. Первое выступление его в периодической печати называлось «Чувашский праздник учюк». Оно было напечатано 28 марта и 4 апреля 1867 г. в газете «Симбирские губернские ведомости» со следующим примечанием редактора: «Статью эту мы писали вдвоем с г[осподином] Я[ковлевым]. Высокий этнографический интерес содержания заставил нас принять участие в составлении этой статьи». Впоследствии произведение включается в четвертый выпуск «Материалов для истории и статистики Симбирской губернии». В сноске снова дается аналогичное примечание: «Статью эту мы писали с г[осподином] Я[ковлевым], природным чувашенином. М. Арнольдов»⁴⁵.

Редактор неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», секретарь Симбирского статистического комитета, один из организаторов первой воскресной школы в Симбирске М. В. Арнольдов принял деятельное участие в судьбе Яковлева; помогал юноше не только готовиться к поступлению в гимназию, но и открыл ему путь в периодическую печать. Историко-этнографический очерк «Чувашский праздник учюк» написан одним Яковлевым, а затем отредактирован Арнольдовым. Достоверность этого предположения подтверждается тем, что изложение материала ведется от имени одного лица. После описания состязаний, например, сказано: «И я принимал во всем участие». Разумеется, участником праздника учюк был сам Яковлев.

Поводом для выступления Яковлева в печати, видимо, послужили статьи о чувашских обрядах и поверьях, появившихся в то время в газетах «Справочный листок города Казани» и «Симбирские губернские ведомости». Сам Яковлев указывает на статью

⁴⁵ Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. вып. 4. Симбирск, 1867. Стр. 93.

В. Магницкого «Празднование чувашами нового года (соргоры)»⁴⁶, причем против этой статьи у него имелись возражения. «В «Казанском справочном листке» мы прочли известие о чувашском празднике «Соргоры» (или сорых ури, что значит овечья нога). Нам кажется, что автор этой статьи придает празднику соргоры слишком большое значение», - пишет он.

Надо полагать, не мог также одобрить Яковлев выступление симбирского дворянина, деятеля земских учреждений А. Пантусова со статьей «Чувашские поверья в Курмышском уезде» в газете «Симбирские губернские ведомости» 23 и 28 февраля 1867 г. Обычаи народа им представлены неприятными, отталкивающими, а сами чуваша - почти дикарями. В статье чувствуется явная предубежденность ее автора. Жизнь чувашей он исказил преднамеренно. Это делалось для того, чтобы трудолюбивых чувашей со славным прошлым, с древними традициями выдавать за неполноценный народ, который якобы не вправе претендовать на развитие своей собственной культуры.

Надо было показать чувашей такими, какие они есть. Эту задачу и выполнил Яковлев своим выступлением в газете. Особенно-стью его произведения является скрытая напряженная полемичность. Учюк он трактует как пышный праздник, по неписаным законам ставший народной традицией. «Освященный веками этот праздник представляет собой замечательный остаток язычества, остаток, сохранением которого в целости гордится чувашенин», - заявляет Яковлев в начале очерка. Особенно живо и колоритно описывается в нем нерелигиозная сторона праздника - различные игры, состязания в силе и сноровке.

Изложение намного выигрывает от сопоставления им двух чувашских праздников: *сурхури* и *учюк*. Сурхури - зимний праздник молодежи. Он сопровождался гаданиями. «На наш взгляд, соргоры даже не религиозный праздник. Это просто освященный временем обычай гадать преимущественно об урожае в ночь на новый год. Соргоры, впрочем, у чуваш называется еще обычай собираться для пляски», - пишет автор. Далее он продолжает: «Понятно, что празднование соргоры, если мы даже допустим такое выражение, не имеет никакого: ни религиозного, ни общественного значения».

⁴⁶ Справочный листок города Казани. 1867. 7 февраля

Яковлев - этнограф здесь совершенно прав: во время сурхури жертвы не приносились, моления не проводились, не созывались и общественные советы. Этот праздник возник на базе поклонения различным духам, покровителям земледелия и животноводства. Само гадание также связывалось с верой в сверхъестественные силы. Эти силы представлялись недоступными человеческому пониманию. Считалось, что их намерения можно постичь лишь гаданиями. Такое суеверие вело к тому, что люди, придавленные жизненными условиями, переставали чувствовать себя хозяевами своей жизни. Праздник сурхури, связанный гаданиями, для общества пользы не приносил. Так следует понимать приведенное высказывание Яковлева. Иным является учюк - общественно-религиозный языческий праздник чувашей. Он имеет «громадную важность в глазах чувашенина», « в нем вполне выражаются все национальные особенности чувашенина, все основы их языческих верований и общественного быта». Учюк справлялся перед началом полевых работ. Здесь крестьяне договаривались о совместной работе, оказании помощи друг другу. Бедные нанимались батрачить у толстосумов.

Автор привлекает внимание читателя зрительностью эпизодов, созданием картин праздника в форме репортажа. «На том месте, где варились бык или корова, зажигались костры, - пишет Яковлев. - ... Всю ночь горит огонь, над которым висят котлы с жертвенным мясом; жертва варится почти всю ночь; каждый веселится в то время по-своему: девицы и парни пляшут и поют песни; всюду слышится шум, гам и хохот; молодежь пробует силу: борются. Старики ведут себя солиднее: образуют кружки и, попивая пиво, толкуют о своих делах». Такая подача материала вызывает у читателя живое представление о празднике и как бы превращает его в участника этого древнего шумного обряда.

Однако основной смысл очерка заключается не в красочном показе народного праздника. Чтобы до конца выяснить всю важность и злободневность его, необходимо ясно представить те условия, в которых длительное время находились чуваша. Тяжелой оказалась их участь. По отношению к народам Поволжья, в том числе и к чувашам, царизм вел русификаторскую политику, насильственно обращал их в христианство. Как видно из очерка, взгляды Яковлева на христианскую религию тогда еще не опреде-

лились. Он тепло изображает языческие обычаи и поверья, показывает, что они имеют крепкие корни. Принудительное упразднение древних традиций народа он считает нежелательным.

В очерке «Чувацкий праздник учюк» пытливый взгляд Яковлева обращен на быт, культуру, обычаи родного народа, вместе с тем сделана попытка заступиться за него. Значение этого произведения заключается и в том, что оно обратило внимание на немногочисленный чувашский народ перед важным событием для него - открытием в Симбирске чувашской школы, осуществленным через полгода с помощью прогрессивной общественности города.

Отчизна наша - общий дом народов... Нас не приучили уважительно относиться к истории и культуре других братских народов. Хуже того, многие из нас толком не знают историю своего народа, не ценят его прошлое, недопонимают большое воспитательное значение народных традиций и обычаев. И. Я. Яковлев в историко-этнографическом и публицистическом очерке «Чувацкий праздник учюк» знакомит нас с чудесным обычаем родного народа. Автором его является он сам, а М. В. Арнольдов помог отредактировать это первое произведение молодого корреспондента. Примечание об авторстве двух лиц необходимо было для открытия дороги пути в печать неизвестному дотоле чувашу, для придачки престижности его солидному произведению.

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОСТЬ ПУБЛИЦИСТИКИ И. Я. ЯКОВЛЕВА – НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ ЧУВАШЕЙ

«И. Я. Яковлев проявил себя и как активный корреспондент газет и журналов. Его публицистические произведения, разнообразные по тематике и жанру, печатались в Симбирске и Казани, а несколько статей было напечатано в столичных изданиях, - отметил журнал Российской академии наук «Отечественная история»⁴⁷.

Редакции губернских газет и журналов часто обращались к И. Я. Яковлеву с просьбой дать материал на ту или иную тему. «Многоуважаемый Иван Яковлевич, - писал 30 июня 1896 г. редактор «Симбирских губернских ведомостей» Д. А. Горчаков, - Ив. Алекс. Иванов сообщил мне, что Вы с своими учениками предпринимаете крайне интересную поездку. Ввиду несомненной важности этой поездки... покорнейше прошу Вас дать мне подробную заметку для помещения в «Губ[ернских] ведом[остях]». У нас так мало отрадных фактов, что этот, конечно, украсит газету»⁴⁸.

Как известно, в культурное строительство каждая нация вносит свои качественные особенности, свою специфику. В этом аспекте весьма важно изучение дореволюционной культуры чувашского народа, в частности, творческого наследия выдающегося просветителя этого народа Ивана Яковлевича Яковлева, 50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма.

К работе над национальным подъемом чуваш, несомненно, относится и литературно-публицистическая деятельность Яковлева. Его произведения печатались в губернской и столичной периодике, выходили отдельными брошюрами и книгами. Однако этот вид деятельности как предмет специального анализа особенно не выделялся и получил лишь частичное освещение в имеющихся тру-

⁴⁷ Александров Г.А. Чувашский просветитель И.Я. Яковлев в советской и постсоветской исторической литературе и публицистике. Отечественная история. 2006. № 5. С. 134.

⁴⁸ ОР ГБЛ, ф. 361, карт. 15, ед. хр. 46.

дах о Яковлеве. Слабо раскрыта его роль в развитии чувашской журналистики.

Необходимость специального и более тщательного исследования литературно-публицистической деятельности Яковлева продиктовано следующими обстоятельствами:

- История культуры любого народа будет не полной, если в ней не рассмотрена история зарождения и становления печати. В истории чувашской печати творческое наследие Яковлева составляет заметную веху и является ее неотъемлемой составной частью.

- Ни одна наука не может существовать и развиваться без изучения и использования опыта прошлого. Для журналистики также важны учет и обобщение данных истории.

- Широкий круг наших людей знает Яковлева только как педагога, мыслителя и писателя. Необходимы специальные труды, глубоко характеризующие его публицистическую деятельность.

- Исследование литературно-публицистического творчества Яковлева мы рассматриваем как источник познания культуры чувашского народа и как одно из средств воспитания молодого поколения в духе бережного отношения к богатствам культуры прошлого, его прогрессивным деятелям.

- Изучение тематики и идейной направленности произведений Яковлева, выявление особенностей публицистического мастерства его полезны не только для журналистов, но и для любого специалиста гуманитарного профиля - историка, литературоведа, филолога, лингвиста и др.

- Наконец, рассмотрение литературно-публицистического творчества Яковлева в какой-то степени внесет ясность в продолжающиеся споры относительно общей оценки его деятельности, творческого наследия и мировоззрения.

Из сказанного следует, что обращение к творческому наследию Яковлева, изучение его публицистических выступлений имеют актуальное значение как в теоретическом, так и в практическом плане.

С учетом особенностей литературно-публицистической деятельности в различных исторических условиях и этапов становления мировоззрения творческий путь Яковлева можно разделить на четыре периода: 1. Начальный период творческого пути (1867-1875 гг.). 2. Период выработки программы по национальному воз-

рождению чувашей (1875-1893 гг.) 3. Творчество народного просветителя в годы усиления гонений на чувашские школы и печать (1894-1917 гг.). 4. Заключительный период (1917-1922 гг.).

Творческое наследие Яковлева рассмотрим кратко по этим периодам.

В начальный период литературно-публицистической деятельности сравнительно большая часть творений Яковлева не имеет прямого отношения к задачам народного просвещения, но в них красной нитью проходит желание автора помочь родным чувашам в отстаивании своих славных традиций, избавлении от невежества и темноты. Первое выступление его в периодической печати называлось «Чувашский праздник учюк».

Свои первые произведения Яковлев писал по-русски, так как многие из них создавались как документы и адресовались официальным лицам или предназначались для русских читателей. Появление произведений Яковлева на родном языке непосредственно связано с его работой в начале 70-х гг. над созданием первого чувашского букваря и книг для чтения в чувашских школах. Для них Яковлев специально написал нравоучительные рассказы, сказки и письма-пожелания, адресованные чувашским детям.

«Буквари и учебные книги, издававшиеся И.Я. Яковлевым на протяжении всей второй половины XIX в., были почти единственным способом публикации произведений чувашских писателей..., поэтому они являлись не только букварями, но и первыми хрестоматиями чувашской литературы»⁴⁹, - писал член-корреспондент АПН СССР М.Я. Сироткин. Ведь вплоть до января 1906 г. чувашский народ своего периодического издания не имел. «Букварь для чуваш» с 1872 по 1918 гг. выдержал 33 издания⁵⁰. Этот вид печатной продукции при царизме долгие годы был единственной формой общения первых чувашских литераторов с читателями. Здесь были опубликованы произведения И.Я. Яковлева, А. В. Рекеева, И. И. Иванова и др.

Одним из первых произведений, написанных Яковлевым на родном языке, является письмо-пожелание «Ўырăва вĕренме тытăнакана» (Начинающему учиться грамоте). Его мы находим в

⁴⁹ УЗ ЧНИИ, вып. 42, 1969, стр. 88. - Цит. во кн.: Краснов Н.Г. Иван Яковлевич Яковлев..., стр. 219.

⁵⁰ См.: Музей Ивана Яковлевича Яковлева. Ч., 1972. С. 41.

«Книге для обучения грамоте чувашских детей», изданной в Казани в 1872 г. «Когда утром проснешься, быстрее обувай лапти, тщательно мой руки, глаза и вытирайся чистым полотенцем, причеши волосы...»⁵¹ Так начинается это письмо. В нем автор учит своих маленьких читателей почтительно относиться к родителям, советует им с детства привыкать к труду. Небесполезны для детей советы по вопросам как держаться, как здороваться с людьми. Письмо знакомит читателей и с другими элементарными правилами поведения в обществе. Оно заканчивается таким советом: «Взяв в руки книгу, подумай над тем, что она может дать, и старайся читать ее вдумчиво. Книга - твой товарищ. Слушать умного человека и читать хорошую книгу всем приятно. Но умный человек поговорит да уйдет, а книга всегда с тобой рядом». В целом письмо написано простым народным языком, доходчивым для детей. Важность книги в жизни человека автор показывает с помощью образных сравнений. Письмо-пожелание, написанное с большим педагогическим тактом, в дальнейшем публикуется уже во всех изданиях букваря.

Несколько позже в чувашских букварях под названием «Ўкёт» (Увещевание) печатается еще одно произведение педагога, близкое по своему содержанию и жанровым особенностям к первому. Оно содержит обращение к читателям с призывом стремиться к общечеловеческим моральным идеалам, к которым автор относит честность, доброжелательность, скромность, уважительное отношение к старшим, трудолюбие.

Сравнительно большая часть произведений Яковлева, помещенных в букваре, рассчитана на оказание помощи детям в осмыслении окружающего мира. В этих целях он часто пользовался выразительными зарисовками. Одни из них («Петух», «Хураська», «Чак-чакак», «Лебедь») знакомят юных читателей с животным миром, другие («Хмель», «Рожь», «Мак», «Вишня») рассказывают о растительном мире. Все они учат бережно и любовно относиться к окружающей природе, вызывают желание пополнить свои знания о ней. Автор также стремится приучить маленьких читателей рассуждать над прочитанным, проверять достоверность изложенного.

⁵¹ Перевод наш. - И.Т.

Зарисовки И. Я. Яковлева на общественно-социальные темы по своему интересны и содержательны. Людей разных национальностей он считает равноценными. Эту мысль он определенно высказал в коротенькой шутилке зарисовке «На рыбной ловле» (Пуля сёрни), опубликованной в букваре в 1880 г. Автор рисует взятую из жизни картину: рыбаки (русский, чуваш и мордвин) занимаются своим будничным делом. Произведение создано на основе бытующего среди чувашей анекдота. Шутливость его достигается обыгрыванием однозвучных слов из лексики трех языков. Яковлев, литературно обработав этот анекдот, прибавил от себя такое изречение: «Чуваши, русские и мордва - все люди». (Подчеркнуто нами - И.Т.). В нем глубокий смысл. Оно придает повествованию целеустремленность. У героев произведения разница только в том, что говорят они по-разному, поэтому не понимают друг друга. Но их души, желания одинаковы: все они хотят улова, всех их огорчают бесплодные усилия. Все три рыбака - люди из трудового народа. А это роднит их еще больше. Так зарисовка «На рыбной ловле» становится произведением, проповедующим братство людей труда без различия национальности и языка.

О пытливости и начитанности юноши, о широте размышлений и целеустремленности будущего педагога-просветителя дает представление и его гимназическое сочинение «О влиянии театра» (1870)⁵², высказанные в нем взгляды о роли и значении искусства в воспитании молодого поколения. Яковлев понимает, что театральное искусство является **составной частью культуры народа**. «В настоящее время, - пишет он, - театр составляет одну из необходимых принадлежностей каждого образованного общества». В сочинении автор приходит к такому выводу: «Прямое назначение театра - служить человеку». Прежде всего Яковлев высоко оценивает роль театра в эстетическом воспитании людей. Этот вид искусства «производит на наши чувства сильное впечатление... Театр может возбудить в нас и развить эстетическое чувство, т.е. чувство ко всему прекрасному и возвышенному».

Впечатления, производимые театром, оказывают влияние не только «на наши чувства», но и «на другие душевные способности». Театральные постановки, утверждает Яковлев, «есть немало-

⁵² ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, д. 2.

важное средство для проведения в народ хороших понятий и высоких целей», они должны «развивать в обществе хорошие понятия и возбуждать умы людей к высоким стремлениям и хорошим поступкам». В театре зрители «проклинают злодея и зло», у них появляется «непримиримая вражда против зла». В их душе может восторжествовать добродетель, в их глазах добро и истина могут стать такими высокими, что за них «стоит страдать, терпеть, перенести все, даже пожертвовать жизнью». Значит, велико значение театра и в нравственном воспитании.

В сочинении указаны факторы, усиливающие воспитательную роль театра. По Яковлеву, ими являются содержание пьесы, талантливость исполнителей и соразмерная обстановка самой театральной сцены. Автор также пытается уловить нити духовной связи между артистом и зрителем. Зрители «зорко следят за каждым движением и словом действующих лиц; несчастья и страдания героя становления их собственным несчастьем и страданием. Всякий замысел против героя заставляет зрителей трепетать». Эти рассуждения автора подводят к мысли о том, что чувства персонажей переживаются зрителем вместе с актерами.

По тексту сочинения не трудно определить источник рассуждений гимназиста о предназначении искусства, о природе театра. Как писал Яковлев в своих воспоминаниях, в эти годы он изучает произведение Н. Г. Чернышевского «**Эстетические отношения искусства к действительности**», статьи В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева⁵³. Знакомство с эстетической теорией революционных демократов помогло юноше понять тесную связь искусства с жизнью и его главное назначение - «служить человеку». Разумеется, представления молодого Яковлева в этой области носили еще ограниченный характер. Придавая искусству большую воспитательную роль, он не понимал социальной действенности, был склонен к преувеличению значения театра в изменении человеческой природы, не понимал, что каждый вид искусства обладает своими специфическими функциями. Найти правильный подход к отдельным вопросам театрального искусства Яковлеву мешало влияние концепций классицизма и реакционного

⁵³ См. Спиридонов С.С. Развитие культуры и общественной мысли чувашского народа во второй половине XIX и в начале XX вв. Рукопись. - ОР ГБЛ, сс. 82-83.

романтизма. Рассматривая театр как одну из форм отражения действительности и считая, что там не должно быть места серому, бесцветному, встречающемуся постоянно, он полагал нужным показывать на сцене «**все редкое и интересное, в особенности все то, что составляет контраст с нашей обыденною, мелочною жизнью**». Но искусство не может ограничиться только лишь героической декламацией, приподнято-поэтическим выражением чувств героев, как того требовала сценическая школа классицизма, и показом исключительных героев, острых интриг, напряженных конфликтов, что было характерно романтическим спектаклям. Театр отнюдь не уходит от жизни в мир праздничного вымысла, а отражает ее в существенных чертах. В. Г. Белинский требовал от театра раскрытия драматического и прекрасного в их обыденных формах⁵⁴. «Общеинтересное в жизни - вот содержание искусства⁵⁵», - писал Н. Г. Чернышевский.

С позиций классицизма и романтизма Яковлев объяснял также происхождение театра. Причину его появления он ищет «во всеобщей склонности человеческой природы ко всему новому и необыкновенному, что производит сильные впечатления и сильные волнения и что в то время доставляет нашей природе удовольствие и приятные ощущения». У исследователей и крупных мыслителей по этому вопросу иные взгляды. «Искусство русского народа, как и искусство всех других народов, зародилось в недрах производственных процессов»⁵⁶, - писал В. Всеволодский-Гернгросс. «Истоки русского театра, - отмечает Б. Н. Асеев, - уходят в народное творчество. Зачатки театра связаны с трудовой деятельностью древних славянских племен...»⁵⁷. Очевидно, по вопросу о происхождении театра зрелых взглядов Яковлев еще не имел.

Достоин внимания то, что в дальнейшем он широко пользуется театральными представлениями в воспитательной работе. В Симбирской школе разыгрывались бытовые сценки из жизни чувашей, театрализовано исполнялись басни. Учащимися ставились

⁵⁴ См. Театральная энциклопедия. Том I. М., 1961. С. 494.

⁵⁵ Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности.

ПСС, т. II, с. 82.

⁵⁶ Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 5.

⁵⁷ Асеев Б.Н. Русский драматический театр XVII-XVIII веков. М., 1958. С. 15.

целые спектакли. Например, ими была осуществлена постановка сцен оперы М. Глинки «Иван Сусанин». Значение этих мероприятий усиливалось еще и тем, что учащиеся сами готовили декорации, костюмы, сами же решали вопросы освещения сцены и зала. Драматические сценки для чтения в лицах Яковлев помещал в буварь, советовал проводить небольшие театральные представления во всех школах. Таким образом он стремился приобщать детей к театральному искусству в полном смысле слова»⁵⁸.

Год написания незаконченной рукописи «О предрассудках и суевериях простого народа» точно не установлен⁵⁹. Если судить по тому, что обращение к вопросам быта, культуры и обычаев народа характерно для молодого Яковлева, то статью следует отнести к начальному периоду его творчества, к гимназическим сочинениям. Интересна трактовка Яковлева понятий «предрассудок» и «суеверие». По его мнению, между этими понятиями четкой границы нет, однако некоторые специфические особенности у них имеются. Предрассудки связаны с «яростными светскими предметами», а суеверия тяготеют ко всему сверхъестественному, религиозному. В народе распространено множество суеверий. Каждое из них имеет свой смысл и не связано с другим.

В рукописи автор ставит задачу выяснить «происхождение причин, обуславливающих существование суеверий для простого народа». Суеверия берут свое начало от тех языческих времен, когда человек имел лишь примитивные представления об окружающей действительности. Множество суеверий вызвано непонятными для непросвещенного человека явлениями природы. Человек, не имеющий научных знаний, «становится в тупик при встрече с самым обыкновенным физическим явлением, каковы: гром, молния, вихрь и т.п.» Далее автор продолжает: «Причины, порождающие предрассудки, и почва, дающая им возможность существовать, более или менее одинаковы, более или менее всегда были и есть одни и те же, потому что одна из главных таких причин - это склонность простого народа все непонятное, сколько-нибудь выходящее из ряда обыкновенного, объяснить причиной самого себя...» Таким образом, в понимании Яковлева предметы и явления

⁵⁸ См. Волков Г. И.Я. Яковлев о театре. - Театр, 1961, № 7.

⁵⁹ ЦГА ЧАССР, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 5.

бывают обыкновенные и непонятные. Под «обыкновенными» он имеет в виду познанные в процессе практической деятельности людей предметы и явления, а те, которые еще не познаны человеком, для него выступают как непонятные. Предрассудки и суеверия рождались теми явлениями, сущность которых еще не раскрыта. Они давали человеку возможность как-то объяснить непонятное и «успокоить совесть». Душевные или психические явления значительно сложнее. Их сущность способна познать только наука, поэтому в этой области еще больше причин для возникновения предрассудков и суеверий.

Автор убежден в том, что предрассудки и суеверия будут существовать до тех пор, пока просвещение не получит широкого распространения. С расширением знаний человека одни суеверия видоизменяются, а другие исчезают совсем. Сущность предрассудков и суеверий, происхождение и существование их Яковлев объясняет путем вскрытия причинной связи предметов и явлений. Он твердо верит в возможность познания природы.

Ценность рукописи «О предрассудках и суевериях простого народа» заключается в том, что в ней автор стоит за просвещение народа, за избавление его от темноты и невежества. Она подтверждает материалистическую направленность взглядов ее автора, но вместе с тем здесь мы видим и ограниченность их. Правильно показав предрассудки и суеверия как закономерное следствие темноты и невежества, он не видит их социальных корней.

С юных лет Яковлева отличает высокая требовательность к своему творчеству. Об этом говорит и кропотливая работа его над рукописью «О предрассудках и суевериях простого народа». Ее он начал так: «В области понятий нашего простого народа вращается множество предрассудков и суеверий. Три обстоятельства в отношении к озаглавленной статье меня занимают: происхождение причин, обуславливающих существование суеверий, и значение предрассудков и суеверий простого народа». Но такое начало не удовлетворило автора. Он зачеркнул написанное и набросал второй вариант: «Из множества предрассудков и суеверий, вращающихся в настоящее время в области понятий нашего простого народа, каждое имеет свое собственное смысловое значение, совершенно не связанное с другими и независимое, хотя это значение,

смотря по обстоятельствам, времени и местности, нередко изменяется».

Второй вариант тоже оказался зачеркнутым. На бумагу легли новые строки. Когда убористым почерком заполнены почти две страницы, автор начал писать все заново. Окончательный вариант первого абзаца теперь выглядел совсем иначе: «Провести границы между понятиями предрассудков и суеверие довольно трудно, потому что то и другое слово нередко употребляется для выражения одного и того же понятия или предмета, но можно указать на некоторые особенности и различия между этими словами. Слово предрассудков больше употребляется, говоря о предметах простых, светских, а суеверие - преимущественно употребляется, говоря о предметах духовных, касающихся религии и всего сверхъестественного».

Приведенные варианты говорят о том, что автор искал не столько доходчивые слова и приемлемые конструкции предложений, сколько главное направление своей рукописи, заключавшееся в раскрытии причин появления предрассудков и суеверий. Наконец, в последнем варианте причинные связи их найдены, но и это не удовлетворило автора. Он рукопись считал не готовой. Так и осталась она незавершенной и ненапечатанной.

«Симбирская земская газета» 5 августа 1878 г. опубликовала «Сведения, доставленные г. Инспектором чувашских школ Казанского учебного округа Симбирской уездной управе, сентября 17 дня 1877». Можно ли «Сведения, доставленные... в уездную управу» считать эпистолярным произведением, если имеется указание адресата? Оказывается, при решении этого вопроса во главу угла ставится его содержание. Оно делит «Сведения...» на две части, которые условно назовем так: «Об открытии школы в Средних Алгашах» и «Дружба детей разных народов». Следовательно, под одним заглавием даны две корреспонденции по двум вопросам.

Чем был обеспокоен в те дни наш просветитель? «В 1866 году имело место, — отмечает И. Я. Яковлев в первой корреспонденции, — печальное явление в нашем приволжском крае - отпадение крещеных инородцев - чуваш и татар в магометанство... В Симбирском уезде отпала довольно значительная деревня Средние Алгаши». Автор задается таким вопросом: как парализовать

увеличивающееся влияние магометанства? На этот вопрос им дается ясный ответ:

«Всякий согласится, что меры эти могут быть только нравственного свойства, и мне всегда казалось, что в этом случае всего лучше можно воздействовать, как на отпадших, так и на не утвердившихся в православии инородцев, посредством целесообразно устроенных и поставленных школ, главной целью которых должно быть религиозно-миссионерское направление. Я твердо убежден, что утверждая инородцев в православии, тем самым мы коренным образом объединяем их с русским народом».

По всей вероятности, здесь переход инородцев в магометанство показан с некоторым преувеличением, но это сделано с благородной целью добиться выделения средств для открытия школы в Средних Алгашах.

Подобные выступления Яковлева в печати в ряде случаев приносили конкретную пользу. Так, положительно решается вопрос об открытии школы в деревне Средние Алгаши, о которой шла речь в корреспонденции. Симбирский епархиальный комитет миссионерского общества в 1877 г. выделил для обзаведения и содержания этой школы 180 рублей. В следующем году для школы ассигнуется комитетом 120 рублей, Симбирской уездной земской управой - 60 рублей. Полученные деньги были употреблены на наем квартиры под школу, приобретение учебных принадлежностей и оплату труда учителя. Яковлев добился также выделения средств на строительство школьного здания. Через год им был освидетельствован и принят новый сосновый дом для Алгашинской школы. (См.: ГАУО, ф. 135, оп. 1, ед. хр. 3. Лл. 3 и 4.).

Вторая корреспонденция выглядит как отчет о целевом использовании 10-ти стипендий, выделяемых уездным земством для содержания воспитанников Симбирской центральной чувашской школы. Этот отчет также преследует практическую цель - сохранить эти стипендии на будущие годы и увеличить их число, так как в прошлом учебном году обучалось в школе 13 уроженцев уезда (9 русских и 4 чуваша).

Известно, Яковлев выдвинул идею совместного обучения детей разных народов и претворил ее в жизнь. В корреспонденции он с большим удовлетворением описывает совместную учебу детей разных народов в Симбирской школе.

«Мальчики эти в высшей степени симпатичные и способные, учатся с успехом, и хотя сами русские, но приобрели расположение товарищей чуваш. Неизлишне кстати сказать, что в школе семейная простая жизнь и обстановка совершенно сглаживают национальные особенности инородцев, и между чувашскими и татарскими воспитанниками с одной стороны, и русскими с другой, никаких столкновений не бывает. Точно также присутствие в школе нескольких язычников из чуваш не нарушает добрых отношений между мальчиками: язычники не подвергаются намекам и укоризнам со стороны своих товарищей, но, живя в школе, мало-помалу проникаются христианским духом; ходят наравне с товарищами-христианами на обычную в школе утрю и вечером молитву, а также по праздникам в церковь».

Совместное обучение детей нерусских с русскими им проводилось с целью способствовать быстрому овладению русским языком и взаимному сближению их.

Видим, обе корреспонденции имеют публицистико-педагогическую заостренность, и напрасно исследователи не уделяют им должного внимания.

Итак, Яковлев начал участвовать в периодической печати перед поступлением в гимназию. Как было отмечено выше, подготовить первое произведение к печати помог ему русский журналист и педагог М. В. Арнольдов. Если А. И. Баратынский был первым школьным учителем Яковлева, то М. В. Арнольдова надо считать его первым учителем по журналистике. Для литературно-публицистической деятельности Яковлева в рассматриваемый период характерно многообразие. В его творчестве мы видим историко-этнографический и публицистический очерк, рецензию на вновь вышедшую книгу, эпистолярные произведения о нуждах развивающейся чувашской школы, краткие зарисовки природы и деревенской жизни, юмористические рассказы, высмеивающие бытовые пороки людей. В этот период у автора еще нет четко разработанной программы, но мы ясно видим: он друг народа, враг темноты и невежества, борется за освобождение людей от бремени суеверий и предрассудков.

Во второй период творческой деятельности И. Я. Яковлевым разрабатывается программа по национальному возрождению чувашей (1875-1893 гг.). С назначением на долж-

ность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа Яковлев в своей деятельности руководствуется более широкими планами, чем в начальном. Предыдущей деятельностью им была подготовлена необходимая почва для осуществления дальнейших задач народного просвещения. Так, в Симбирской школе начата подготовка чувашских учительских кадров. Теперь педагогом ставится задача открытия новых школ для родного народа, организации чувашского женского образования. Первый эскиз своей программы Яковлев дает в докладной записке «Соображения о мерах к развитию просвещения в чувашском населении Казанского учебного округа», написанной в 1876 г.⁶⁰. В статье «Очерк возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища» он аргументированно обосновал необходимость чувашского женского образования. Это было первым выступлением Яковлева в столичной печати. Тогда же еще одна статья его - «Чувашская учительская школа в Симбирске и женское училище при ней» - печатается в издании миссионерского общества. Выступления Яковлева в печати по вопросам женского образования имели заметный резонанс, обратив внимание прогрессивной общественности на новые задачи в деле народного просвещения.

В ходе практической деятельности Яковлевым вырабатываются принципиальные основы просвещения чувашей с расчетом применения их в школах всех нерусских народов Поволжья и Урала. Наряду с решением вопросов просвещения он все больше задумывался над тяжелой долей родного народа. Стремление оказать народу посильную помощь приводит его к созданию программы по национальному возрождению чувашей. В этот период четче определяется круг тем автора, публикации стали значительнее по содержанию и совершеннее по форме.

Свою общественно-гражданскую и литературно-публицистическую деятельность Яковлев посвящал делу национального возрождения чувашей, что означало «внести свет и культуру в малоподвижные и темные слои народных масс», добиться широкого распространения мужского и женского образования, пробудить национальное самосознание родного народа, постепенно приобщать его к переломной русской и мировой культуре, повысить агротехнический

уровень ведения крестьянского хозяйства и стремиться к подъему материального благосостояния всего трудового народа.

В сложной обстановке приходилось трудиться Яковлеву. С разворачиванием дела народного просвещения на него посыпались нападки со стороны консервативного чиновничества и духовенства. Подвергались сомнению созданный им чувашский алфавит, качество перевода книг, применение родного языка детей в школе и т.д. В конце этого периода деятельности его стали обвинять в самоуправстве и злоупотреблениях по службе.

В условиях национального гнета уровень грамотности чувашского населения оставался крайне низким. Особенно мало было грамотных среди женщин. Немало сил пришлось потратить Яковлеву на организацию чувашского женского образования. В собственном доме, на личные средства открывает он в 1878 г. женское отделение школы, переименованное потом в училище. Но оно долго оставалось не включенным в сеть государственных учебных заведений и не имело под собой твердой материальной опоры. В этой обстановке Яковлев печатает выше упомянутую статью «Очерк возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища»⁶¹. Здесь автором подняты три вопроса: необходимость чувашского женского образования, история его организации и содержание обучения. Все эти вопросы тщательно изучены. Для того времени они являлись новыми, возникшими в связи с дальнейшим развитием общественной жизни.

Яковлев понимал, что задачи по развитию культуры чувашского народа невозможно успешно выполнить одним разворачиванием школьного дела. Другое важное средство для распространения знаний среди населения он видел в печатной книге на родном языке. Став инспектором чувашских школ, педагог организовал работу по переводу книг с русского языка на чувашский. К этой работе привлекались опытные учителя и способные воспитанники школы. Создавались и оригинальные чувашские книги. Печатание их осуществлялось сначала в Казани, а с 1885 г. - и в Симбирске.

Публицист ясно представлял себе, что для национального подъема народа очень важно улучшение материального положения его. В труде «Соображения о мерах к развитию просвещения в чу-

⁶¹ Церковные ведомости, 1893, 12 июня.

вашском населении Казанского учебного округа» Яковлев указывает на бедность жизни чувашей и стремление последних к улучшению ее. «Если обратить внимание на экономическую сторону жизни чуваш, то также можно заметить, что они начинают сознавать неудовлетворительность своей культуры и ничтожность материального благосостояния. Чуваша хорошо чувствуют потребность улучшения: они стремятся к новым приемам обработки земли и вообще сельского хозяйства. Но отсутствие знания и умения, отсутствие людей и примеров задерживает ход развития и не дает возможности отрешиться от рутины»⁶². Поэтому педагог принимается за внедрение лучших методов ведения хозяйства, распространение разных промыслов и ремесел. Наблюдения и поиски привели его к мысли о том, что надо идти по линии дальнейшего развития самостоятельной чувашской культуры, обогащая ее достижениями культуры русского и других народов.

В программу по национальному возрождению чувашей Яковлев включал следующие составные части: 1. Создание новой самобытной письменности и литературного языка как основы для развития всей духовной культуры. 2. Открытие все новых и новых народно-трудовых школ, так как им отводилось ведущее место в подъеме культуры. 3. Превращение Симбирской чувашской учительской школы в центр, «из которого, как лучи от солнца, расходились бы по всем сельским местностям, где живут чуваша, благодеяния русской христианской культуры»⁶³. 4. Усовершенствование людских нравов учением Христа. 5. Развитие самостоятельной чувашской культуры и постепенное приближение ее к уровню современной просвещенной цивилизации. 6. Создание народных читален, куда «беспрепятственно и с пользою могут быть допущены» чувашские оригинальные и переводные книги⁶⁴. 7. Установление дружбы между чувашским и русским народами, приобщение чувашей к русской культуре, для чего необходимо, в первую очередь, «ознакомление русского народа с жизнью и бытом чуваш, равно как и ознакомление чувашского народа с историческим прошлым, настоящим общей матери - России. 8. Обеспечение народного благоденствия путем просвещения, распространения знаний и разума в на-

⁶² ЦГИА, ф. 733, оп. 170, ед. хр. 1008.

⁶³ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525, с. 370.

⁶⁴ ЦГА ЧАССР, ф. 207, оп. I, д. 202, с. 80.

роде. По мысли Яковлева, просвещение должно было принести народу возможности для повышения плодородия земли и успешного ведения животноводства, развития новых отраслей сельского хозяйства и нужных ремесел. Обеспечение материального благосостояния трудовых масс входило в программу национального возрождения чувашей как важнейшая ее часть.

Третий период творчества И. Я. Яковлева охватывает годы усиления гонений на чувашские школы и печать и выделяется целым рядом замечательных произведений, связанных между собой единством целей - твердой защитой принципов просвещения нерусских народов от наскоков реакционеров и мракобесов, смелым отстаиванием интересов народа с позиций демократического просветительства, стремлением возбудить в читателях желание активно помогать в подъеме чувашской культуры.

В рассматриваемый период клевета по адресу Яковлева усилилась еще больше. Она перешла от отдельных нападок к организованной яростной травле. Обвинения сменили свою окраску: им придавался политический характер. Реакционеры пытались доказать, что Яковлев - лицо «политически неблагонадежное». Его стали причислять к сторонникам идей сепаратизма и национализма. Они выступали против самого Н. И. Ильминского; доказывали, что пробуждение национального чувства чувашей, развитие их языка и литературы могут привести к противопоставлению русскому народу. Ввиду изложенного вопрос о родном языке не перестает быть предметом внимания публициста. Если в начальный период И. Я. Яковлев был сторонником обучения на родном языке, во втором - практиковал проведение отдельных уроков по изучению материнского языка, то теперь настаивал на включении родного языка в учебный план в качестве важнейшего предмета. Яковлев был твердо убежден в том, что необходимо «обеспечить в инородческих начальных школах преподавание на родном языке и продолжать занятия последним как предметом изучения на более высших ступенях школы...»

Серьезные обвинения были предъявлены И. Я. Яковлеву в официальной губернской печати С. П. Яковицким в «Заметке земского начальника о земских инородческих школах». С первых же строк своего выступления он проявил явно враждебное отношение к чувашским школам, учителям, вышедшим из этого народа. По его

мнению, эти школы «при значительно больших затратах как со стороны населения, так и со стороны земства» в деле распространения русской грамоты и русского языка дают незначительные результаты. Земскому начальнику очень не нравится применение родного языка при обучении детей. Он силится доказать, что чувашский язык вообще никому не нужен и подлежит изгнанию из школы. Статья буинского земского начальника содержит также прямые нападки на Симбирскую чувашскую школу, на инспектора Яковлева.

В ответ на это Яковлев выступил со статьей «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах». Публициста больше всего встревожило не распространение клеветнических измышлений по своему адресу, а ущемление интересов чувашских школ. В публикации автор полемизирует с противником с учетом личного опыта по просвещению народа, и это придает особую достоверность его доводам. Отповедь педагога несколько отрезвила Яковицкого, о чем свидетельствует его вторая статья, написанная уже в менее воинственном тоне.

В 1899 г. симбирский архиерей Никандр вкупе с иеромонахом Сергием /А. Титовым/ написали в синод донос на Яковлева. Этот материал в ноябре-декабре того же года был напечатан в виде статьи в журнале «Миссионерское обозрение» под заголовком «К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковно-приходской и школьной миссии среди населения инородческого Среднего Поволжья». Клевету и измышления этих доносчиков Яковлев заклеил в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье».

Полемична также статья Яковлева «К вопросу о должностях окружных инспекторов инородческих школ при управлении Казанского учебного округа». Царское правительство в глубочайшей канцелярской тайне осуществило и объявило совершенно неожиданно об упразднении указанных должностей. Эта мера означала недоверие властей к прогрессивной деятельности просветителей нерусских народов, нежелание просвещать национальные окраины. И действительно, после этого реакционеры повели ожесточенные атаки на чувашскую школу. Родной язык из нее вытеснялся все больше и больше. Здесь ведется убедительный разговор в пользу просвещения нерусских народов.

Для продолжения просветительской деятельности в условиях свирепой реакции после поражения первой русской революции требовалось достоверное обоснование осуществляемой программы. С учетом этого Яковлев в 1908 г. выступил с брошюрой «Краткий очерк развития Симбирской чувашской учительской школы». Здесь программа просвещения народа обоснована обстоятельнее и глубже, чем в предыдущих трудах. Как указывает автор, *в основу Симбирской чувашской школы положены три идеи*, которые поведут его родной народ к национальному возрождению. *По первой идее «пути развития инородцев должны направляться к усвоению христианских идеалов»*. Яковлев видел, что в последней четверти XIX в. старые языческие верования чувашей начали отмирать. На смену им должен был явиться монотеизм. В то время в чувашских деревнях происходила борьба трех религий - христианской, языческой и магометанской. Яковлев предпочел христианство, так как оно было преобладающей верой в русском народе.

Сближение и объединение чувашей с русскими - вторая идея. Она рождена глубокой верой публициста в неразрывность интересов тех и других, в великое будущее русского народа. Известно, что чуваша в XVI веке присоединились к русскому государству не путем насилия, а добровольно, в силу исторической необходимости. Национальный вопрос в Чувашии стоял иначе, чем у других народов империи, присоединенных захватническим путем и удерживаемых в ней насильственными мерами. Чувашский народ нуждался прежде всего в ликвидации отставания в своем развитии - в подъеме духовной культуры, изжитии патриархальщины, повышении уровня ведения хозяйства и улучшении материального благосостояния, а не в создании самостоятельного государства. В понимании Яковлева русский народ - огромное мировое тело, а в сравнении с ним нерусские народы Поволжья - мелкие тела. Русский народ - надежный друг всех других народов. Двигаясь «по своей исторической орбите», он ведет за собой и их. Публицист хотел, чтобы горе и радости русского народа стали их горем и их радостями, его будущее - их будущим, его счастье - их счастьем.

Использование родного языка учащихся в учебной работе - третья идея, лежавшая краеугольным камнем в фундаменте Симбирской школы. Только с помощью родного языка можно организовать успешное обучение детей, осуществлять дело воспитания их.

И. Я. Яковлев

И. Я. Яковлев

И. Я. Яковлев в годы учебы в университете

ОТЧЕТЪ

О

ВРЕМЕННЫХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ

КУРСАХЪ,

устроенныхъ при Симбирской чувашской
учительской школѣ въ 1891 году

ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

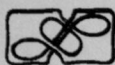
ЧУВАШСКИХЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

СИМБИРСКЪ.

Типографія И. С. Ханкова.

1 8 9 1.

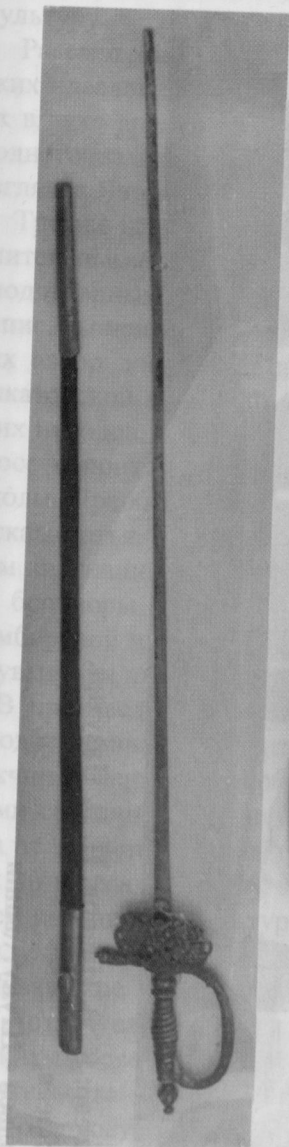
ВОЙНА
И
ЧУВАШСКАЯ ШКОЛА
ВЪ СИМБИРСКЪ.

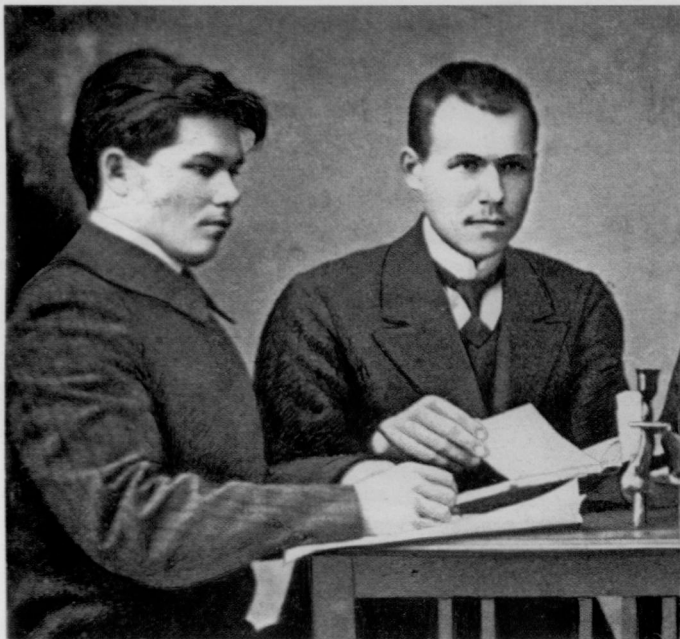
СИМБИРОКЪ.
Типо-литографія Губернскаго Правленія.
1915

И. Я. Яковлев

**Принадлежности к мундиру действительного
статского советника И. Я. Яковлева**

Справа налево: К. В. Иванов, П. В. Пазухин,
Ф. Т. Тимофеев,
Н. В. Васильев - Шупу?\\ынни

Только родной язык дает возможность развивать самобытную культуру.

Рассмотренные выше три идеи - усвоение чувашами христианских идеалов в целях приобщения к русской культуре, воспитание их в духе дружбы с русским и другими народами, использование родного языка в школе - составляли основу просветительских взглядов Яковлева.

Третий период творческой деятельности Яковлева был самым длительным (продолжался 23 года) и напряженным, вместе с тем и плодотворным. В полемике с идейными противниками им были написаны ценные произведения, общественно значимые письма. В них автор доказывает нецелесообразность насильственной русификаторской политики царизма, отстаивает просвещение нерусских народов, разоблачает защитников старых взглядов в этом вопросе и притязания духовенства на усиление своего влияния на школы. Преобладающее место в его творчестве занимала полемическая статья. Именно она лучше отвечала задачам борьбы с идейным противником. К этому же периоду относятся опубликованные им брошюры «Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 год», «Война и чувашская школа в Симбирске» и др.

В произведениях И. Я. Яковлева этого периода усиливаются народно-демократические тенденции. Просвещение всего народа - мужчин и женщин, приобщение их к русской культуре, дружба со всеми соседними народами, исцеление чиновничества и духовенства от нравственных недугов с тем, чтобы работали честно в общих интересах, подъем материального благосостояния крестьян путем повышения культуры земледелия, проведение демократических реформ - таковы эти тенденции в творчестве публициста.

Чувашское просветительское движение имело свои особенности. Хотя чувашскими просветителями многое позаимствовано у русских просветителей, не все черты русского и чувашского просветительства тождественны. Особенности эти касаются как времени распространения, так и его содержания. Просветительство как определенная система взглядов на общество для западной Европы характерно в XVII в., русское просветительство явилось передовой буржуазной идеологией конца XVII - начала XIX вв. Чу-

вашское просветительское движение зародилось в середине XIX в., перед отменой крепостного права.

«... В содержании общественной, культурной и литературной деятельности чувашских просветителей и писателей-демократов характерные для русского просветительства черты: вражда к порождениям крепостничества, защита интересов народных масс и содействие их борьбе за свободу выражены значительно слабее»⁶⁵. Просветительская программа Яковлева не включала борьбу против царского самодержавия и задачу революционного переустройства общества. Чувашское просветительство своим острием было направлено на отвоение у царизма права на образование, развитие самобытной культуры.

Просветительство в Западной Европе и России олицетворяло борьбу буржуазной демократии против феодализма. Чувашская буржуазия долгое время оставалась малочисленной и слабой, по этой причине чувашское просветительское движение носило общедемократический, крестьянский характер. Чувашские просветители обращались ко всему обществу, сочувствовали всему трудовому народу.

В рядах русских просветителей в XVIII в. в основном были дворяне, в XIX в. - разночинцы; а чувашские просветители в большинстве своем - выходцы из крестьянских семей.

Для И. Я. Яковлева и его последователей характерно пристальное внимание к национальному вопросу, так как им приходилось действовать в условиях тяжелого национального гнета.

Просветители ряда тюркоязычных народов (Ф. Ахундов, К. Насыри и др.) выступали с атеистических позиций, вели борьбу против мусульманского фанатизма и христианских религиозных догм. Чувашские просветители в целях сближения своего народа с русским народом дело просвещения связывали с распространением христианства.

Особенности чувашского просветительского движения были predeterminedены так, что оно выражало, с одной стороны, стремление к национальному подъему, с другой, отражало отсталость и забитость крестьянства, основного населения этого края. Социоло-

⁶⁵ Сироткин М. Заметки по дореволюционной чувашской письменности и литературе. Рукопись. - НА ЧНИИ, отд. II, од.хр. 389, с. 2-3.

гические взгляды просветителя-публициста Яковлева были исторически прогрессивными для чувашского народа, вселяя в него стремление к подъему духовной культуры и материального благосостояния.

В заключительный период своего творчества И. Я. Яковлев написал мемуары «Воспоминания о семье Ульяновых», «Николай Иванович Ильминский», «Моя жизнь». В них он подводил итоги своей полувековой деятельности на ниве народного просвещения, составлял планы строительства новой школы.

Каковы особенности публицистического мастерства И. Я. Яковлева?

Публицисты пишут историю современности, то же самое делает и И. Я. Яковлев. В своем творчестве им отражались горячие, «говорящие» факты чувашской действительности. Появляется в печати первый чувашский календарь - публицист незамедлительно пишет о нем рецензию «Солдалык кнеге» (1867)⁶⁶. Необходимость открытия школы в Средних Алгашах Симбирского уезда вызывает публикацию корреспонденции «Сведения, доставленные г. инспектором чувашских школ» в земской газете (1878)⁶⁷.

И. Я. Яковлев освещал те общественно значимые факты, которые были непосредственно связаны с его просветительской деятельностью. Находить их ему помогала четко осознанная цель. Так, в губернской и столичной прессе он выступил несколькими статьями по вопросам чувашского женского образования. Освещение публицистом обстоятельств этого дела имело большую общественную значимость, так как организация женского образования вырывала чувашку от патриархально-семейных пут и вовлекала ее в общественную жизнь. «Первый хозяйственный год фермы при Чувашской учительской школе» также оказался событием общественной значимости, так как здесь будущие учителя получали основы сельскохозяйственных знаний с целью распространения их среди населения. Для Яковлева критерием общественной значимости фактов, явлений, событий действительности и сопутствующих им обстоятельств служили связь с проблемами национального воз-

⁶⁶ Васильев А. В. Члены просветительства в пореформенной чувашской литературе. - *Чувашский вестник*. 1974. № 4. С. 312.

⁶⁶ Симбирские губернские ведомости. 1867. 13 мая.

⁶⁷ Симбирская земская газета. 1878. 6 авг.

рождения чувашей, наличие заряда побуждения к действию, активному влиянию на жизнь.

Антагонизм классовых отношений в капиталистическом мире предопределяет возникновение непримиримых публицистических конфликтов. Следовательно, публицистика может отображать как неантагонистические, так и антагонистические противоречия.

Подход Яковлева к явлениям жизни имел свои особенности, обусловленные просветительским мировоззрением его. Хотя преобладающая часть литературно-публицистической деятельности педагога осуществлялось в условиях царской России, его произведения отображают конфликты лишь одной разновидности - неантагонистические. Публицист думал о народе в целом, без учета непримиримой борьбы враждебных друг к другу классов.

Творчество Яковлева охватывает широкий фронт жизненных конфликтов. В публицистике Яковлева сталкиваются такие противоборствующие силы: молодая, прогрессивная интеллигенция и царское чиновничество; защитники народа и высшее аристократическое общество; трудовой народ и духовенство; деятели земства и просветители народа; реакционные чиновники учебного округа («педагогическая бюрократия») и прогрессивные деятели в области народного образования. Таким образом, на одной стороне те, кто болеет за общее дело и стремится к общему благу, на другой - защитники своих собственных интересов.

По убеждению И. Я. Яковлева надо ясно и точно выражать свои мысли... Неточно выраженная мысль может привести к досадному недоразумению. Сам Яковлев всегда помнил это.

Произведения Яковлева предназначены для вдумчивого, активного читателя. Он не уговаривает его, а приглашает поразмыслить над тем или иным вопросом. Так, юмореска «Тилить-тилить Мигулай», рассказывающая о мужчине, у которого всех-то денежек два рубля, «не может не навести читателя на размышления - не таково ли действительное положение у крестьянина-бедняка?»⁶⁸ Шутливый рассказ «На рыбной ловле» приводит читателя к мысли о том, что все люди, независимо от их национальной принадлеж-

⁶⁸ Трифонов С. Ф. И. Я. Яковлев как психолог. - В кн.: И. Я. Яковлев и его школа, стр. 79.

ности, одинаковы. Можно назвать ряд других произведений, из которых воспитательный смысл должен извлечь сам читатель.

Автор стремится приучить читателей, особенно детей, рассуждать над прочитанным, проверять достоверность изложенного. С этой целью, например, он в конце зарисовки «Петух» обращается к читателю с вопросом: «А каков ваш?».

Яковлевым создаются как художественные, так и документальные образы. Художественный образ, т.е. типизированный, обобщенный, или группа их часто составляют основу всего произведения («Тилить-тилить Мигулай», «На рыбной ловле», «Вихрь» и др.) В произведениях этого жанра показываются представители трудового народа. В этом «ясно видна характерная для всех просветителей демократизация героя»⁶⁹. Иногда автор ставит на центральное место в произведении и документальный образ, т.е. отображение конкретного человека из действительной жизни («Протоиерей А. И. Баратынский»). Целая галерея документальных образов дается им в своих мемуарах («Моя жизнь»).

Для показа в своих произведениях Яковлев выбирает людей не инертных, а весьма активных. Таких он находит среди тех, кто думает не о себе, а о народе. К таким он относит, например, земского деятеля И. А. Горбунова. «... Почетное место в скромной истории Симбирской чувашской школы должно быть отведено одному простому человеку, но видному общественному деятелю в Буинском уездном и Симбирском губернском земствах, **Ивану Афанасьевичу Горбунову**... Главной чертой в этом мужике была вера в полезность и необходимость образования и для крестьянина. Ни жизнь его до 1861 года, ни деятельность последующая никогда не были затемнены ничем худым, он умер честным, но бедным человеком, не оставив после себя ни гроша денег»⁷⁰, - писал педагог о нем. Тех, кто самоотверженно боролся за народное дело, Яковлев ободрял вдохновенным словом.

Тепло описана им также **А. А. Глазова**, дочь одного симбирского дворянина, возгоревшаяся желанием помочь чувашской школе. «Это - тип лучшей русской женщины, которая умела оце-

⁶⁹ Васильев А. В. Черты прсветительства в дореволюционной чувашской литературе. - В кн.: Чувашский язык, литература и фольклор, вып. 4. Ч., 1974, стр. 312.

⁷⁰ Яковлев И. 25 лет Симбирской чувашской школе. - ОР ГБП, ф. 361, карт. 32, ед. хр. 14., Л. 3.

нить в людях то, чего они сами не ясно сознавали, оживить и одухотворить занимавшую их идею, подвинуть слабую волю к деятельности... По ее инициативе, при ее горячем организаторском участии, при ее умении сходитья и влиять на людей разных характеров была оказана и первая самая значительная материальная помощь. Благодаря ее участию была собрана по подписке в пользу первых учеников значительная сумма...»⁷¹ - отзывается о ней Яковлев. Яковлев страстно заинтересован в судьбах таких героев. Читатель видит: автор относится к ним с особой симпатией.

Яковлев умел несколькими штрихами обрисовать своих героев. Крестьянские дети, разводящие костер, в зарисовке «В ночном» как бы очерчены одним мазком: «Сами все в пыли, только белки глаз сверкают...» Живо встают перед читателем и прибывшие тушить пожар: «Подъехали к нам те, кто с насосом, - ни ругать нас, ни морить. Даже побледнели с испуга, только руками разводят». Мастерство Яковлева в показе людей отмечено Н. И. Колосовым: «С глубоким интересом прочитал статью в «Церковных ведомостях». Прекрасно здесь представлены образы Анастасии и особенно Варвары Мироновой»⁷².

Полнота и достоверность документального образа достигается Яковлевым показом персонажа с самых разнообразных граней. Проследим механизм создания его по образу **Гаврилы Ивановича Мушкеева**, крестьянина из деревни Старых Бурундуков Буинского уезда, у которого Яковлев-мальчик жил в период учебы в удельном училище. В мемуарах «Моя жизнь» публицист дает такое описание его внешности: он «среднего роста, коренастый, плечистый, большой силы, вообще отличавшийся цветущим здоровьем». Эти лаконичные данные настраивают читателя видеть в персонаже незаурядного человека. Яковлев подробно рисует отношение своего героя к членам своей семьи, вообще к людям. Хотя он суров, строг к себе и другим, в семье не обижал никого, особое сыновье почтение оказывал своей престарелой матери.

Ярко бросающейся в глаза особенностью публицистического творчества Яковлева является постоянное совершенствование высказанных им самим основных мыслей. Связывая свои помыслы с

⁷¹ Там же. Л. 2-3

⁷² Яковлев И. Моя жизнь, стр. 46.

тягой народа к лучшей жизни, он неумоимо конкретизирует и расширяет их. Показательна, например, эволюция его мысли о «**духовном обрусении**» чувашей. В 1870 г. в произведении «Первые шаги Симбирской чувашской школы» он, раскрывая цели своей жизни, пишет: хочется, «**чтобы чуваша были просвещены светом Евангелия... и слились в одно целое с великим русским народом**»⁷³. В дальнейшем выражения «слияние народов», «духовное обрусение» в произведениях Яковлева встречаются все чаще. Пути слияния чувашей с русским народом каждый раз подробнее и конкретнее раскрываются в трудах «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах» (1894), «О школьном образовании чуваш» (1897). Под слиянием чувашей с русским народом Яковлев подразумевал приобщение их к русской национальной культуре, а это должно было стать важным средством подъема культуры родного народа. Такая идея исходила из признания им высокого уровня русской культуры: «Русская народность - это великая сила... Все деятели по просвещению чуваш с глубоким убеждением выставляют для своих питомцев величие русского народа», - подчеркивал Яковлев в статье «О школьном образовании чуваш»⁷⁴. Ориентация педагога на передовую русскую культуру отчетливо выражена им в памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». «Христианство и просвещение - вот две непосредственные жизненные цели, которых никогда не следует упускать из виду, - указывал публицист. - С государственной точки зрения правильное решение этих двух задач есть наиболее целесообразный способ обрусения, если под обрусением понимать духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего».

Приобщение родного народа к русской культуре мыслилось Яковлевым только на основе сохранения самобытной чувашской культуры, непременно использования материнского языка. В то же время ориентация педагога на усвоение чувашами русской культуры исключала замыкание их в своей узконациональной скорлупе и была правильной, прогрессивной.

Как полагают Иван Яковлевич, все доводы автора должны быть обоснованными и доказательными. Сомнительные материалы чи-

⁷³ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 525 (2). С. 71

⁷⁴ Там же. С.200.

Публицист средствами художественной выразительности пользуется экономно, разумно. К ним прибегает с расчетом ярче выделить главные, стержневые идеи, вернее поразить противника. Очень страшным было для самого Яковлева и для его дела обвинение в сепаратизме. Чтобы опровергнуть эту мысль, он в статье «По поводу заметки земского начальника С. Я о земских инородческих школах» воспользовался градацией: «Когда автор бросает в нас упреки, выдвигает против нас в конце концов обвинения в сепаратизме, равносильные обвинению в государственной измене, когда он бросает в нас грязью, мы по необходимости стараемся доказать неосновательность упреков и обвинений, стараемся обнаружить свою невинность. ... Не было, нет и положительно не может быть подобных тенденций среди чувашей и их просветителей - это факт»⁷⁵. Еще один пример: «... Чувашское племя, окруженное русским и татарским населением, не имеющее исторического прошлого, племя мирное, трудолюбивое, земледельческое, по широте своих воззрений не идущее дальше интересов своей деревни и родных полей, не может представлять для русского народа и Русского правительства опасений со стороны претензий сохранить чувашскую национальность в чистоте и целостности и получить ход самостоятельной чувашской цивилизации, как боязливо думает автор заметки»⁷⁶.

Публицистическое творчество Яковлева отличается разнообразием жанров, в числе которых имеется и памфлет «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Исследователи-педагоги называют его статьей, но оно обладает всеми признаками памфлета. Это произведение представляет собой резкое и смелое обличение, направленное против конкретных представителей симбирского духовенства, относившихся враждебно к делу подъема культуры нерусских народов и требовавшие непомерной власти во всех сферах духовной жизни народа. Рассчитывая на здравый смысл и непосредственные эмоции читающей публики, Яковлев для развенчания корыстных стремлений и хищных appetитов духовных лиц выбрал страстно-обличительный тон.

⁷⁵ Симбирские губернские ведомости, 1894. 3 декабря.

⁷⁶ Там же.

ХОРОШО ПИСАТЬ – ДЕЛО НЕЛЕГКОЕ

В своей многогранной деятельности И. Я. Яковлев неизменно опирался на помощь печатного слова. Каждое публичное выступление его диктовалось жизненной потребностью. В них отчетливо отразилась та тяжелая, сложная борьба за национальный подъем чувашей, которую он упорно и неуклонно вел свыше полувека. Публицистика Яковлева обстоятельна, глубока по содержанию и предназначена для вдумчивого, активного читателя.

Определенный интерес представляют те требования, которые предъявлялись народным педагогом к авторам печатных выступлений. Яковлев твердо убежден, что в точности, правдивости произведения заключена огромная воздействующая сила. Автор должен изображать действительность без прикрас. Описывать все точно, приводить только подлинные разговоры советует он в письме своему первому ученику А. В. Рекееву. Автору необходимо также умение выделять главное, наиболее существенное. Достоинством статьи сына своего А. И. Яковлева «Старая и новая постановка инородческого дела» он считает то, что в ней «освещена принципиальная сторона».

По твердому убеждению Ивана Яковлевича, автору следует приводить лишь проверенные достоверные факты. В случае допущения по чьей-либо вине ошибки, редакция должна сообщить об этом читателям. «Если Вы, милостивая государыня, уважаете свою честь и печатное слово, то, конечно, как лицо, стоящее во главе редакции, обязаны дать немедленно определенные и фактические утверждения по данному поводу», - требует Яковлев у издательницы Л. Н. Захаровой.. В то время в симбирских и казанских газетах печатались о Яковлеве клеветнические статьи. «Так как издателями газеты были доктор Иван Матвеевич Сахаров и купец А. П. Балакирщиков, а редактором газеты «Симбирские вести» Миллер, то я всех троих привлек за клевету к судебной ответственности»⁷⁷, - отмечает педагог в своих мемуарах.

Как полагал Иван Яковлевич, все доводы автора должны быть обоснованными и доказательными. Сомнительные материалы чи-

⁷⁷ Яковлев И.Я. Воспоминания. Ч., 1983. С. 125

татель не одобрит. «Отвечать на анонимные бездоказательные намеки на страницах газеты я возможным для себя не нахожу», - заявляет Яковлев тем журналистам, которые выступили в газете «Симбирские вести» с клеветой по его адресу. Автор должен излагать материал кратко, но точно и определенно, а редакция не может вносить в него произвольные изменения, ведущие к искажению смысла. Когда редакция «Церковного вестника» напечатала извлечение из отчета председателя Буинского уездного училищного совета Симбирской губернии А. И. Баратынского с существенными изменениями в содержании, то Яковлев посоветовал ему написать опровержение.

Педагог-публицист требовал от своих последователей постоянного совершенствования знаний, упорного честного труда. «Хорошо писать - это дело нелегкое, но очень возможное при старании и терпении», - внушал он А. В. Рекееву в письме от 15 октября 1870 года. Возражая преподавателю русского языка и словесности М. В. Барсову, гимназист Яковлев говорил: между частями сочинения необходима внутренняя связь, всякая мысль должна быть кратка, сжата и ясна, а не растянута и туманна. Сам Яковлев всегда помнил об этом. Относительно его «Очерка возникновения женского при Симбирской чувашской школе училища» преподаватель словесности Н. И. Колосов заметил, что он «определен по своему содержанию, чрезвычайно ясен по изложению, и поэтому вполне отвечает своей цели в отношениях, так сказать, логическом и литературном».

Яковлев советует литераторам писать так, чтобы было понятно и доступно народу. В рецензии на первый чувашский календарь «Солдалык кнеге» он упрекает автора Н. И. Золотницкого в том, что им не принимается во внимание «малоразвитость чувашенина; он часто сообщает факты, не делая к ним надлежащих объяснений, оттого многое в книге непонятно для чувашенина...»⁷⁸ Язык литератора должен быть народным, точным, а в календаре «встречаются обороты, вовсе не свойственные чувашскому языку. В иных случаях автор не находит даже слов для выражения известных понятий и не знает названия некоторых предметов, оттого в «Солдалык кнеге» встреча-

⁷⁸ Симбирские губернские ведомости, 1867, 13 мая.

ются места, даже вовсе непонятные чувашенину; в других местах чрез это совершенно извращается смысл рассказа...»⁷⁹.

Педагог творил добро народу и своей публицистикой. Результаты долголетней плодотворной деятельности Яковлева высоко оценивались современниками, но ему всегда сопутствовала природная скромность. «Мы обязаны ... делать наше скромное по виду, но великое по существу дело без всякого шума и внешнего блеска», - призывал он своих последователей. В памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» (1900) Яковлев, например, тепло описал деятельность Терентия Мартынова, крестьянина деревни Алманчикова Буинского уезда Симбирской губернии, бесплатно обучавшего детей в собственном доме, но о своей помощи этому энтузиасту он умолчал. Таким был просветитель-демократ, писатель и публицист И. Я. Яковлев. Того же он требует от своего первого ученика Алексея Рекеева: «Вообще веди [себя] тихо, а не шумно, будь как можно скромнее»⁸⁰.

Своим ученикам и сподвижникам И.Я. Яковлев часто подсказывал животрепещущие темы для творческой деятельности. «Ты займись составлением книги на чувашском языке о пчеловодстве». ...Такая книга очень нужна, пожалуйста, напиши ее»⁸¹, - советует чувашский просветитель А. В. Рекееву в письме от 26/13 ноября 1919 г. Почему именно он должен заниматься этим делом? «... Потому что, с одной стороны, ты хорошо знаешь пчеловодное дело, с другой - ты владеешь хорошо чувашским языком»⁸². Посылает ему литературу, которая может понадобиться при составлении книги: брошюру под названием «Чтение по пчеловодству, выпуск 1», книжки по пчеловодству Бутлерова и Потехина с просьбой вернуть их, когда минует надобность.

Обращает Иван Яковлевич особое внимание на то, каким должен быть язык изложения. Требует, чтобы книжка была изложена правильным, но простым и ясным языком по-чувашски, подробно и обстоятельно. В последующем письме от 6/19 декабря 1919 г. высказанное ранее уточняет таким образом: особенно надо остерегаться от допущения ошибок - смысловых в рукописи, в оттисках -

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Яковлев И. Я. Письма. Ч., 1985. С. 155.

⁸¹ Яковлев И. Я. Письма. Ч.: Чувашкнигоиздат, 1985. С. 226.

⁸² Там же.

от ошибок, вкравшихся при наборе. «... Прошу тебя этим делом как можно внимательнее заняться: ошибки исправь, нехорошо и неясно изложенные места совершенно вновь напиши, переделывать и поправлять можно...»⁸³ - обращается И. Я. Яковлев 14 октября 1872 г. к А. В. Рекееву.

Сильным средством усиления языка публицистики педагог считает приведение в конце текста прямой речи и диалогов. «Еще раз повторяю, трудись, пиши подробнее, что нужно и можно и где ты хорошо помнишь, пиши в лицах, т.е. приводи подлинные разговоры. Описывай точно и беспристрастно»⁸⁴. Такой полезный совет дает он своему ученику в письме от 21 августа 1893 г.

Разумеется, умению излагать убедительно надо учиться у опытных авторов. В том же письме он советует А. В. Рекееву для образца прочесть книгу Н. И. Ильминского «Крещено-татарская школа», изданную в память 25-летия ее.

У каждой профессии своя терминология, свои привычные слова. При составлении текста автор не должен обойти эти особенности языка. В письме Рекееву А.В. от 6/19 декабря 1919 г. именно на это обращает он внимание.

«При изложении по-чувашски ты обрати внимание на правильность и ясность языка, выражения были бы чисто чувашские, ходячие у чуваш-пчеловодов опытных, а не сочиненные, придуманные искусственно»⁸⁵. Следовательно, Иван Яковлевич решительно осуждал какое-то несуразное писание с высоты птичьего полета, а хотел чисто чувашского изложения, применения чисто чувашской терминологии.

Возражая преподавателю русского языка и словесности М. В. Барсову, гимназист Яковлев говорил: «между частями сочинения необходима внутренняя связь, всякая мысль должна быть кратка, сжата и ясна, а не растянута и туманна».

⁸³ Там же. С. 154

⁸⁴ Там же. С. 204.

⁸⁵ Там же. С. 227.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК ШКОЛЫ

Наша обязанность - не только трудом, но и средствами, по мере возможности, содействовать делу просвещения чуваш; твое, как и мое, положение только под таким условием имеет смысл глубокий, и мы заслужим сочувствие людей благомыслящих, любящих и ставящих общественное благо выше всего.

И. Я. Яковлев.

Из письма А. В. Рекееву 30 ноября 1881 г.

Судьбой и по настоянию Ивана Яковлевича Яковлева было предопределено Алексею Васильевичу Рекееву (1848-1932) стать первым учеником Симбирской чувашской школы, а затем его помощником и соратником. Как все это происходило?

В воспоминаниях Ивана Яковлевича говорится:

«Летом 1868 года, обучаясь в 6-м классе гимназии, на каникулах я жил в родной деревне Кошки у Пахомовых, где ближе познакомился с товарищами, окончившими курс в Бурундукском уездном училище, Игнатием Ивановым и Алексеем Рекеевым. Мне всячески хотелось уяснить себе, что они вынесли из заведения - вообще, в частности же и главным образом, по русскому языку. Я убедился в том, что они неучи, ничего не понимающие. Тогда у меня появилось упорное, неотступное желание - во что бы то ни стало вытащить их в люди, т.е. дать им образование»⁸⁶.

Далее мемуарист продолжает:

«На летние каникулы я поехал к Пахомовым в деревню Кошки, как к себе домой, так как смотрел на них, как на родных. Тут-то и шли у меня беседы об образовании с Игнатием Ивановым и Рекеевым. Когда чуваш Рекеев пришел ко мне пешком в Симбирск, то я его принял к себе, в квартиру Раевского... Рекеев пришел без де-

⁸⁶ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 129.

нег, с убогим багажом, состоявшим из одежды, бывшей на нем, и небольшого запаса белья»⁸⁷.

Когда надлежащим образом подготовил, Яковлеву удалось устроить его в первый класс уездного училища. Разумеется, экзаменовали его снисходительно. Явился Рекеев в Симбирск 28 октября 1868 г. Этот день принято считать днем открытия в Симбирске чувашской школы, ныне ей исполняется 140 лет.

Воспитанники уездного училища переходили из класса в класс по порядку. С Рекеевым пришлось потрудиться Яковлеву довольно-таки изрядно и сумел подготовить его так, что тот перешел из первого прямо в третий класс. После окончания уездного училища Рекеев поступил на особые двухгодичные педагогические курсы при уездном же училище, готовивших учителей. Когда он учился на этих курсах, Алексея призвали на военную службу.

В семье Рекеевых были четыре сына. Двое из них находились на военной службе. Другой брат, Василий, был семейным домохозяином. Ввиду этого новобранцем должен быть Алексей. Его отправили в город Тулу в Бутырский пехотный полк. И. Я. Яковлев хорошо знал командира этого полка полковника Петра Васильевича Нагаткина как родственника Глазовых.

Вопрос о досрочном освобождении А. В. Рекеева от военной службы первым из официальных лиц поднял инспектор народных училищ И. Н. Ульянов. По настоянию И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева Симбирская губернская земская управа сделала представление попечителю Казанского учебного округа П. Д. Шестакову о возвращении А. В. Рекеева с военной службы, так как два брата его служили в армии, а он обещает быть хорошим учителем. Этот вопрос от попечителя учебного округа через военного министра был представлен на высочайшее усмотрение. Чувашскому парню было оказано особое монаршее внимание. Император 27 апреля 1871 г. повелел совсем освободить его от военной службы.

Из Симбирска 13 мая 1871 г. И. Я. Яковлев сообщал А. В. Рекееву: «Своим избавлением от военной службы ты прежде всего и более всего обязан [...] людям, которые довели до сведения государя императора и которые ходатайствовали перед ним об

⁸⁷ Там же. С. 131-132.

тебе, - это именно г[осподину] министру народного просвещения графу Дмитрию Андреевичу Толстому и г[осподину] попечителю Казан[ского] уч[ебного] округа Петру Дмитриевичу Шестакову; обязан также ты своим избавлением Илье Николаевичу Ульянову и Ивану Афан[асьевичу] Горбунову, потому что они первые официально ходатайствовали перед попечителем о тебе, и вследствие их ходатайства возникло у попечителя дело, которое блестящим образом окончилось твоим избавлением»⁸⁸.

Притом чувашский просветитель напоминает своему ученику, во имя чего он избавлен. Он же избавлен во имя христианского просвещения и образования наших бедных и невежественных чуваш. Это великое дело нельзя забывать ни в коем случае!

Некоторые члены Буинского рекрутского присутствия, в том числе дворянин В. Е. Аргамаков, к судьбе помощника чувашского просветителя А. В. Рекеева отнеслись неприязненно. Это они настояли в отправлении его на военную службу, а затем всячески препятствовали его возвращению. В гимназии за всенощной И. Я. Яковлев встретился с Аргамаковым. «Ты не можешь себе представить, что с ним сделалось, когда я сказал, что ты уволен **всемиловитейше**: Аргамаков сначала, видимо, затрясся, побледнел, побелел... Потом мы с ним крупно объяснились...»⁸⁹, - сообщил Иван Яковлевич потом Алексею Васильевичу в письме от 16 мая 1871 г.

Вскоре Алексей вернулся в Симбирск, продолжил учебу на педагогических курсах, окончил их успешно. И. Я. Яковлев не сомневался в том, что он выбрал своим помощником способного и надежного однодеревенца. Об этом он 14 октября 1872 г. с удовольствием пишет из Казани: «Мне за глаза не видны результаты твоей деятельности; впрочем, еще что и требовать от тебя, в такое короткое время ничего невозможно сделать при всем желании; но как бы то ни было, я питаю глубокую уверенность, что со временем из тебя выработается и выйдет хороший деятель для нашего дела, деятель такой, на котором можно основать все наше дело...»⁹⁰

А. В. Рекеев в 1872 г. получил звание учителя. В 1872-1874 гг. работал учителем в Средних Тимерсянах, затем переводится в Ка-

⁸⁸ Яковлев И.Я. Письма. Ч., 1985. С. 139.

⁸⁹ Там же. С. 141.

⁹⁰ Там же. С. 154.

заны для организации начальной чувашской школы при инородческой учительской семинарии. Более тридцати пяти лет (в 1881-1916 гг.) служил и работал дьяконом, священником, законоучителем в селе Байглычево. С 1917 года заведовал хозяйственной частью Тетюшской учительской семинарии.

Составители вышедшей в 2001 году «Краткой чувашской энциклопедии» отмечают, что Рекеев был педагогом, переводчиком, этнографом и общественным деятелем. Однако они упустили из виду одну важную подробность. Рекеев был еще и публицистом. К сожалению, творчество Алексея Васильевича никем до сих пор основательно не изучено.

Литературные способности А. В. Рекеева его учитель И. Я. Яковлев заметил еще в начале семидесятых годов. «... Ты очень обстоятельно и очень осмысленно можешь писать»⁹¹, - поощряет он А. В. Рекеева в письме от 14 октября 1872 г.

Довольно-таки длинный творческий путь Алексея Рекеева с учетом поднимаемых им тем можно разделить на два периода. **Первый** - религиозно-этнографический, охватывает последнюю четверть XIX века. Наиболее значительными произведениями этого периода являются «Из быта крещеных чуваш» (1889), «Из чувашских преданий и верований» (1896), «Разные чувашские моления» (1898) и др.

Второй период - историко-педагогический, охватывает первую четверть XX века. Значительными произведениями этого периода являются «Мой одноклассник И. Я. Яковлев» (1907), «Симбирская чувашская школа в ее первоначальном виде» (1910), «Чуваши» (1911), «Как меня выжили из Байглычева» (1917) и др.

На первом этапе автор создавал летопись перехода чувашей от язычества к православной вере. В трудах этого периода даются живые картины сельской жизни, где идет упорная борьба между языческими и православными обычаями.

В труде «Из быта крещеных чуваш» автор знакомит читателя картиной жизни села Чутеева Цивильского уезда Казанской губернии. «В северной стороне села стоит небольшой храм, деревянный и очень ветхий, построенный во 2-й половине XVIII столетия. Снаружи этот храм был обшит тесом и окрашен дикою краскою, а

⁹¹ Там же. С. 153.

тесовая крыша - красною, но теперь не осталось уже и следов краски. Как на храме, так и на колокольне, шатрообразные главы, небольшие, обшитые листовым железом и окрашены зеленою краскою, которую также уже обмыло дождем»⁹².

Внутренность церкви также неказиста и бедна. Стены обшиты нестроганным, неотесанным тесом. Иконы старинного письма. Церковная утварь и ризница очень бедные. Рамы в окнах одинарные и обветшавшие, поэтому в храме холодно. В ненастье в храм наносит много снега, поэтому церковная служба в зимнее время совершается очень редко.

Бревенчатая ограда при церкви сгнила и развалилась. Лесничий пожертвовал материал для ограды, его вывезли, но, пролежав несколько лет, он весь истлел. Теперь и сама церковь близка к разрушению.

Епархиальное начальство убеждает прихожан исправить церковь и выстроить ограду, но тщетно. Прихожане под разными предлогами отказываются это сделать, даже желают отчислиться к соседним селам. Заштатный причетник села отправился в Казань и Нижний Новгород на ярмарки и базары для сбора благотворения на храм, но большая часть села сгорела, сгорел и дом причетника. Церковь по сие время остается в прежнем жалком состоянии. Прихожане не хотели тратиться на исправление храма. Они не понимают, зачем нужна им церковь. «Прихожане села Чутеева все из чуваш - крещеные, кроме одной деревни Хозесановой, жители которой, хотя по документам церковным и значатся из чуваш крещеными... они не признают никаких праздников, не признают также ни киреметей, ни ирихов, а справляют свои какие-то праздники»⁹³.

Далее автор отмечает, что чуваша на исповедь и причащение приходят не добровольно, не по убеждению в необходимости оно-го, а по настоянию причты. Иногда она созывает их в храм с помощью волостного правления. «Не исполняя христианских обрядов и не чтя установленных православною церковью праздников, чуваша, однако, имеют своеобразные религиозные обряды. У них есть разные моления, чуки: аслы чук (большое богомолье), кисинь

⁹² Данилов А. П., Тенюшев И. Я. Зарождение, развитие публицистики и журналистики в Чувашии. Ч., 1999. С. 180.

⁹³ Там же. С. 183-184.

чук (малое богомолье), сюмурь чук (моление во время бездождия), авдан сыры (поминование родителей) и пр. обряды...»⁹⁴

В статье автор свое отношение к язычеству и православной вере открыто не выражает, но принуждение прихожан не одобряет. Однако статья читается с большим интересом, так как здесь созданы достоверные живые картины сельской жизни того времени. Вот как колоритно начато повествование: «В южной волости Цивильского уезда Казанской губернии стоит село Чутеево, местность которого окружена с трех сторон лесами, а с четвертой полями. Село разделяется на две половины оврагом. Из горы, с левой стороны этого оврага, вытекает довольно значительный родник, водою которого довольствуются жители села круглый год в полном избытке. Вода этого источника очень мягкая и удобная для питья»⁹⁵.

В продолжениях статьи автор рисует чувашские религиозные обряды, чувашские киремети, жертвоприношения.

В этой статье примечательно разоблачение автором нечистоплотности юмзей. «На одно из таких общественных чувашских молений был куплен для принесения в жертву у односельца чувашина, конечно; по указанию юмзи, бык, предназначавшийся несколько уже лет для домашнего моления. Бык этот был слишком жирен и при поливании на него воды ни разу не отряхивался, а потому владелец его у себя содержал не менее 6 лет, решился прибегнуть к старшему юмзе, чтобы он, в случае общественного богомолья, указал на его быка, обещав за это поблагодарить юмзю. Бык был куплен и приведен для жертвоприношения. Началась операция возливания холодной родниковой водой; на быка вылито не менее двадцати ведер, но он, ощущая **от холодной воды облегчение от сильного жара**, стоял как вкопанный. Все же судьба как его, так и хозяина его, была не очень завидна: чуваша узнали о сделке юмзи с владельцем быка, **убили быка кольями, и разрубивши на части**, бросили на съедение зверям, а владелец его был отлучен от участия **в общественном молении и сельских сходах**, в замен от денег, употребленных на покупку быка, взята была миром у этого отлученного чувашина корова, которая принесена уже на другой день в жертву. Не обошлось даром и юмзе его корысто-

⁹⁴ Там же. С. 185.

⁹⁵ Там же. С. 180.

любие: его, злоупотреблявшего своим званием, по совету других старших, вызванных на этот раз из других деревень юмзей, «лишили его звания и запретили **участвовать при всех молениях даже в качестве предстоящего, а вместо его избрали другого - из меньших юмзей**».

Приводится автором еще один интересный случай. «В одном из чувашских сел некто из причетников поссорился с прихожанином своим чувашиним, а при ссоре пригрозил отомстить ему. Вскоре после этой ссоры заболела у чувашина единственная дочь - девица. Отец отправляется по обыкновению к юмзе, но тот был уже предупрежден причетником и повел дело в свою пользу и в пользу причетника». По подсказке юмзи, для отвращения гнева киремети и выздоровления дочери должно принести удовлетворительную жертву. Причетник - низший служитель в православной церкви - отправляется в киреметь, взбирается в дупло большого дерева, и каждый раз кричит: «сирлахмастып (не прощаю)». Это продолжалось до тех пор, пока чуваш не привел жеребца. Следовательно, нечестными, нечистоплотными бывают не только чувашские юмзи, но и служители православной церкви.

Чуваши приносят в жертву киремети деньги медными и серебряными монетами. Деньги эти собирали потом **русские** или **дети причты**. При этом они говорили: «Не я беру, а красный **Савинка** берет». Савинка - чуваш, житель села Чутеева, служил в волостном правлении, на все обряды и жертвоприношения единомышленников смотрел апатично. Рубил лес на киремети и употреблял его на постройку дома. Через это Савинка навлек на себя ненависть своих сельчан. Он не остался ненаказанным за безверие. Простудился, и у него отнялись ноги. При разделе земли его избili дубьем, лет через пять помер.

Подробно в статье автор описал «краденые свадьбы», которые практиковались при отсутствии согласия родителей.

«Известия по Казанской епархии» об авторе очерков «Из чувашских преданий и верований» сообщает следующее: «Автор предлагаемого очерка А. В. Рекеев природный чувашин, в детстве сам воспитывавшийся среди преданной язычеству чувашской семьи, усердный собиратель чувашских религиозных преданий, ревностный просветитель своих единоплеменников и миссионер. Ре-

дакция «Известий» надеется получить от него еще несколько подобных же очерков из области чувашской мифологии»⁹⁶.

Следовательно, очерки А. В. Рекеева своей свежей колоритностью пришлись по вкусу редакции издания. Она изъявила готовность публиковать их и в следующих номерах, хотя автором описываются верования чуваш Казанского края «уже современные, сильно проникнутые ... мухаммедданским татарским».

Редакция издания также считает, что автор допускает ошибку, отрицая «в чувашской вере многобожие и даже дуализм». «Это, конечно, не более, как недоразумение, но с точки зрения историка и этнографа недоразумение весьма выразительное и ценное», - констатируется в журнале.

Эпистолярное произведение А. В. Рекеева «Как меня выжили из Байглычева: Письмо Д. Ф. Филимонову» отличается резкой аптиклериканской направленностью. Оно выражает возмущение тем, что в среду духовных лиц попадают люди с низкими моральными качествами, бесцеремонно жадные и корыстолюбивые. Загребав церковную власть в свои руки, они творят неимоверно черные дела.

Нам известны те репрессии, которые обрушились на головы священников, разорения церквей и монастырей, предпринятые большевиками. Но здесь речь о событиях, происшедших в сентябре 1917 года, т.е. до прихода большевиков к власти. В письме рассказывается о раскулачивании священника Алексея Рекеева другим священником Петром Степановым, как он выживается из деревни, в которой он жил и служил 35 лет. Служитель культа нападает на другого служителя культа. Оказывается, в сфере служителей культа возможно и такое. А ведь Рекеев здесь построил церковь, во всех деревнях своего прихода открыл школы, переводил на родной язык церковные книги, бесплатно преподавал в этих школах, служил в церкви на родном языке. Всей своей деятельностью он заслужил уважение своих прихожан.

О ком идет речь в письме? Кто же Петр Степанов? Он родом из Цивильского уезда. Окончил курс чувашской учительской школы, учился в Симбирской духовной семинарии. Был несколько месяцев псаломщиком и месяца три священником около Казани. Следо-

⁹⁶ Известия по Казанской епархии. 1896. № 15-16.

вательно, для того времени Петр Степанов – высокообразованное лицо, но поступки его аморальны. Он оказался любителем выпивок. Угощал пивом горлопанов деревни, так он вербовал себе сторонников.

Оказался он человеком с невозможно сутяжным характером, т.е. «кутѣн» человек, склонный дониматься тяжбами, имеющий к этому особый интерес. Поступив в Байглычево, он сначала вытеснил хорошего псаломщика, а потом надумал выжить и Рекеева, оставшегося за штатом (в марте 1917 г.). Руководствовался он корыстными целями. Захотел завладеть домом Рекеева, надворными постройками и садом.

Как происходило раскулачивание священника Рекеева? Разбойничьими методами. В ночное время Степанов привел своих горлопанов в дом Рекеева. «Войдя во двор, один из незнакомых спросил: «У вас ружье есть?» Я ответил, что у меня двуствольное охотничье ружье, купленное давно». Они вошли в дом, отобрали ружье и принадлежности к нему. Потом спросили: «У вас есть сабля?» Я отдал. Потом сказали: «У вас есть револьвер?» Я ответил, что был, да продал давно. Потом они спросили: «Вы собирали по волости сухари для голодающих пленных солдат и сколько набрали?» Я показал им отчет. Затем спросили, сколько сухарей в остатке после отсылки в Тетюшскую земскую управу. Я показал по отчету остаток - 6 пудов 18 фунтов и добавил, что сухари находятся в амбаре»⁹⁷.

На другой день в доме Рекеева снова производится тщательный обыск. А потом на улице устроили митинг. Здесь Рекеев обвинялся в том, что он человек старого режима, разбогател, пил кровь народа, жил вооруженно и мог убивать любого прихожанина, собирал с народа сухари и кормил свою корову.

«Наконец постановили: выгнать меня из прихода в недельный срок, а потом дали месячный срок и взяли подписку, что я добровольно соглашаюсь уехать. Так пришлось нам продать все и уехать в Тетюши»⁹⁸.

Сумел ли Петр Степанов исполнить свои сутяжные цели? Он сумел с помощью горлопанов выжить Рекеева из села Байглычево.

⁹⁷ Советская Чувашия. 1996. 31 июля.

⁹⁸ Там же.

Однако его назначили заведующим хозяйственной частью Тетюшской учительской семинарии. После его смерти в Байглычеве ему воздвигнут памятник на его могиле в кладбище.

Петру Степанову не удалось завладеть ни домом, ни надворными постройками, ни садом Рекеева. Хозяину удалось продать свой дом и надворные постройки людям из другого прихода. Сад остался за селом и Степанову не достался. За дурные поступки Степанова удалили из этого прихода.

Таким образом, произведение Рекеева «Как меня выжили из Байглычева» направлено против дурных служителей духовного мира, разоблачает их алчность и сутяжничество.

Письмо было написано по-чувашки. Сохранилось приложение к этому письму, которое дает любопытные данные: о связях Рекеева с газетой «Хыпар» в качестве автора и переводчика; о подготовке ко всечувашскому съезду в Казани; горестные размышления о судьбе тех, кто пытается заниматься кляузами, доносами.

Вторая важная тема в публицистике Алексея Рекеева - просвещение родного чувашского народа. В тематической основе публицистики автора лежат идейная и практическая поддержка глубоко продуманной программы И. Я. Яковлева по национальному подъему родного народа, показ путей создания и становления Симбирской чувашской учительской школы, отстаивание системы Н. И. Ильминского в христианском просвещении народа. В этих произведениях бьет ключом жизнь чувашского народа конца XIX и начала XX веков. Ярko он запечатлел его стремление к грамоте, к свету.

В течение нескольких лет А. В. Рекеев работал над воспоминаниями о Симбирской чувашской школе. И. Я. Яковлев внимательно следил за ходом работы над этими воспоминаниями. «Писание твое положительно интересно и важно для истории нашей Симбир[ской] чуваш[ской] школы, которой ты есть первый воспитанник; твоя судьба есть ее история. Настоятельно прошу продолжать, а написанное пополнять и исправлять. Поверь, выйдет из твоего труда очень, очень интересное произведение; только писанием подробным мы можем оставить память в потомстве о себе и о том, чем мы были заняты с увлечением и преданностью и что

принесло плоды»⁹⁹, - вдохновлял чувашский просветитель Алексея Васильевича. Эти воспоминания были опубликованы в 1910 г. в журнале «Православный благовестник» (№ 18-19) очень сокращенно под названием «Симбирская чувашская школа в ее первоначальном виде».

Священник села Байглычева Тетюшского уезда Алексей Рекеев в декабре 1905 года был уведомлен, что он принят в действительные члены Церковного историко-археологического общества Казанской епархии. По поручению этого общества Алексей Васильевич написал доклад «О современных религиозных переживаниях русских и инородцев известного мне Тетюшского уезда». Дата написания его не указана. Можно полагать, что священник работал над ним в начале 1916 года. 2 апреля 1916 года Н. В. Никольский писал ему из Казани:

«Глубокоуважаемый батюшка Алексей Васильевич!

Удивляюсь Вашей энергии, несмотря на Ваши 68 лет и ..., завидую. К этим годам я, вероятно, буду каким-ниб(удь) живым трупом.

Спасибо Вам за доклад. Очень много здесь любопытного. 19 апреля доложу в Общем собрании Церковного историко-арх(еологического) общ(ества).

Вы поручили мне в нем сделать исправления. Так их мало, что возвращать Вам и беспокоить новой перепиской нахожу даже неудобным. Если найдете время, лучше что-нибудь еще сообщите. Общество будет только благодарно Вам.

Поручение вы исполнили в точности.

Будьте здоровы!

С искренним почтением Н. Никольский. 19.IV/2.16.»¹⁰⁰

Чем же ценен доклад для нас? Конечно, не характеристикой религиозного духа прихожан до войны и после войны, не описанием хода распространения переводных церковных книг в уезде. Однако автор сумел создать здесь правдивые картины сельской жизни.

«Прежде до начала нынешней войны, - пишет Рекеев, - как в нашем селе Байглычеве, так и в других селах и деревнях Тетюш-

⁹⁹ Письмо от 21 августа 1893 // Яковлев И.Я. Письма. Ч., 1985. С. 204)

¹⁰⁰ ГАУО, ф. 835, оп. 1. ед. хр. 17.

ского уезда, особенно по ночам, слышался везде гул пьяных и веселых людей.

Деревенская молодежь обоего пола, собираясь на улицах кучками, почти круглый год по ночам распевала разные песни и играла на гармониях. Эти кучки, артели песенников, гармоньщиков и горланов не расходились до полуночи, а иногда, особенно в летние короткие ночи, игрища их продолжались до самой зори»¹⁰¹.

Но вот началась кровопролитная война. Горе и печаль принесла она в деревни. «Повторяю, - подчеркивает автор, - что до начала текущей войны сельская молодежь в Тетюшском уезде везде шумно веселилась, играла, по летам устраивала хороводы и пела, а после начала войны все это прекратилось.

Впрочем, можно сказать, что таковое прекращение игр не есть явление неожиданное, а естественное, потому что большая часть молодых людей была принята на военную службу, а оставшиеся дома их братья, сестры и родственники, видно, приуныли...

Прежде всего, такую тишину я стал замечать в своем Байглычевском приходе. Минувшим летом здешние чувашские девушки никаких игр и хороводов не устраивали, даже и по вечерам на игры не выходили, как бывало в прежние годы. Оказывается, что то же самое явление замечается и в других местах нашего Тетюшского уезда»¹⁰². В отображении явлений и фактов жизни автор правдив. Именно поэтому доклад в целом выражает отрицательное отношение к антинародной войне. В этой плоскости доклад напоминает брошюру И. Я. Яковлева «Война и чувашская школа в Симбирске». В этих двух произведениях есть сходные приемы в выражении мысли. В вопросе о войне в авторской речи оба придерживаются официальной царской политики, а отрицательное отношение к ней содержится у Яковлева - в выступлениях действующих лиц, у Рекеева - в письмах солдат.

В своем докладе Рекеев приводит несколько солдатских писем. Они написаны бывшими учениками и очень дороги для сердца приходского священника. Простые люди по-своему толковали и о причинах возникновения войны. Обратимся к письму солдата **Николая Максимовича Смирнова** священнику: «Дальше напишу о

¹⁰¹ ГАУО, ф.835, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

¹⁰² Там же.

том, от чего началась эта война. Война началась от того, что австрийский наследник уехал было в путешествие в Сербию. Потом, когда он поехал обратно домой, то на дороге будто убили его. За это Австрийский государь объявил войну **Сербии. Наш государь объявил войну** Австрии, чтобы этим выручить Сербию, а Германия объявила войну России, чтобы выручить Австрию. Так и пошла война. Может быть, не убили бы его, если бы он в Сербии не заходил в гостиницу и не поговорил там кой о чем...»

Выходит, войну объявили государи, притом не за народные интересы, а из-за убийства австрийского наследника. Но страдать приходится народу. Как утверждает автор, «разлука с членами своей семьи, отправляющимися на войну» - тяжелое горе для каждого. «Вот уже второй год, как я, так и все христоролюбивые воины, стоят своею грудью за веру, царя и отечество», - в духе официального патриотизма строчит Анисим Ильин. Иное напишешь - все равно цензура вычеркнет, или солдатский треугольник совсем не дойдет до адресата. Несмотря на это, народное горе выплескивалось, вырывалось наружу.

О чем же еще пишут солдаты? Как они относятся к Алексею Васильевичу? Многие из них благодарны ему, но не за настырные благословения и молитвы. «Вот уже один год, утром и вечером до сих пор вспоминаю Вас, как родного отца. Спасибо, Батюшка, что Вы учили меня грамоте и уму-разуму», - пишет **Прокопий Диомидов**. «Спасибо Вам и Матушке за деньги, булки и за иконку...»¹⁰³ - говорится в письме **Ильи Сусметова**. У расчетливого солдата на первом месте деньги и булки, а об иконе речь можно вести и после.

«Наша мама, оказывается, хворает и горюет. Если Вы увидите мою мать, то успокойте ее и велите не плакать. Мы ежедневно ждем смерти, и то не плачем...» - сокрушается Илья Петрович Сусметов.

Действительно, в докладе священника много любопытного. Письма солдат свидетельствуют о том, что их заботы и горести были близки А. В. Рекееву. В докладе «О современных религиозных переживаниях русских и инородцев известного мне Тетюшского уезда» сельский священник своими словами не смеет даже

¹⁰³ Там же, л. 4.

заикаться о том, что народу война не нужна, однако такая мысль вытекает из композиции сочинения.

В своих публицистических произведениях А. В. Рекеев показал живые образы И. Я. Яковлева, И. Н. Ульянова, Н. И. Ильминского и их сподвижников.

Духовным отцом и наставником Рекеева на творческой стезе был И. Я. Яковлев. Об этом свидетельствуют воспоминания Алексея Васильевича и сохранившиеся письма Ивана Яковлевича. Литературные способности Рекеева его учитель заметил сразу. 7 октября 1872 года он писал ему: «... Ты очень обстоятельно и очень осмысленно можешь писать»¹⁰⁴.

Иван Яковлевич поощрял своего ученика и учил его литературному мастерству. В письмах Рекееву сохранилось немало благожелательных высказываний: «Не то важно, что ты сказал, а то, как тебя поняли. Поэтому учись ясно и точно выражать свои мысли. Неточно выраженная мысль может привести к досадному недоразумению. Ко всякому делу надо прилагать разум».

Разумеется, советы учителя Рекеев крепко запоминал и в дальнейшем пользовался ими. В своих творениях он приводит конкретные факты из реальной жизни, подает их с глубоким осмыслением и развернутым комментарием.

В старину зачисляли детей в удельные училища принудительно. Рекеев это описывает так: «Записывали учеников таким же порядком, как и в рекруты: у кого имелось три сына от 9 до 12 лет, то голова с писарем одного записывали в школу без разговору... Более богатые родители откупали своих сыновей, а сын бедного крестьянина записывался... Так пришлось моему отцу спасти от учения сначала старшего сына, причем помог один кредитный билет десятирублевого достоинства, врученный кому следует, а потом второго сына отец спрятал за медовую кадучку, в которой находилось два пуда меда!.. Таким образом, мой отец двоих старших сыновей спас от школы, а я был уже заранее обречен в школьниками»¹⁰⁵.

Рекеев излагает сочно, с юмором. Вот как вспоминает он о своей попытке поступить сразу во второй класс уездного училища:

¹⁰⁴ Яковлев И. Я. Письма. Ч., 1985. С. 153.

¹⁰⁵ Рекеев А. В. Мои воспоминания из прошлой жизни, ГАУО, ф.835, инв.1, ед. ер.4.

«Очень курьезны были мои ответы по географии: учитель А. В. Констанцев вызывает меня к карте и говорит: «Ты какие знаешь реки в России?». Я отвечаю, что по России далеко не разъезжал и рек много не знаю. Конечно, весь класс захохотал над моим ответом. Дальше говорит: «А какие же реки знаешь?» Я отвечаю, что знаю свою Кильну, Свиягу и Волгу. «Вот, - говорит, - покажи Волгу». Я говорю, что здесь Волгу показать нельзя, потому что она находится за городом, и указываю в окно в ту сторону, где находится Волга. Опять повторяется хохот всего класса. Затем учитель спрашивает: «Сколько частей света?» Я говорю, свет едва ли делится на части, что только днем бывает светло, а ночью темно»¹⁰⁶.

Каждый персонаж у него обладает индивидуальными особенностями. Метко подмечены публицистом особенности речи йомзей. Вот образец речи одного из них:

«От покойников страдаете вы, коренные покойники мучают вас, вы, вероятно, во время осенних поминок не сходили вместе (не поминали вместе с другими родными); испеките блинов, купите вина и помяните покойников, тогда ваш больной выздоровеет»¹⁰⁷.

Умело пользуется Рекеев литературными средствами усиления речи. Вот пример приведенного им сравнения: «Все они писали мне (по месту военной службы - И. Т.) письма, все желали вернуть меня к себе, как пчелы всемерно помогают освободить одну пчелу, свою товарку, запутавшуюся в паутине»¹⁰⁸.

Есть чему поучиться современным журналистам у публициста и этнографа А. В. Рекеева в умении отображать действительность и применять литературные средства усиления речи.

В связи с 25-летием деятельности в области народного просвещения А. В. Рекеев был награжден орденом Святой Анны.

Высоко ставил И. Я. Яковлев деятельность своего соратника. В декабре 1916 г. он обратился к Казанскому архиепископу Якову с ходатайством о присвоении Алексею Васильевичу сана протоиерея, так как за ним числились важные заслуги: «1) выстроил у себя в чисто-чувашском приходе отличную церковь, 2) во всех дерев-

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

нях своего прихода открыл братские школы, а в самом селе открыл образцовое, отлично поставленное училище... Был мне ближайшим помощником в переводе книг религиозно-нравственных и частью богослужебных»¹⁰⁹.

Как высоко ценил чувашский просветитель своего первого ученика, показывает его письмо от 28 июня 1920 г. Хотя оно длинное, приведем его полностью.

«Алексей Васильевич, ты пишешь в последнем письме о своих чувствах ко мне, о своей преданности и своей, в особенности, любви ко мне, вспоминаешь взаимную, всегда совместную работу нашу. В свою очередь, я могу сказать, что всегда любил и ценил тебя. Я всегда сознавал, что многие мои ученики пользовались моими трудами, моими услугами и моею помощью, но предан мне был ты один. Слава богу и благодарение богу, что он помог с тобой совершить все полезное для чуваш, несмотря [на] наши слабые силы. Прошу тебя простить мне все то, чем я тебя оскорбил и обидел. Я тоже думаю, что едва ли нам с тобою придется свидеться. Еще раз прошу тебя простить мне.

Любящий тебя Иван Яковлев»¹¹⁰.

Действительно, точнее не скажешь, лучше не выразишь.

Советская власть по-разному подходила к оценке заслуги людей. В октябре 1928 г. обратились два человека с заявлениями о назначении персональных пенсий: профессиональный революционер Тимофей Абрамов и деятель народного просвещения Алексей Рекеев.

Деятельность Т. Абрамова «на этом поприще началась в 1904 году, когда, будучи в японском плену, он познакомился с революционно настроенными матросами. В 1906 году возвратился на родину и в Чебоксарах открыто выступал на базарах с прокламациями «Долой царя!» За это был арестован и заключен в тюрьму. С 1918 года он - член ВКП(б), в 1919-ом - мобилизован в Красную Армию, с 1921-го - работал по советской линии на разных должностях, пока не получил инвалидность 2-й группы»¹¹¹.

Президиум ЦИК Чувашской АССР «по заявлению инвалида войны и труда Абрамова Т.А.» принял положительное решение. За

¹⁰⁹ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 514. Л. 154.

¹¹⁰ Яковлев И. Я. Письма. Ч., 1985. С. 230.

¹¹¹ Козлов Ф. «Персоналка» для революционера // Советская Чувашия. 2005. 2 ноября.

особые заслуги в области революционной деятельности среди чувашского народа с 1906-07 гг. ему назначается персональная пенсия - «выдавать дополнительно к получаемой пенсии по 10 рублей в месяц, считая пенсию в целом 30 рублей».

Президиум ЦИК Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов рассматривал тогда же еще одно заявление о назначении «персоналки» по ходатайству Наркомата просвещения республики. Это было заявление Алексея Васильевича Рекеева. Он «содействовал насаждению школ среди чувашского народа, действительно принимал участие в большой по тому времени переводческой работе, руководимой И. Яковлевым, писал статьи на чувашском языке, между прочим, им написана мифология чуваш, религиозные обряды чуваш и т.п.».

По поводу этого обращения было принято такое постановление: «по ходатайству Наркомпроса о поддержке бывшего деятеля по просвещению чуваш гражданина Рекеева А. В. - отказать». Ясно: разбрасывание на базаре прокламаций тогда оценивалось дороже, чем работа по просвещению народа. Однако со временем все ставится на свои места. Т. А. Абрамова мало кто помнит, а в селе Байглычево Яльчикского района стоит памятник А. В. Рекееву. Когда первый вариант обветшал, восстановили в новом виде. Кстати, о А. В. Рекееве мы ныне читаем: «Рекеев Алексей Васильевич... принимал активное участие в составлении нового чувашского алфавита, первых чувашских букварей, экспериментально проверял и совершенствовал их дидактические качества, работал учителем начальных школ, вместе с И. Я. Яковлевым проводил первые съезды чувашских учителей. Будучи священником и законоучителем, открыл на свои средства 8 сельских школ, в 1894 в с. Байглычево организовал магазин-склад чувашских книг, в голодные годы - фонд помощи голодающим»¹¹².

«Прощальная беседа с прихожанами» (1917. ГАУО, ф.835, оп.1, ед.хр.5) – лебединая песня соратника чувашского просветителя.

Выступал священник перед прихожанами весьма скромно. Со всем умалчал о том, что он являлся верным другом и соратником великого чувашского просветителя И. Я. Яковлева, в восьми деревнях прихода открыл школы, оказывал действенную помощь

¹¹² Краткая чувашская энциклопедия. Ч., 2001. С. 348.

сельчанам при всех неурядицах, спасал от голода в неурожайные годы.

Прощальная беседа священника с прихожанами, выступление прихожанина на этой обедне с благодарственным словом помогают нам лучше выяснить роль А. В. Рекеева в общественной деятельности, удовлетворении потребностей населения, преодолении феодально-крепостнических пережитков. Сельчане видели в священнике-педагогике близкого к себе человека, защитника их от гнета и унижения, помощника в стремлении выйти из тьмы и невежества.

Аксакал из деревни Байглычево Михаил Петров тепло отзывается о нем: «Алексея Васильевича Рекеева я запомнил как Человека с большой буквы, мудрого и доброго, полного энергией и трудолюбием. Супруга его - Мария Ивановна - была русская, тоже очень трудолюбивая. Детей у них не было. Имели справное крепкое хозяйство, развели чудесный сад, занимались пчеловодством. Алексей Васильевич очень торжественно проводил церковные службы, четко читал молитвы и проповеди. Его голос — ясный и приятный, далеко был слышен особенно в праздничные дни. Он организовал чудесный церковный хор. Хористов насчитывалось свыше двадцати. В основном это были девушки. В составе хора состояли и замужние. Помогал нашему священнику регент из соседней деревни Сергей Егорович. К Алексею Васильевичу приезжал и сам И. Я. Яковлев. Ездили также священники и учителя из всех околотков».

Таким был славный сын чувашского народа, первый ученик Симбирской чувашской школы, заслуги которого Советская власть не захотела признавать.

Произведения А. В. Рекеева

Из быта крещеных чуваш. Известия по Казанской епархии. 1889. №№ 15, 18, 20, 21.

Чувашская учительская школа в Симбирске и женское училище при ней. Православный благовестник. 1893.

Из чувашских преданий и верований. Казань, 1898.

Разные чувашские моления. Известия по Казанской епархии. 1898. № 5.

Мои воспоминания из прошлой моей жизни. 1906. ГАУО, ф. 835, оп. 1, ед.хр. 4.

Мой одноподдереженец И. Я. Яковлев. (Заголовок дан нами - И.Т.) 1907. И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Ч.: Чуваш-книгоиздат, 1968. С. 23-30.

Симбирская чувашская школа в ее первоначальном виде. Православный благовестник. 1910. № 18-19.

Чуваши. Применение системы Ильминского к их просвещению. Сотрудник братства св. Гурия. 1911. № 25-26.

О современных религиозных переживаниях русских и инородцев известного мне Тетюшского уезда: Доклад Церковному историко-археологическому обществу Казанской епархии. 1916. ГАУО, ф.835, оп. 1, ед. хр.17.

Прошальная беседа с прихожанами. 1917. ГАУО, ф. 835, оп. 1, ед. хр. 5.

Как меня выжили из Байглычева: Письмо священнику Д.Ф. Филимонову. 1917. Советская Чувашия. 1996. 31 июля.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ ЭТИ СТРОКИ?

В книге «Сказки и предания чуваш» в 1908 г. была опубликована бессмертная поэма «Нарспи» Константина Васильевича Иванова. Ныне исполняется ровно сто лет этому замечательному произведению. Наш народ отмечает эту дату как знаменательный праздник всей чувашской национальной культуры. Это и понятно. Нарспи и Сетнер были любимыми героями и остаются такими у нашего народа.

Талантливый ученик чувашского просветителя К. В. Иванов остался в памяти народа как борец за светлое будущее. Среди учащихся и преподавателей он пользовался большим авторитетом. В Ульяновске, на бывшем здании Симбирской чувашской учительской школы, в 1981 г. установили мемориальную доску в честь основоположника чувашской поэзии. На белом мраморе надпись: «Здесь в 1903-1914 годах учился и преподавал классик чувашской литературы К. В. Иванов».

Установление мемориальной доски в городе Ульяновске для увековечения памяти отца чувашской – знаменательное событие. По сути этот город стал второй родиной К. В. Иванова. Здесь он учился, участвовал в революционных событиях 1905-1907 гг., здесь протекала его творческая деятельность, здесь же писалась классическая поэма «Нарспи».

Добрые воспоминания о поэте оставил преподаватель Симбирской чувашской школы М. П. Петров-Тинехпи. «Однажды я дал ученикам задание написать сочинение - о наступлении весны. Прочитал написанное Константином Ивановым - очень удивился: там слышно тресканье плывущих льдин, тут же щебетанье птиц, видно цветение, распускание почек растительностью, деревьями. Лопнуло терпение, достал написанное Львом Толстым: «Дай-ка, сравним сочинение ученика с написанным Львом всемирной литературы», - сказал себе. На самом деле с ума сойдешь: читаешь написанное Толстым - душа наполняется радостью, читаешь написанное Константином - сердце вздрогнет. Встал и пошел наверх, к Ивану Яковлевичу. Старик сидит за столом. Разволнованный я даже не догадался пожелать здоровья.

- Что случилось? - спрашивает он

- Вот посмотрите, - представил я ему сочинение Константина.

- Ты сам читай, а я буду слушать, - сказал он. Прочитал и посмотрел на старика - он как солнце сияет, глаза прослезились.

- Спасибо тебе, спасибо, - благодарит он. Немного посидел и добавил:

- Даже в русской литературе мало подобного...

Задумался, через некоторое время предупредил:

- Ты особенно не хвали его, испортишь.

Такое мог написать Константин в пятнадцатилетнем возрасте»¹¹³.

Теплые воспоминания оставил Михаил Петрович об отце поэта. Яблоко от яблони далеко не упадет. Константин вырос весь в отца. Отец его, Василий Николаевич, был очень способным и трудолюбивым. В деревне у всех избы деревянные, а у Василия Николаевича - дом каменный. Сложил из камней с горы. Разрезал их и складывал как кирпичи. Так готовил строительный материал. Ему любое ремесло было под силу. Какие богатые урожаи выращивал на своих полях! Сын ему во всем помогал.

«Каждый народ имеет самое дорогое национальное богатство, любимую всеми ценнейшую, великолепную, превосходную книгу. Такой ценной и замечательной книгой нашего народа стала «Нарспи». Ее издал бессмертный поэт, гениальный чувашский певец Константин Васильевич Иванов-Пртта»¹¹⁴. Это из предисловия к поэме «Нарспи», написанного народным писателем Чувашии Юхма Мишши.

Разумеется, даже самые зловещие тучи не могут служить непреодолимой преградой на пути лучей ярких звезд. Мы по-прежнему в небосклоне чувашской поэзии К. В. Иванова продолжаем считать звездой первой величины чувашской поэзии, лучезарной и неугасимой.

Известный чувашский писатель, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, член-корреспондент Академии науки и искусств им. царя Петра чувашский прозаик Юлия Силэм, высоко оценивая творчество поэта, пишет: «Всего лишь 25 лет прожил Константин Иванов, но сколько благодарного труда успел

¹¹³ Петров М.-Тинехпи. Пусть прославится доброе имя... (Ырă ячĕ чаплă пултăр). Хыпар. 2005. 24 июня

¹¹⁴ Юхма Мишши. Пирĕн ытарайми «Нарспи»/Наша очаровательная «Нарспи» // Иванов К. В. - Пăртта. Нарспи. Ч., 1993. Библиотечка «Вучах».

оставить! Он - гордость и слава чувашского народа, основатель новой письменности и художественного слова, первый алмаз чувашской поэзии...»¹¹⁵

Хвала и честь таким деятелям, которые не сбиваются с верного пути при оценке труда своих предшественников!

Константин Васильевич Иванов (1890-1915) родился и вырос в деревне Слакбаш Белебеевского уезда Уфимской губернии - ныне Белебеевского района Республики Башкортостан. В Симбирскую чувашскую учительскую школу поступил в 1903 г. Вместе с ним в одном классе учился и сидел за одной партой будущий хыпаровец и поэт-революционер Т. С. Семенов (Таэр Тимки). Они вместе постигали азы чувашской грамоты, вместе читали произведения русских классиков, вместе участвовали в революционных волнениях учащейся молодежи. За это обоих наказали. Чиновники Казанского учебного округа в начале марта 1907 г. весь класс из 37 человек, где был и Константин Иванов, был распущен. Ему пришлось оставить Симбирск и выехать в родное село Слакбаш.

Чувашский просветитель И. Я. Яковлев не позабыл даровитого ученика. Когда революционные волнения учащихся улеглись, он пригласил Константина вернуться в школу. Так он с 1 сентября 1907 г. стал работать переводчиком. Константин Иванов сразу же втянулся в напряженную творческую работу. Переводил на чувашский язык религиозную литературу, произведения М. Лермонтова, А. Кольцова, Н. Некрасова. Мастерски перевел «Песню про купца Калашникова» М. Лермонтова. В то же время чувашский парень вытягивается в работу над созданием собственных произведений художественной литературы.

Первые поэтические произведения его «Пробуждайтесь, поднимайтесь» («Вăранӑр, тапранӑр», «Дубинушка»), написанные в 1906 г, призывали народ к борьбе за свободу. Переведенная им на чувашский язык революционно-сатирическая песня «Отпустите крестьян на свободу» звучала как призыв к борьбе со старым строем:

Вставай, подымайся, чувашский народ!

Вставай на борьбу люд голодный!

¹¹⁵ Силэм Ю. Пирвайхи юрату (Первая любовь). Ялав. 2000. № 7. С. 80.

«Лирика К. В. Иванова носит ярко выраженный публицистический характер. Это роднит его с творчеством современников, поэтов-демократов 1905-1907 гг.»¹¹⁶, - отметил М. Я. Сироткин.

В набросках трагедии в стихах «Рай дьявола» (Шуйттан чури) говорится, что всеисилие денег превращает человека в уродца. Жадность вызывает у двух братьев, участников войны, потерю человеческих чувств - они становятся мародерами. Алчность и корыстолюбие заставляют старшего брата убивать младшего, а потом погибает и сам.

1907-1908 годы для поэта стали периодом самой напряженной плодотворной работы. Именно в эти годы он создал стихотворную сказку «Две дочери» (Икё хёр), баллады «Вдова» (Тăлăх арăм) и «Железная мялка» (Тимёр тылă), сделал набросок трагедии «Раб дьявола» (Шуйттан чури). Именно в эти годы создается первое в истории чувашской поэзии крупное лиро-эпическое произведение «Нарспи», впоследствии переведенную на многие языки мира. «В лучшем творении поэта - поэме «Нарспи» - масштабно осмыслены основные философские проблемы: человеческая личность и общество, добро и зло, соотношение материальных и духовных ценностей, гуманизм, противоборство жизни и смерти. Творчество поэта, обогащенное опытом русской и мировой классики, обозначило высшую точку взлета национального литературно-художественного сознания. Он впервые рельефно изобразил чувашский национальный характер (эстетический идеал), качественно обновил содержание и форму поэзии, раскрыл новые возможности эпических жанровых форм, внес большой вклад в разработку литературного языка»¹¹⁷.

Константин Васильевич Иванов-Пртта - такой псевдоним стали прибавлять к его фамилии в последнее время - является крупным талантливым поэтом, чудесным переводчиком, способным художником и мудрым педагогом. Его творческая деятельность относится к периоду зрелости просветительского движения в Чувашии. Добрая половина его произведений представляет собой художественную литературу, конкретнее - шедевры поэзии.

¹¹⁶ Сироткин М. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Ч., 1962. С. 175.

¹¹⁷ Артемьев Ю. М. Иванов Константин Васильевич. Краткая чувашская энциклопедия. Ч., 2001. С. 179.

Ярко бросающаяся особенность художественной литературы - это отображение жизни в образах. Свойства публицистики нередко проникают в ткань художественных произведений, т.е. придают им качество публицистичности. До сих пор ученые не имеют единого мнения о том, что такое публицистичность, где она начинается и где кончается.

В своих произведениях поэт красочно и сочно рисовал жизнь и быт тогдашней чувашской деревни, показывал тяжелое положение народа, поднимал животрепещущие вопросы жизни общества. Он являлся автором не только произведений художественной литературы, но и публицистики. Да все произведения его, относящиеся к художественной литературе, весьма публицистичны.

А что мы считаем публицистикой, что понимаем под публицистичностью?

Публицистика (от лат. *publicus* - общественный) - род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Публицистика нередко проникала в художественные и научные произведения.

Публикация (от лат. *publico* - объявляю всенародно) - доведение чего-либо до всеобщего сведения посредством печати, радиовещания или телевидения.

Как определяют словари, публицистика - род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества. Не случайно ее называют летописью современной жизни, историей современности.

Публицистика - особая сфера творческой деятельности, специфическая отрасль духовно-умственного труда. Политико-социальное содержание, оценка показываемых фактов, событий и явлений действительности - определяющие качества публицистических произведений. Она имеет дело не только с явлениями и событиями жизни общества, а всей действительности, всей окружающей нас среды, растительного и животного мира, мироздания в целом. Иначе информационные жанры пришлось бы отсечь от публицистики, как это пытались делать в недавнем прошлом.

Публицистику называли историей современности. «Симбирский курьер» в подзаголовке своего названия эту мысль перефразировал иначе: «Мы пишем историю сего дня». Однако правильнее будет утверждать, что публицистике не чужды и вопросы истории обще-

ства, его экономики, хода развития культуры и быта. Давайте такой вид литературы назовем исторической публицистикой или публицистической по историческим вопросам. Она имеет свои отличительные признаки, сохраняемое родство альма-матер.

Во-первых, публицист имеет свой подход к истории, дает оценку событиям современного уровня с точки зрения сего дня. Это сближает его произведение с историей современности.

Во-вторых, автор извлекает свои мысли, которые присущи публицистике.

«Собственно, в чем состоит основное различие журналистики и литературы? Журналистика - это специальный институт, который работает прежде всего с общественным мнением, один из его признаков - **актуальность проблематики, ее острота для общества**. Литература же, как правило, этого лишена. Однако существует масса примеров того, как общепризнанные писатели работали в жанрах, практически копирующих журналистические. Особенно это касается сатириков: стоит вспомнить хотя бы Михаила Зощенко, Ильфа и Петрова из классиков, в чем-то Михаила Веллера - из современников ...»¹¹⁸

То же самое можем сказать относительно творчества Константина Иванова. Он тоже обращался к журналистике и публицистике.

Вопрос о том, имеет ли К. В. Иванов какое-либо отношение к публицистике, исследователями до сих пор не затрагивался. Те произведения его, которые написаны не стихами, относили к прозе. Так это сделано в книге «Константин Иванов. Сборник сочинений», изданный Чувашкнигоиздатом в 2000 г. А что такое проза? Притом никто не интересуется: к какому виду нестихотворной речи эти произведения относятся: к художественной, публицистической прозе или к другим видам ее - научной, деловой и т.д.

Кстати, все поэтические создания К. Иванова-Пртта публицистичны, т.е. имеют публицистическую направленность. Взять хотя бы стихотворение семнадцатилетнего поэта «Думы старого леса» (1907).

Содержание поэмы «Нарспи» носит ярко выраженный публицистический характер.

¹¹⁸ Засорика Т, Федосова Н. Профессия - журналист. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 294-295).

В образе Нарспи выражена огромная сила протеста против бесправия человеческой личности, против рабской морали, домостроевских порядков в семейном быту. Социальный конфликт перерастает в противопоставление интересов богатых и бедных. Семь батраков не разгибая спины работают на богача Мигедера, создают ему блага. Жизнь бедноты голодна и безрадостна. Труд ей не приносит ничего, кроме черствой краюхи хлеба. Современные исследователи поэмы «Нарспи» признают в ее авторе критика основ, порождающих социальное неравенство.

Человек и общество, свобода и равенство богатых и бедных, социальная справедливость, добро и зло, любовь и ненависть - вот те проблемы, которые выпирают в произведении.

Были в печати поползновения идеализировать Тахтамана, показывать его безобидным трудягой, таящим в себе задатки на будущее. По этому поводу впечатлительно высказывание Надежды Смирновой в статье «Нарспи» пирки џёр пин џул иртсен те тавлашаџџё» («Нарспи» вызовет споры и через сотню, тысячу лет): «Много разговоров и споров вызвали в последние годы Нарспи, Сетнер и Тахтаман. Кем является в действительности Нарспи: борцом за свою любовь или убийцей? Если в школьные годы мы рисовали Тахтамана черными, грязными красками, ныне якобы в нем проявились корни «нового чуваша». Сколько продолжается жизнь вперед, настолько ожесточаются и споры о судьбах героев поэмы К. Иванова. Какой же вывод следует из этого: труд классика бессмертен».

Талантливость, наверное, зависит не столько от одаренности, сколько от наполненности души высокими целями, лучистым смыслом жизни. Как правило, гениальные мысли и озарения приходят не обязательно в тиши кабинетов, за письменным столом, а совершенно неожиданно во время бесед в деревенской глуши под деревьями в саду или среди грядок картофеля. И там делается светлое открытие.

Выезжая на каникулы в родную деревню Слакбаш Белейбейского уезда Уфимской губернии, К. Иванов с интересом записывает воспоминания и рассказы стариков, предания рода Пртта, от которого ведет свое происхождение.

Юноша пытливо приглядывался к жизни деревни. Сам он родился и вырос в богатой крестьянской семье. Членами его семьи

высоко почиталось образование. Его родственники - дед, отец, тетка по отцу, родной брат и некоторые другие - были людьми грамотными. Однако он не мог не видеть, что в деревне есть и такие, каким был Сетнер - бедный, не имевший возможности учиться, не ведавший счастья в жизни.

Константин Иванов - явление уникальное в чувашской литературе. Он занимался не только поэтическим творчеством, но писал и прозой, стилем и слогом публицистики. В 1906 г. он создает историю своей семьи и рода, нечто подобное «Семейной хронике» С. Аксакова. Константин Иванов произведение назвал «Потомки Пртты», разделил его на две части: «Волки» и «Старуха Пртта». Из первой части видно, что предки Иванова-Пртта переселились из Белебея, спасаясь от царского притеснения: «... рассеялись оттуда, когда наехали туда русские». Об этом автор говорит как-то уклончиво: «Скорее всего, причиной ухода чуваш из Белебея, а позже из его окрестностей... была жестокая колонизаторская политика царского правительства»¹¹⁹, - подчеркивает Е. В. Зиберт в своем труде.

Здесь же публицист осуждает проблему пьянства среди народа. «Еще достойно замечания: внуком Волкова Ивана, сыном Ванюшки, был Никандр. Он жив и теперь. Он - водочная глотка. Вот только еще недавно он снимался в фотографии: сам сидит, рядом калач, в руках бутылка с водкой». В известных отрывках второй части этого произведения содержится изложение воспитания старухой Пртта своих детей. Пртта была властной женщиной и держала в своих руках все село: перед нею все трепетали. Она не давала свободы и сыновьям своим. К. В. Иванов отмечает отсутствие у ней ровного подхода, отсутствие последовательности в применении мер педагогического воздействия в отношении к своим детям: была сердита - била, не была сердита - баловала, угощала всякой всячиной. Старуха Пртта не останавливалась перед применением телесных наказаний даже в отношении взрослых сыновей. Так, например, К. В. Иванов описывает, как она била старшего сына Ванюшку, достигшего уже рекрутского возраста. Род Пртта был отважным, смелым, злым и добрым. Наличие таких качеств в характере потомков Пртта публицист объясняет как результат воспитания.

¹¹⁹ Зиберт Е. В. Публицистические слова Константина Иванова. Ч 2005. С. 29-30.

Автор повествует о том, как семья провожала своего сына в армию. Ванюшке исполнилось тогда восемнадцать лет. Ему, бойкому парню, не очень-то хотелось идти в армию. К тому же, стали поговаривать, что скоро начнется война. А война - страшная вещь. Бессмысленная война не нужна народу, он боится ее. Ванюшка так и не ушел в армию. «Знакомые накануне дня явки взяли и спрятали Ванюшку под снопам конопли. На следующий день ищут, ищут - Ванюшки нет! Тогда Пртта взяла и отдала в солдаты мужа своего. Когда отца забрали, Ванюшка вышел из конопли. По пути домой Пртта всю дорогу била Ванюшку, приговаривая: «Ты погубил своего отца, ты! Вот тебе за это, вот!» Старика Ивана погнали на войну. И он, слабый, погиб в пути. К. Иванов никак не оценивает действия хитрого сына, он ограничивается лишь описанием события, читатель может сам сформировать свое мнение.

Следующее публицистическое произведение Константина Иванова - «Слово перед «Песней царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» - предисловие к своему переводу. Автор дает царю свою характеристику: «За свою жизнь он сделал государству много полезного: завоевал Казань, Астрахань, Сибирь, он расширил пределы своего царства, да и многими другими делами принес государству пользу. Этим он оставил в народе добрую память о себе».

Почему царь стал грозным и жестоким? В этом автор прежде всего обвиняет бояр. Они преследовали свои узкие интересы. Так подводит автор предисловия к той обстановке, в которой происходят события произведения, описанные М. Ю. Лермонтовым.

К переводу поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» чувашским поэтом был предпослан подробный исторический анализ деятельности Петра I. Здесь он отметил: «Допетровский быт русского народа отличался от нынешнего крайней замкнутостью и невежественностью: в отношении обычаев и обрядов - фанатизмом; в государственном строе - всякие неурядицы; ни школ и никаких учреждений, ни флота, ни хорошо обученного постоянного войска для борьбы с внешними врагами». Как о великом царе - просветителе говорит Константин Иванов о Петре I, который «...пропустил в душную «избу» России струю свежего европейского воздуха. Проснулась Русь, начала жить новой жизнью; стали на Руси изучать науки, заниматься искусствами, ремеслами; мно-

гое переняли от иностранцев, от тех самых, которых они в слепом предрассудке чуждались, называли «басурманскими», «нехристью». Повернула Русь на новый путь и быстро зашагала вперед».

Величие творческого наследия классика чувашской литературы бесспорно и не вызывает сомнений. Однако некоторые большие знатоки, очень кропотливые историки, ничтоже сумняшеся, готовы толкнуть нечистый колышек и в другую сторону. Такой подход к оценке творчества классика чувашской литературы недавно ушедший в мир иной Петр Ялбир назвал шельмованием (Иванова хайӑхлани ырянсӑр)¹²⁰.

Не скрою, поэтическое творчество Анатолия Смолина, журналистская стезя Геннадия Кузнецова с давних пор вызывают у меня чувство восхищения. Но это чувство несколько померкло, когда я увидел, что они оба слабо представляют высказывания Софокла, якобы имеющие непосредственную связь с творчеством классика чувашской литературы Константина Иванова. По подсказке мудреца из соседней республики они стали уверять почитателей чувашской литературы в том, что Иванов лишь повторяет высказанное древнегреческим драматургом Софоклом, проживавшим в 496-406 гг. до н. э.

Подлинные слова древнегреческого драматурга они не приводят, но демонстрируют строки поэмы «Нарспи», чтобы подтвердить, что они якобы заимствованы. «Вы считаете, что это четверостишие Константина Иванова. Читайте Софокла, это его стихи». Те, кто произносят эти слова и придерживаются такого мнения, не прибегают к помощи слова «плагиат», но косвенно это высказали. Если вам не верится, почитайте статьи А. Смолина «Эпир кашни кӑшт-кашт вӑреннӗ» (Мы все учились понемногу. Хыпар 2007. Кӑрлачӑн 26-мӗшӗ), Г. Кузнецова «Классиксене цитатӑлама та пӗмелле» (Надо уметь цитировать классиков. Хыпар.2007. Пуш уйӑхӗн 17-мӗшӗ). Для чего потребовались эти статьи? Чтобы как-то умалить гениальность Константина Иванова, показать его в очерненном виде? Или авторы преследовали более узкую конкретную цель: любуйтесь, чего только мы не знаем!

Скажем прямо: эти цели чувашские читатели не одобряют. И те, и другие.

¹²⁰ См.: Хыпар, 2003. 2 сентября.

Вернемся к Софоклу. Он написал 123 пьесы, но до наших дней дошли лишь семь, в числе которых «Антигона», «Электра», «Эдип-царь» и др. Антигона, дочь царя Фива Эдипа, нарушив запрет, совершила обряд погребения тела брата Полиника. В наказание ее замуровали в каменную темницу. Восстав против такого наказания, она покончила с собой.

Другая трагедия - «Электра». По греческой легенде мать Электры Клитемнестра убила ее отца Агамемнона. Она смело пытается отомстить за это убийством матери и ее любовника.

Мастерами античной трагедии являлись также Эсхил и Еврипид. Если Эсхил рассказывал о богах, Еврипид писал о человеческих слабостях, то Софокл изображал подвиги героев и обрушивающиеся на них удары судьбы. Сам Софокл отмечал так: «Я изображаю людей такими, какими они должны быть, а Еврипид - какими они являются на самом деле»¹²¹. Следовательно, человек сам должен решать свою судьбу, все в его власти.

Через две с половиной тысячи лет, совсем в иных условиях жизни общества, другими словами выразил близкие античному драматургу мысли чувашский поэт Константин Иванов: «Нет сильнее человека!..» Лучше не придумаешь. Сказал весьма оригинально, самобытно, сказано без подражания, без никакой тени плагиата.

Молодой поэт во всеуслышание гордо и твердо заявил:

Нет сильнее человека
Во вселенной никого:
Он на суше и на водах
Стал хозяином всего.

Однако названные авторы газетных статей считают, что четверостишие в таком виде не будет принадлежать чувашскому поэту. Для этого необходимо прибавить еще строки:

Человек подчинен своему уму
И его выводят из ума
Деньги и вино»

Естественно, возникает закономерный вопрос: разве человек силен только в борьбе против власти денег и вина? Как смотрел на

¹²¹ Всемирная история. Люди события, даты: Энциклопедия «Гидерз Дайджест» // Ридерз Дайджест. 2007. С. 445.

это сам поэт? А поэт смотрел глубже и шире. Свой мотив он вложил в уста героини поэмы сильной духом Нарспи:

Не богатство благо; благо -

В человеке, в нем самом.

Поэт мечтал об освобождении человека от всякого угнетения, от рабской морали и суеверия. Поэма заключает в себе смелый призыв к борьбе с теми силами, которые мешают человеку в его стремлении к подлинному счастью. Такой призыв одновременно является страстным протестом против бесчеловечных жизненных условий трудового народа, зовущим к свободному росту его сил. Следовательно, в провозглашении о всесиили человека, да и вообще в произведении таится жизнеутверждающий пафос.

Эта истина ярко выражена Р. Кирилловым в статье «Нет сильнее человека...»: «Поэт начинает свою поэму с показа пробуждения природы, с прекрасного описания величественной картины наступления весны. «Наступила всем на радость благодатная весна. Горячо лаская, солнце будит землю ото сна».

Вместе с природой проснулся и человек. Он велик, могуществен и прекрасен, как и сама природа»¹²².

Этому человеку, труженику и созидателю своего счастья непоколебимо верил Константин Иванов, ибо он все дела и помыслы свои посвящал трудовому народу, был поистине демократом.

Хочется спросить: а почему знатоки истории не обратятся к творчеству немецкого поэта и драматурга Иоганна Гете (1749-1832). Ведь он по времени намного ближе, чем Софокл. Свою философскую трагедию «Фауст» он посвятил поискам смысла жизни и нашел его в деянии. Его задачей был показ того, для чего живет человек на земле, что сильнее и святее его нет в мире никого. Почему бы не обвинить чувашского поэта в заимствовании мудрой мысли у Гете?

В свое время Максим Горький провозгласил: «Человек – это звучит гордо». У названных знатоков творчества Софокла давайте спросим: свои замечательные строки М. Горький и классик чувашской литературы тоже позаимствовали у Софокла?

Уместно напомнить: «Нарспи» создавалась в конце 1907 и начале 1908 года, когда уже начала свирепствовать черная реакция и

¹²² Молодой коммунист. 1970. 26 мая.

ужесточилась цензура. Вот и решил автор поэмы спрятать свой главный мотив под борьбу против власти денег и вина. Между тем произведение в целом выражало стремление народа к свободе, протест против подавления человека человеком, безжалостного угнетения бесправной женщины.

Талантливого юношу всячески поддерживает сам И. Я. Яковлев, помогает ему во всем, вдохновляет его на творческом пути. В архиве сохранились воспоминания И. Т. Трофимова, написанные им 28 февраля 1948 г. к 40-летию классической поэмы. «Ивану Яковлевичу очень хотелось скорее напечатать поэму «Нарспи», - свидетельствует он. - Но на пути стояла царская цензура, которая не могла разрешить ее к печати, ибо в то время на «инородческих» языках можно было печатать только книги так называемого «религиозно-нравственного» содержания».

Ивану Яковлевичу пришлось употребить хитрость. Он сообщил цензуре, что имеет сборник сказок и преданий чуваш и просил дать разрешение на издание этого фольклорного материала. Цензура дала согласие. Таким образом поэма «Нарспи» впервые была напечатана в 1908 году в сборнике под названием «Сказки и предания чуваш»¹²³.

На внимание и участие И. Я. Яковлева в жизни и творчестве К. В. Иванов платил горячей привязанностью к нему. В 1908 г. он написал стихотворение «Хальхи самана» (Наше время). Оно посвящалось поэтом 60-летию со дня рождения своего учителя И. Я. Яковлева и 40-летию Симбирской чувашской учительской школы. Автор прочитал стихотворение на юбилейных торжествах - напечатано впервые в газете «Чувашская коммуна» (Чăваш коммуни) 11 января 1940 г. Это произведение, несомненно, относится к поэзии, но вместе с тем его можно назвать и публицистикой в стихах. Острые вопросы своей современности поднимает здесь автор. Его сильно беспокоит то, что трудно живется родному народу.

Время, времечко ты наше!
Что еще покажешь дальше?
Коль теперь такие дни,
Как потом пойдут они?
Да к тому же еще иной

¹²³ НА ЧНИИ, отд. V, ед. хр. 11 инв. № 104. С. 30.

Обернулась жизнь бедой.
Дни пришли недоеданий,
Годы голода, страданий.
Безземелье, недород, -
Хлеба нам не достает.

В этом произведении ярче, чем в других проявился поэт-демократ. Он верит в светлое будущее своего терпеливого народа, таящего в своих глазах не только слезы, но и радостные грезы. Далее речь ведется о том, что нашелся добрый человек и принялся за народное дело. Одобряется и восхваляется просветительский труд И. Я. Яковлева. Путем контрастного изображения автор осуждает ту часть чувашской интеллигенции, которая думает не о народе, а только о себе. Людьми подленькой души называет их поэт. Проявляет он свое отрицательное отношение к чувашским языческим обычаям. Жертвоприношения их не приносят пользы. Следовательно, надо искать другие пути для улучшения жизни народа.

В газете «Молодежный курьер» 31 мая 1990 г. один автор читателям поведал, что Константин Иванов следует мистической истине. Он в статье «Мистическая истина Константина Иванова» пишет: «Основой народной философии является идея Рока. «Нарспи» также строится на этой мистической идее. Над героями этой трагедии тяготеет Рок. Что бы они ни делали, все неумолимо идет своим чередом и им не уйти от возмездия за нарушения законов космоса. Не только «Нарспи», но и другие произведения Иванова залиты печалью, страданием. И объяснение этого, видимо, также следует искать в мистическом».

Ответ на заблуждения горе-автора в свое время дал Михаил Яковлевич Сироткин: «Поэту претили ханжество и мистика как официальной религии и идеалистической философии, так и пережитки анимистических воззрений, сохранившиеся в старой чувашской деревне. И если К. Иванов все же нередко прибегал к библейским сюжетам или к мифологическим образам чувашских сказок и словесным формулам старых фольклорных произведений (языческих молений, наговоров, заклинаний), то это был не больше как литературный прием, а подчас и средство обойти рогатки цензуры».

Известно: Константин Иванов с мистикой не дружил. Непосредственным толчком к созданию им оригинальных произведений служили образы и мотивы устно-поэтического творчества.

Всему бывает свое начало. На наш взгляд, у этого начала речь должна вестись в двух аспектах: во-первых, кто является вообще основоположником чувашской литературы; во-вторых, кого надо считать основоположником чувашской художественной литературы?

Свои рассуждения начнем с первого вопроса: кто же отец чувашской литературы? Родоначальником и основоположником всей оригинальной национальной литературы, в том числе публицистической, научно-популярной и художественной, является И. Я. Яковлев.

Во-первых, именно им создается с учетом чувашской фонетики и орфоэпии новый алфавит, на основе которого начинают печатать оригинальные произведения чувашской литературы. Выдающийся чувашский просветитель И. Я. Яковлев создал чувашский алфавит в 1871 году, а в 1872 году издал новый букварь. С этого времени и пошли в ход чувашские буквы. Следовательно, все это было осуществлено во второй половине XIX века. Во-вторых, Иваном Яковлевым осуществляется опубликование первых произведений чувашской литературы в своих букварях, выдержавших 30 изданий. Верно подмечено это в статье «Развитие чувашской советской печати за 50 лет (Краткая историко-статистическая справка)» М. И. Петровой, долгие годы работавшей директором Книжной палаты Чувашской АССР: «Зарождение оригинальной чувашской литературы относится ко второй половине XIX века, когда И. Я. Яковлев в своих букварях впервые опубликовал оригинальные рассказы, стихи из жизни и быта чувашского народа и произведения устно-поэтического творчества». В-третьих, им предпринято издание первой чувашской антологии чувашской поэзии под названием «Сказки и предания чуваш». Здесь опубликованы следующие произведения чувашских авторов: М. Ф. Федорова «Арсури», К. В. Иванова «Нарспи», «Икё хёр», «Тимёр тылă», «Тăлăх арăм», Н. В. Шубоссинни «Ăслă сусеçе», «Хитре чёкеç», «Хунар сутти», «Янтрак Янтравё», «Вёри сёлен», всего десять поэтических произведений чувашских авторов.

В-четвертых, верным помощником и консультантом первых чувашских публицистов и писателей неизменно являлся И. Я. Яковлев.

Кто является основоположником оригинальной чувашской художественной литературы? По этому вопросу сталкиваемся с множеством разноречивых высказываний. Основоположником оригинальной художественной литературы одни склонны считать М. Ф. Федорова, автора баллады «Арсури» (Леший), другие - К. В. Иванова, автора бессмертной поэмы «Нарспи». Мы согласны с тем, что баллада М. Федорова, написанная им в 1879 году, является первым чувашским оригинальным поэтическим произведением. Нет сомнения, оно первое, талантливое произведение, но и единственное у автора.

Иначе выглядит творчество К. В. Иванова. Во-первых, само произведение «Нарспи» можно смело отнести к разряду классических. Оно широко показывает жизнь чувашского народа, в этом смысле выглядит почти энциклопедическим.

Во-вторых, оно совсем не единственное. В 1908 году вместе с поэмой «Нарспи» были изданы и другие произведения. Творить произведения художественной литературы автор продолжает и в последующем. Усиленно занимается он и переводом художественных произведений с русского на чувашский язык. Мастерски переведены им «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и ряд стихотворений М. Ю. Лермонтова. Напряженно работает над переводами произведений русской классики «Псалтыри», а также других религиозных текстов.

Творчество К. В. Иванова вызывает к себе неподдельный интерес многих исследователей. С большим удовлетворением мы прочитали статью Станислава Убасси «Гений чувашской поэзии» в газете «Советская Чувашия»¹²⁴. Автор нашел новые грани в жизни и творчестве талантливого поэта, высказал собственное видение времени его и обстоятельств. Он считает К. В. Иванова поэтом, «на котором Время сконцентрировало весь живительный потенциал национального духа...» Важно не только что написано, важно и как написано. А написано поэтом весьма убедительно и гениально.

¹²⁴ Убасси. Гений чувашской поэзии. Советская Чувашия. 2000. 20 мая.

«... Он создал первое в истории чувашской литературы крупное лиро-эпическое произведение, поэму «Нарспи», и поднял чувашскую художественную литературу и литературный язык на следующую, более высокую ступень развития»¹²⁵. Так оценено литературное творчество К. В. Иванова крупным исследователем.

Приведенные данные служат вескими аргументами того, что К. В. Иванов действительно является основоположником чувашской художественной литературы, непревзойденным гением национальной поэзии.

¹²⁵ Сироткин М. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Ч., 1967. С. 165.

МНЕНИЕ СТАЛО ИНЫМ

К оценке чувашским просветителем деятельности И. Н. Юркина

Чувашский просветитель-демократ И. Я. Яковлев считал, что у России - светлая будущность, русская народность - это великая сила.

Тесному сближению русского и чувашского народов в едином государстве мешало различие в религиозной вере. Одни находились в объятиях языческой веры, а у другого могущественного народа - христианская религия. Поэтому он хочет, «чтобы чуваша были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом». Верил, что христианство сблизит чувашей с русским народом, отгородит их от магометанства, поможет им преодолеть «дикость нравов» и отсталость в развитии культуры.

Как известно, писатель-публицист И. Н. Юркин проводил большую работу по сбору чувашского фольклора. И. Я. Яковлев фольклор в ту пору рассматривал как продукт языческой культуры, мешающий распространению христианства. Поэтому не удивительно, что Иван Яковлевич в восьмидесятых-девяностых годах XIX века высказывается против издания песен, собранных И. Н. Юркиным. Так, он дает отрицательный отзыв на книгу И. Н. Юркина «Лирические произведения, песни на чувашском языке»: «Нахожу распространение их в народе, а тем более в школах, положительно вредным... Такие книги... могут повредить начавшемуся религиозному движению среди чуваш в направлении к православию, а потому и появление их не желательно»¹²⁶.

Резко восстала против язычества православная церковь. В издании сборника, составленного И. Н. Юркиным, решительно отказал архиерей Е. А. Малов. Он выразился так: «... Цель издания инородческой литературы в введении в нее русского элемента. Нам нужно обрусить чуваш. Это вообще. А в частности наша цель, миссионерская, состоит в разрушении среди них языческих суеверий и проведение христианской морали и верований, в связи с началами русского патриотизма. К нам поэзия Юркина не подходит.

¹²⁶ НА ЧГИГН, ф. И. Юркина, т. 66. С.21.

Жалко, что, видимо, даровитый чувашенин Юркин состоит на почве светских воззрений на инородческую словесность... Нужно пользоваться знанием чувашского языка на спасение их душ. Я не могу оказать Юркину своего содействия. Другое дело, если бы он писал произведения в историческом, патриотическом или религиозно-нравственном содержании...»¹²⁷.

И. Я. Яковлев директору народных училищ Симбирской губернии И. В. Ишерскому 10 января 1889 г. писал: «Некто Иван Юрин, служащий в Симбирском губернском акцизном управлении, в настоящее время печатает в Симбирске, в типографии Анучина, книжку под названием: «Лирические произведения, песни на чувашском языке». Недавно я осведомился, что он разослал некоторым учителям сельских чувашских училищ объявление о печатанной им книге с просьбою оказать содействие к распространению ее между учащимися вверенных им училищ. С песнями, составленными Юркиным, я имел случай познакомиться еще в рукописи и нашел, что они лишены всякого интереса и бессодержательны, а потому бесполезны. Ввиду этого ни в коем случае не стоит приобретать книжку Юркина для училищ, а тем более распространять ее между учащимися. Инспектор Яковлев»¹²⁸.

Между тем И. Я. Яковлев сам и его сподвижники неустанно собирали и изучали фольклор. Наиболее ценное из собранного они вставляли в свои произведения. Народные повествовательно-дидактические и афористические сюжеты находили все больше места в букварях и учебных книгах И. Я. Яковлева. Они были рассчитаны на то, чтобы положительно воздействовать на ум подрастающего поколения. Следовательно, собирать народные песни, сказки и предания, поговорки и пословицы Иван Яковлевич не запрещал, наоборот, даже поощрял, но стремился собранное богатство использовать так, чтобы не возрождать язычество.

И. Я. Яковлев видел в крестьянине «наиболее здоровый, закаленный в труде элемент» народа, высоко ценил живой разговорный язык его. Многие его зарисовки и рассказы, помещенные в разных изданиях букваря, насыщены живой чувашской крестьян-

¹²⁷ Там же, отд. 1, т. 49. Л.13-14.

¹²⁸ Яковлев И. Я. С думой о народном просвещении. Из переписки. Часть 2. Ч., 1998. С. 103.

ской речью. У крестьянина, считал он, здоровое мышление. От него исходят основы народной дидактики. Не случайно Н. И. Ильминский требовал понятия христианские насаждать на почве чувашского мышления. По-иному начинает подходить к народному творчеству и И. Я. Яковлев. Меняется его взгляд и на творческую деятельность И. Н. Юркина.

Для писателя и публициста Ивана Николаевича Юркина 1907 год явился наиболее благотворным. Ему удалось опубликовать пять книг одну за другой. Читающая публика встретила эти книги с одобрением. Однако нашлись и такие, кому они пришлись не по душе. Так, инспектор народных училищ Буинского уезда Симбирской губернии О. Г. Романов /односельчанин И. Н. Юркина/ в газете «Симбирянин» 14 декабря 1907 г. опубликовал «Письмо в редакцию», представляющее собой рецензию на книги И. Н. Юркина. Он утверждал, что издания его «являются дополнением «освободительным листкам, а рассчитаны на развращение нравственно смиренных и трудолюбивых чуваш» Как думал Романов, книги его односельчанина по своему стилю и неприличным фразам вызывают «чувство гадливости и отвращения». В появлении этих книжек он видит явное преступление против нравственности.

Авторитетным защитником чувашского писателя и публициста стал И. Я. Яковлев. На запрос управляющего акцизными сборами Симбирской губернии А. В. Римского-Корсакова, в подчинении которого работал И. Н. Юркин, 31 января 1907 г. Иван Яковлевич написал объективный ответ. Здесь он положительно отзывался об изданных акцизным чиновником И. Н. Юркиным брошюр на чувашском языке. Яковлев в корне не согласен с Романовым. «Вообще ничего предосудительного в брошюрах Юркина я не нахожу и уж совершенно не усматриваю никакой связи с теми «освободительными листками», на которые указывает Романов»¹²⁹, - дал свое заключение Яковлев. А автор грязной рецензии на книги чувашского литератора О. Г. Романов волею судеб вскоре был переведен в Вятскую губернию, где стал преподавателем истории и географии Кукарской учительской семинарии.

¹²⁹ ЦГА ЧР, ф. 207, оп. 1, д. 577. Л. 9.

ЧУВАШСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ И СИМБИРСКИЙ АРХИЕРЕЙ

В мемуарах «Моя жизнь» И. Я. Яковлев подчеркнул: «Враги Н. И. Ильминского и мои, а также дела просвещения инородцев, которому мы с ним служили, желая подорвать наше положение и доверие к нам высшего начальства, одним из орудий против нас часто выдвигали обвинение в сепаратизме»¹³⁰.

Учитель сельской школы А. П. Петров (Туринге) 5 октября 1893 г. с большим беспокойством сообщал из Белебея И. Я. Яковлеву следующее: «А. Никаноров всех уверял, что у Вас [у И. Я. Яковлева], у всех чувашских священников только одна чувашская цель - создать чувашское государство. Несмотря на всю нелепость подобного предположения, в Белебее этому многие поверили: одни по своей глупости, другие предполагая эту глупость в нас, чувашах. В общем же эти слухи вызывали здесь нерасположение и недоверие ко всем тем из чуваш, которые находятся причастными к делу христианского просвещения инородцев. Симбирскую школу рассматривали как рассадницу учителей с вредным направлением. Правда, далеко не все разделяют подобное мнение белебеевцев, но и это неприятно и оскорбительно испытывать вместо того, чтобы находить поддержку и сочувствие в таком высоком деле... Еще оскорбительнее то обстоятельство, что подобные нелепые слухи с какою-то особенною легковерностью и охотностью подхватываются несмотря на то, что их распространяет такая паршивая овца, как Никаноров... Без скорби и постоянных тревожений нет пути в этой жизни»¹³¹.

Врагом И. Я. Яковлева и просвещения чувашского народа стал и архиепископ Никандр (в миру Николай Дмитриевич Молчанов). Получив эту должность в 1895 г., он немедленно повел атаку на чувашскую школу.

И. Я. Яковлев еще в ноябре 1899 г. чиновнику по особым поручениям при обер-прокуроре Святейшего Синода И. А. Износкову обеспокоенно сообщал: «Преосвященный наш Никандр крепко вооружился против нас. В конце прошлого октября он написал в

¹³⁰ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 231.

¹³¹ Петров М. П. Симбирская чувашская школа и Иван Яковлевич Яковлев. Ч., 1928. С. 84.

Москву, чтобы Совет Миссионерского Общества ныне отпускаемое пособие женскому училищу при Симбир. Чуваш. учит. школе в 2700 руб. прекратил и дал ему другое назначение, именно на содержание антимусульманского миссионера Симбир. епархии, вместе с тем и капитал этого женского училища в 14000 рублей, состоявшийся из пожертвования Констан. Петровича Победоносцева, 2000 руб., и экономии из ежегодного прихода в течение 7 лет и предназначавшийся на приобретение собственного дома, Владыка наш просит Совет отобрать от нас»¹³².

В 1899 г. Никандр (как полагал И. Я. Яковлев) вкупе с иеромонахом Сергием написал в синод донос на чувашского педагога. Что же привело духовных отцов на стезю доносчиков? На этот вопрос проливает свет письмо И. Я. Яковлева товарищу обер-прокурора синода В. К. Саблеру от 10 ноября 1899 г.: «Преосвященный Никандр настойчиво преследует наше женское училище при Симбирской чувашской школе, он всячески добивается закрытия его... К началу текущего года образовался у женского училища капитал в 14000 руб. Ближайшей целью образования этого капитала было приобретение здания для женского училища, которое до сих пор, в продолжение 14 лет, помещалось в моем собственном доме... Владыка Никандр желает отнять как этот капитал, так и 2700 руб.»¹³³, отпускаемые ежегодно миссионерским обществом.

Из приведенного письма видно, что церковные пастыри преследовали прежде всего корыстные цели. Указанный донос в ноябре-декабре этого же года был напечатан в виде статьи в журнале «Миссионерское обозрение» под заголовком «К вопросу о более желательной и целесообразной постановке церковноприходской и школьной миссии среди населения инородческого Среднего Поволжья». Журнал издавался в Киеве с 1886 г. редактором В. Скворцовым. Слух о появлении этой статьи дошел до Симбирска раньше номера журнала и вызвал серьезное беспокойство у Яковлева. Оно выражено в письме его Илиодору Александровичу Износкову (1835-1917), тогда чиновнику особых поручений при Святейшем Синоде, от 14 декабря 1899 г. «На днях мне сказали, - пишет ему Яковлев, - что в «Миссионерском обозрении», издавае-

¹³² Там же. С. 85.

¹³³ НА ЧНИИ, отд. II, ед. хр. 518. Л. 1.

мом в Петербурге г. Скворцовым, за минувший ноябрь месяц напечатана статья, направленная против нашей здешней школы и лично против меня... Будьте добры, пришлите книжки названного журнала... В.М. Скворцов, редактор упомянутого журнала, как мне передавали, в конце сентября или начале сего года был у нас в Симбирске несколько дней, главным образом посещал владыку, но я его не видел...»¹³⁴

Принадлежность анонимной злопыхательской статьи симбирскому архиерею Никандру Молчанову и иеромонаху Сергию (Александру Титову) подтверждено самим Яковлевым. «... Под ней подписал автор инициалами С.Е.Н., т.е. симбирский епископ Никандр. Что именно он написал в сотрудничестве с нашим бывшим законоучителем иеромонахом Сергием..., для меня нет никакого сомнения»¹³⁵, - высказался он по этому поводу. Архиерей Никандр был известен не столько пастырскими делами, сколько корыстолюбием. Не отличался добродетелями и иеромонах Сергей. После окончания Астраханской духовной семинарии он стал законоучителем Симбирской чувашской школы, но прослужил здесь недолго. Архиерей Никандр и бывший законоучитель Титов в жёлании выступить против национальной школы и возвести поклеп на чувашского просветителя быстро нашли общий язык. В этом грязном деле они как бы дополняли друг друга: архиерей - высокой духовной должностью, Титов - знанием жизни чувашской школы.

О чем же писалось в «Миссионерском обозрении»? Авторы анонимной статьи критикуют систему Н. И. Ильминского, подвергают разному людей, руководствующихся ею. Как говорится в статье, в системе Ильминского два пробела: не разграничены христианская проповедь и просвещение, не указан круг действий духовенства и светских лиц. По их мнению, церковное учение важнее светского образования, а право учить должно принадлежать лишь церкви, и потому считают целесообразным миссионерские школы «совершенно изъять из ведения министерства народного просвещения и передать в непосредственное заведование власти церковной»; ссылаясь на то, что существует на средства миссионерского

¹³⁴ Там же, отд. II, ед.хр. 514. Л. 141.

¹³⁵ Там же, ед.хр. 527. С 227.

общества, женское училище при Симбирской чувашской школе хотят передать той же власти. Одним словом, они требуют совершенно устранить участие светских людей в школьном деле в тех случаях, по крайней мере, где есть некоторая видимость права потребовать этого устранения». Архиепископу и иеромонаху пришлось не по вкусу также деятельность Яковлева по переводу церковно-религиозных и иных книг на чувашский язык и издание их. Они хотели бы отнять эту возможность у чувашского просветителя и передать ее опять-таки в руки духовенства. По их мнению, только так можно «избежать тех описательных выражений, которые теперь по необходимости допускаются при переводах при сильном стремлении переводчиков-инородцев к пуризму языка - желания все передать на простом, грубом, народном языке».

И, наконец, автор статьи - доноса обвинил Яковлева в сепаратизме, назвал его «пестуном инородческой обособленности», «просвещенным охранителем, оберегателем своих родных племен». «По нашему пониманию, - писал он, - нельзя назвать истинным благодетелем инородческого племени того человека, который бы намеренно обособлял свое племя от главной народности в государстве...»¹³⁶. Анонима особенно не устраивало стремление Яковлева к развитию самобытной культуры чувашей. Он призывал просвещать «инородцев» в целях русификации их и упрочения православной веры.

Автор с вопроса по существу постоянно переходит на личную почву, применяет нехорошие обвинения против малых и незаметных работников инородческого просвещения. Само произведение содержит местами необоснованные клеветнические нападки, клевету, а это клонит его в сторону пасквиля.

Относительно авторства выступления в журнале у чувашского просветителя в первое время были сомнения, впоследствии высказался твердо и ясно: «Мы догадываемся, что данная статья принадлежит церковно-школьной инспекции Симбирской епархии, и напрасно в январской книжке «Миссионерское обозрение» за текущий 1900 г. г. Бобровников в своих возражениях автором статьи считает бывшего законоучителя Симбирской чувашской школы»¹³⁷.

¹³⁶ Миссионерское обозрение. 1899. Декабрьская книжка. С. 582.

¹³⁷ Яковлев И.Я. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. Ч. 2004. С. 227.

В ответ на выступление анонимного автора Яковлев написал свое лучшее публицистическое произведение «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье». Оно является программным, так как здесь наиболее полно выражены его взгляды на народное просвещение. Возражая против проекта С.Е.Н. учредить новую должность епархиального миссионера, Яковлев с глубокой болью в сердце пишет: «Повсеместная нужда в просвещении, ограниченность миросозерцания, духовная беспомощность итак слишком видны. Очень, очень не трудно заметить и без зоркой помощи епархиального миссионера, где эта нужда всего резче сказывается. Здесь надо не наблюдать, а действовать»¹³⁸. «Мы дорожим образованием, дорожим знанием во всякой форме...», - заявляет публицист и с гневом бичует тех, кто опасается перед «школами, грамотностью и образованием». Заслуга Яковлева в том, что он одним из первых в России убедительно заговорил о необходимости просвещения нерусских народов всего Поволжья. Заговорил как раз в то время, когда эти народы, формируясь в нации, остро нуждались в просвещении, в развитии национального самосознания. Такая необходимость исходила из объективной закономерности общественного развития и отвечала ей, ибо развивающийся капитализм вел к пробуждению национальной жизни и национальных движений.

Чувашский просветитель понятия «инородческая миссия», «инородческий вопрос» наполнил новым содержанием. Если царские сатрапы все еще упорно, но безуспешно добивались насильственной русификации окраин, то Яковлев в противовес этому выдвинул программу «духовного обрусения», основной задачей которой являлось «духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего». Это означало не этническое слияние, а подъем «инородцев» до уровня русской культуры на основе единой христианской веры, через усвоение языка великого народа.

Политика царского правительства была рассчитана на сохранение национальной разобщенности и вражды, ибо в этих условиях трудящиеся массы легче поддавались угнетению. Яковлев же, наоборот, добивался национального подъема нерусских народов По-

¹³⁸ Там же. С. 272.

волжья, их равенства и сближения с другими народами России. Чувашский публицист был твердо убежден в том, что в школах ведущее место должно занимать обучение грамоте, а не закон божий. В деле распространения христианства среди нерусских народов им выдвигалось на передний план просвещение по следующим причинам: во-первых, «от степени грамотности народа в прямой зависимости находилось распространение книг религиозно-нравственного содержания», во-вторых, необходимость обучать грамоте выдвигала «вопрос об организации и специальной подготовки учителей в инородческие селения». Публицист на первое место ставил не церковь, а школу, не христианскую проповедь, а обучение грамоте как основу подъема всей культуры. «Церковно-приходская школа вернее отвечает духовно-нравственным потребностям народа», - уверял читателей журнал «Миссионерское обозрение»¹³⁹, тогда как Яковлев предпочитал земские и министерские школы. Публицист считал, что дело подъема культуры чувашей и других народов Поволжья может быть осуществлено лишь через школы, с помощью родного языка, и настойчиво добивался внедрения его в школу, в церковь, создания письменности и литературы.

Яковлев, отстаивая систему Н. И. Ильминского, разъясняет основные положения, в результате чего помимо воли самого автора оказываются раскрытыми как лицевые, так и теневые стороны этой системы. «Николай Иванович, - пишет Яковлев, - на первом месте ставил христианство, проповедь которого совершается при помощи книг на родном языке религиозно-нравственного содержания, богослужбных и св. писания, являющихся самым мощным орудием воздействия на народ. Это обстоятельство заставило вести дело одновременно, т.е. начинать разом распространение христианства и просвещения»¹⁴⁰. Здесь надобности в разграничении сфер церковной и светской деятельности не было. Но, по мнению анонимного автора, участие светских людей в духовном просвещении «инородцев» вредно, так как оно вызывает «лжемудрствования всякие». А под «лжемудрствованиями» он понимает «пробуждающийся в обществе интерес к вопросам веры и нравствен-

¹³⁹ Миссионерское обозрение. 1899. Декабрьская книжка. С. 583.

¹⁴⁰ Яковлев И. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // Там же. С. 232.

ности, брожение религиозной мысли, многочисленные и разнообразные секты, проникающие в самые отдаленные деревеньки и глухие села, не исключая и инородческих». Одним словом, анонимный автор недоволен тем, что система Ильминского, применявшаяся с целью русификации и христианизации «инородцев», приносит нежелательные результаты: грамотность на родном языке создает основу для развития национальной культуры, расширения кругозора. Вот почему просвещение нерусских народов он рассматривает как нечто враждебное самодержавному строю.

За национальный подъем чувашей Яковлев боролся на основе системы Ильминского, поэтому нет ничего удивительного в том, что значительная часть памфлета посвящена защите этой системы. Однако при этом приписывается Ильминскому и то, что было задумано самим Яковлевым. Например, публицист пишет: «Задачами инородческого дела, по взглядам Ильминского, было поднять духовный уровень инородческого населения, расширить кругозор его и обогатить внутреннее содержание народа, распространить среди него христианство и просвещение»¹⁴¹. Поднятие духовного уровня инородцев с той целенаправленностью, к которой стремился чувашский просветитель, в программу Ильминского не входило, но систему христианского просвещения Яковлев показывает в таком свете, в каком она оправдывает его собственную деятельность по национальному возрождению чувашей.

На требование анонима не доверять перевод книг «частным лицам, тем более светским, богословски необразованным», Яковлев парирует: «Это не более, как частное приложение общего принципа, воспреещающего светским лицам участвовать в христианском просвещении инородцев»¹⁴². Опровергая нападки анонимов в отношении переводов богослужебных книг, публицист высказывает интересную мысль по вопросу о том, как проверять качество перевода. «Достоинство переводов, - пишет он, - можно проверить двояко: наблюдением над их действием на народ и специальной критикой. В первом случае мы судим о результате, а во втором - о внутренней организации работы»¹⁴³. Под внутренней организацией работы Яковлев подразумевает творческую кухню переводчика,

¹⁴¹ Там же. С. 230.

¹⁴² Там же. С. 267.

¹⁴³ Там же. С. 265.

призванного добиться точности передачи мысли и доступности ее читателем. Именно таких результатов добивался он сам внесением исправлений в переводные книги.

Памфлет написан автором в период творческой зрелости, в ней четко проявились характерные особенности его публицистического мастерства, оригинальная полемическая манера. Нападки противника лично в его адрес он отбрасывает в сторону. В первоначальном варианте памфлета стоял подзаголовок «Ответ С. Е. Н.». Этот подзаголовок, придававший полемике частный характер, Яковлев в ходе дальнейшей работы над своим произведением убрал.

Реакционеры постоянно обвиняли чувашского просветителя во враждебном отношении к духовенству и церкви. То же самое делает автор статьи в «Миссионерском обозрении». Он упрекает Яковлева в том, что к церкви относится пренебрежительно и якобы считает, что церковное служение требует от человека меньших умственных и нравственных достоинств, чем учительство в сельской школе. Яковлев не придавал серьезного значения этому обвинению, а острые критики направил против основной идеи выступления анонимного автора - добиться признания за церковью безраздельной власти в духовном просвещении нерусских народов.

В основу своего произведения автор положил «инородческий вопрос», притом не вообще, в именно в Поволжье. От такого подхода произведение несомненно выигрывало, потому что оно теряло характер личного протеста и приобретало объективность, весомость, а его противники получали сильнейший отпор.

Автор статьи в миссионерском журнале, как и его издатели, воинственен, бесцеремонен и груб. Яковлев же не только очень сдержан, но и вежлив в обращении к своему противнику. Вопрос, поднятый им, подчеркивает Яковлев, «настолько важен, что можно быть лишь благодарным за всякую попытку способствовать его разрешению; то же чувство возбуждает и автор названной журнальной статьи; но в силу своего резко полемического характера статья эта не только вызывает, но и обязывает нас выступить с возражением»¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Там же. С. 227.

Полемике Яковлева присущ трезвый оптимизм, горячая вера в людей, посвятивших себя делу просвещения родного народа. Подвергая критике идейного противника, публицист всему дурному и отрицательному старался противопоставлять хорошее, положительное. Так, в рассматриваемом памфлете тепло описывается им деятельность крестьянина деревни Алманчикова Буинского уезда Терентия Мартынова¹⁴⁵. Загоревшись желанием помочь своим односельчанам, он тотчас по возвращении со службы начал частным образом, в своем доме совершенно бесплатно обучать алманчиковских детей. Такой показ активной деятельности рядового труженика народного просвещения ярче оттеняет пассивность архиерея, занятого лишь разглагольствованиями о деле, а не самим делом. У духовного пастыря нет рвения ни к школьным, ни к христианским делам. Долгое время безрезультатно ходят к нему, например, алманчиковские мужики с просьбой оказать содействие в открытии монастыря¹⁴⁶.

Памфлет чувашского просветителя силен тем, что зовет не наблюдать, а действовать. Публицист высказывает твердую уверенность в том, что дело просвещения народа будет продолжено новым поколением. На этой вере основывалась его полемическая страстность, настойчивость в отстаивании интересов народа. Подкупает читателя смелость и прямота суждений автора. Памфлет клеймит не только автора пасквиля, но и всех врагов просвещения нерусских народов. Специально подобранные речевые средства, применение народной фразеологии усиливают произведение. Оно вызывает чувство ненависти и презрения к идеологам реакционного толка.

Как-то мы спросили у академика Г. Н. Волкова: «Какое произведение И. Я. Яковлева вы считаете самым лучшим?» Долго не думая, он ответил: «Классическим я считаю памфлет «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье...» Прав же Геннадий Никандрович. Это произведение чувашского просветителя носит программный характер и исполнено на высоком уровне мастерства. Многие высказывания памфлетиста звучат как афоризмы:

¹⁴⁵ Ныне деревня Алманчиково входит в Батыревский район Чувашской Республики.

¹⁴⁶ См.: Яковлев И. Я. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье... С. 281.

- Программу критикуют, а людей судят.
- Черня людей, автор тем самым бросал тень на самое дело.
- Кто же виноват, программа или люди, и в чем виновна программа и в чем люди?
- Автор отвечает на вопрос, который ни жизнь, ни люди не предлагали, а потому все его рассуждение висит в воздухе.
- Приписывая нам несуществующие претензии, автор говорит не о том, что есть в жизни, а о том, чего нет.

«Зная об отношении учебного округа к своей деятельности, Яковлев не выступил в печати с этой статьей», - пишет Н. Г. Краснов, имея в виду рассматриваемое произведение Яковлева¹⁴⁷, а в примечаниях поясняет: «В чувашской научной литературе вслед за А. И. Яковлевым (см. его книгу, изданную в 1948 г., с. 77), исследователи наследия И. Я. Яковлева по сей день продолжают необоснованно утверждать, что якобы ответ епископу Никандру к печати не был допущен. На самом же деле возможность защищать свое правое дело И. Я. Яковлев предоставил другим»¹⁴⁸. Действительно, этот памфлет так и не увидел света вплоть до 2004 г., т.е. до появления книги «Становление системы образования чувашского народа». Однако не потому, что этого хотел сам автор. Причина заключалась в том, что официальные органы печати не могли разделять точку зрения инспектора школ. В данном вопросе был близок к истине И. А. Маркелов, который писал: «Сам Яковлев в отношении к духовенству постепенно становился на позиции все усиливающегося антиклерикализма. В этой связи небезынтересен тот факт, что именно в острой борьбе с реакционным духовенством И. Я. Яковлев проявил себя как незаурядный публицист. Его статья «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» была запрещена цензурой главным образом за смелое обличение духовенства»¹⁴⁹.

Естественно, большое и содержательное произведение писалось Яковлевым не для того, чтобы оставить его ненапечатанным в личном архиве. Об этом он говорил так: «Пока обвинения против

¹⁴⁷ Краснов Н. Г. Иван Яковлевич Яковлев... С. 196.

¹⁴⁸ Там же. С. 252. (Примечание 38).

¹⁴⁹ Маркелов И. А. Мировоззрение чувашского просветителя И. Я. Яковлева. ОР БГЛ, рукопись. С. 172.

системы и людей раздавались негласно, нам приходилось молчать, но когда автор высказал их вслух в печатном органе, мы имеем право и даже обязаны ответить, дабы заступиться за инородческое дело и за причастных к нему людей»¹⁵⁰. Известно, что ответ анониму он пытался поместить в «Московских ведомостях», но сотрудник редакции Н. Ч. Зайончковский вернул рукопись с заявлением: возражать на вылазку «Миссионерского обозрения» не стоит»¹⁵¹. Кончилась неудачей и попытка заручиться поддержкой учебного округа. Там статью одобрили, а печатать не разрешили. К счастью, выступление духовных лиц в печати против И. Я. Яковлева и его деятельности осталось без особых последствий. В этом сказалась прежде всего защита Яковлева прогрессивной педагогической общественностью. Анонимам из духовного ведомства были даны ответы в том же «Миссионерском обозрении» Н. Бобровниковым, С. Рыбаковым. Статья директора Казанской инородческой учительской семинарии Н. А. Бобровникова «Современные жалобы на инородческую школу (по поводу статьи С.Е.Н)» была опубликована с продолжением в январском, февральском номерах «Миссионерского обозрения» за 1900 г. Ее надо считать официальным ответом вылазке анонима. Еще одна статья в защиту Яковлева была опубликована без указания автора. Кроме того, редакция журнала была вынуждена поместить свое заключение.

В редакцию журнала «Миссионерское обозрение» поступило немало писем и статей в защиту Яковлева. Но редактор, боясь осложнений, опубликовал лишь некоторые, однако и по ним можно судить о провале затеи анонима.

Реакционеры предпринимали одну вылазку за другой для пресечения стремления нерусских народов к грамотности, культуре. Попечитель Казанского учебного округа С. Ф. Спешков с помощью Г. Э. Зенгера, назначенного министром просвещения, добился того, что Государственный совет в 1903 г. постановил: «... Упразднить учрежденные по высочайшим повелениям... должности: инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Оренбургского

¹⁵⁰ Яковлев И. Я. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье... С. 227.

¹⁵¹ См.: Яковлев И. Я. Моя жизнь. С. 138.

учебного округа и заведующего Симбирской чувашской учительской школой. Лицо, ныне занимающее должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, оставить с 1 июля 1903 года за штатом...»¹⁵².

Этот удар оказался для Яковлева особенно тяжелым. С упразднением должности окружного инспектора деятельность Яковлева ограничилась рамками одной Симбирской школы. Кроме того, ущемлялись и его личные интересы. Меры, рассчитанные на пресечение распространения просвещения среди национальных меньшинств, не могли быть одобренными передовыми кругами общества. Чтобы как-то сгладить неприятное впечатление, бывший инспектор чувашских школ Казанского учебного округа И. Я. Яковлев производится из статских в действительные статские советники¹⁵³. Разумеется, такая подачка мало чем могла порадовать признанного педагога, загнанного теперь в пределы одной школы.

Упразднение должности инспектора чувашских школ некоторые исследователи склонны считать делом рук личных врагов Яковлева. «Клеветнические выступления против Яковлева сделали свое дело, - пишет А. Ф. Эфиров. - В 1903 году он неожиданно для себя получает отставку от должности инспектора чувашских школ»¹⁵⁴. Но такое объяснение следует признать односторонним и поверхностным. Относительно истинных причин принятой царским правительством меры почти правильные догадки строил сам Яковлев. «Не лежит ли причина упразднения этой должности не в ней самой, а в той программе, по которой действовал я, занимая должность? - задумывался он и тут же отвечал: - Но в основании как лично моей деятельности, так и подведомственных мне учителей сельских школ лежала система Н. И. Ильминского, закреплённая в высочайше утвержденных правилах 26 марта 1870 года, - тогда значит настоящая мера, оборвавшая мою прежнюю деятельность и уничтожившая занимаемую мною должность, косвенно направлена именно против этой системы, т.е. против употребления родного чувашского языка в начальной школе и церкви. Затрудняюсь решить, что надо видеть

¹⁵² Циркуляр по Казанскому учебному округу за 1903 г. С. 439-440.

¹⁵³ См.: Циркуляр по Казанскому учебному округу за 1904 г. С. 1.

¹⁵⁴ Эфиров А. Ф. Чувашский педагог Иван Яковлевич Яковлев // УЗ ЧНИИ, вып.

3. Ч., 1949. С.28.

здесь - поворот ли общегосударственной политики в данном вопросе, или только частную меру, предпринятую по каким-либо личным соображениям отдельных лиц?»¹⁵⁵.

Безусловно, здесь был поворот политики царского правительства в области просвещения нерусских народов. В связи с ростом революционного движения в стране в начале XX в. представители правящих классов все решительнее осуждали систему Н. И. Ильминского. Они видели, что эта система давала, кроме грамотности, и кое-какие знания, служащие средством поднятия революционного сознания нерусских народов. Спешков считал, что «всякое соединение и сплочение инородцев, разбросанных по разным губерниям, в особую единицу, хотя бы в отношении заведования их школами, скорее будет побуждать в них национальное чувство и обособленность, чем сливать их с коренным населением империи»¹⁵⁶.

Упразднение должностей окружных инспекторов означало также недоверие царского правительства к прогрессивной деятельности просветителей нерусских народов, нежелание просвещать национальные окраины. Не случайно эта мера была осуществлена в глубочайшей канцелярской тайне и объявлена совершенно неожиданно.

¹⁵⁵ Архив Чувашского центрального музея. Арх. кн. рукоп. № 372 // Харитонов В.Т. История просвещения чуваш в XIX веке. - ОР ГБИ. С. 300-301.

¹⁵⁶ Архив культуры и быта. Дело МНП, 1902, № 198966. Л. 10. - Цит. по той рук. С. 299.

**Первая школа в с. Кошки-Новотимбаево
(ныне музей И. Я. Яковлева)**

Домовая церковь Сим

олярской чувашской школы

Здание Симбирской чувашской учительской школы

Домовая церковь Симбирской чувашской школы

Первый ученик патриарха А. В. Рекеев

И. Я. Яковлев на приеме у Николая II

Чаепитие. И. Я. Яковлев, его жена Екатерина Алексеевна с внучкой Катей. 1911 г.

Хор Симбирской чувашской школы

Сельский хоровод

ВСТАТЬ! СУД ИДЕТ!

«Монархическая и шовинистическая печать в течение всего периода существования Симбирской чувашской школы ярко выступала против яковлевской системы просвещения нерусских народов, против самой школы, носилась с идеей запрещения чувашской письменности и художественной и научной литературы на чувашском языке. И. Я. Яковлев, поддерживаемый прогрессивной общественностью, стойко отражал эти нападки и в своих трудах научно обосновал свою педагогическую систему»¹⁵⁷.

Повадки идейных противников чувашского просветителя глубоко возмущали преподавателя Симбирской чувашской учительской школы А. В. Годнева. О них отзываясь он так: «... Есть люди, которые не стесняются, и притом так же публично, и притом нагло поносят этого человека, молчать об его заслугах общественного, даже исторического характера было бы грешно»¹⁵⁸.

К оценке просветительской деятельности и культурного наследия И. Я. Яковлева в разное время подходили по-разному. В годы царизма, особенно в конце прошлого века, реакционеры обвиняли его в сепаратизме и национализме. В тридцатых годах нашего столетия выпячивали отрицательные моменты в общественно-политических взглядах И. Я. Яковлева и пытались отнести его к русификаторам, христианским миссионерам.

В мемуарах И. Я. Яковлева «Моя жизнь» (М.: Республика, 1997) имеется глава с названием «Травля в печати. Судебное разбирательство по газетным измышлениям», где автор рассказывает о травле его в печати в 1906-1910 гг. В небольшой главе, посвященной другим вопросам, Иван Яковлевич не стал подробно описывать, как все это происходило. В связи с этим представляется необходимым внести дополнительные штрихи в воспоминания патриарха чувашской культуры.

Известно, что нападки на И. Я. Яковлева, на просвещение нерусских народов были и раньше. Так, в петербургской печати появился фельетон Плавского «Яков Иванович - из чуваш». (Дело. 1880. № 7). Под указанным псевдонимом скрывался один сыновей свя-

¹⁵⁷ И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Ч., 1968. с. 137-138.

¹⁵⁸ Там же. с. 45.

щенника А. И. Баратынского, в одно время служивший редактором одной сибирской газеты. Но это выступление было единичное, прогрессивная интеллигенция не обратила на него особого внимания. Позже нападки на И. Яковлева приобрели массовый характер.

В травле чувашского просветителя в печати отчетливо просматриваются три периода.

автор называет чухонцами. Иван Яковлевич обвиняется в том, что он якобы присвоил пожертвованные кем-то деньги, а также участок земли, где выстроил дом, а затем продал. По случаю удачного мошенничества Ванька Бешенный (то есть Яковлев) и дядя Гурьян (архиепископ Гурий) устроили пышное пиршество, где было выпито так много «шампанского и других заграничных вин», что оба трое суток валялись в постели и принимали посетителей в костюмах Адама.

После такого клеветнического «произведения» анонимки стали появляться как грибы после дождя. «Симбирские вести» в трех номерах поместили хулу на чувашского просветителя - «Современную бурсу», газета «Вестник народа» опубликовала анонимку «О забытом уголке», а «Волжские вести» - пасквиль «Сплошная драма» и заметку «Из области уголовных преступлений». Известный автор под псевдонимом «Буинский» сообщал, что ученик Ефим Волков избит Яковлевым до такой степени, что у него открылось «гниение бока». Действительно, такой ученик в школе был - из села Шихраны Цивильского уезда. Но его, не то что бить, пальцем никто не трогал.

Клеветнические материалы в газетах того периода были не случайны. Как свидетельствуют документы, в августе 1906 г. на нелегальном съезде в Симбирске создается «Чувашский национальный союз учителей и деятелей просвещения». По утверждению эсера-центровика Д. П. Юмана (Петрова), съезд направил депутацию к И. Я. Яковлеву с целью склонить его на свою сторону. Но с ним будто никакого разговора не получилось. «После этого... мы Ивана Яковлевича стали считать среди чувашей самым злейшим врагом революции, решили бороться с ним засучив рукава»¹⁵⁹, - признавался Д. П. Петров.

Возникает вопрос: почему И. Я. Яковлев не пошел на союз с эсерами? Тут все ясно. С поражением первой русской революции чувашские эсеры встали на путь реакционного буржуазного национализма. Взгляды чувашских буржуазных националистов и народного педагога были абсолютно противоположны. Те добивались обособления своей нации и распространения ненависти наро-

¹⁵⁹ Юман М. 1905-й год. Воспоминания о событиях в чувашском крае. Ч., 1925. с. 109-110.

да к самодержавному строю, на все русское, а Яковлев отстаивал идею дружбы чувашей со всеми народами, в первую очередь, с великим русским народом. В деле подъема культуры народа сползание на позиции национальной ограниченности могло принести не пользу, а вред.

Иван Яковлевич не пошел на сговор с чувашскими эсерами и националистами ни в ходе первой русской революции, ни после подавления ее: отказался участвовать в создании чувашской националистической организации. За это и подвергался продолжительное время ожесточенной травле в прессе. Автором фельетона «О двух генералах» оказался бывший студент Ярославского юридического лица Г. Ф. Федоров (Алюнов), сосланный в Симбирск за участие в первой русской революции и причастность к партии социалистов-революционеров. «Сплошную драму», подписанную псевдонимом «Серый чувашин», также написал он.

В Казани в типографии М. П. Петровой была отпечатана брошюра «Легендарный чувашский юбиляр». В выходных данных год издания не указан. Если же судить по тому, что брошюра формально выглядит как рецензия на книгу «К 40-летию юбилею Симбирской чувашской учительской школы», изданную в Симбирске два года спустя после юбилея - в 1910 г., то можно полагать, что «Легендарный чувашский юбиляр» напечатан в 1911 г. На обложке брошюры автором назван К. Смирнов. В действительности же под этим псевдонимом скрывался снова Г. Ф. Федоров (Алюнов). Это подтверждено Д. П. Петровым (Юманом): «Алюн Кеверли боролся против него (Яковлева - **И.Т.**) до самой смерти. В 1908 г. (?) он издал отдельную книгу под названием «Легендарный юбилей» (?), в этой книге Алюн Кеверли скрыл себя под фамилией Смирнов». (В названной книге. С. III.)

Интересно отметить и такой факт: извлек Г. Ф. Федоров (Алюнов) пасквиль Плавского «Яков Иваныч - из чуваш» из журнала «Дело» и поместил в качестве приложения в книжонке «Легендарный чувашский юбиляр». Пасквиль же «Современная бурса» принадлежит перу Д. П. Петрова (Юман), бывшего тогда и секретарем редакции «Волжские вести». Таким образом, особенно преуспели в гонениях на народного педагога чувашские эсеры. Редакции газет фамилии авторов тщательно скрывали, поэтому И. Я. Яковлеву пришлось судиться с издателями и редакторами.

Ведение судебных дел И. Яковлев хотел доверить известному московскому адвокату Ф. Н. Плевако, но тот вместе с А. И. Яковлевым прислал своего помощника К. А. Минятова. Сам Иван Яковлевич на судебных заседаниях не участвовал, так сын просил его не стеснять своим присутствием участников судебного разбирательства.

По жалобам И. Я. Яковлева на клевету в печати Симбирский окружной суд 23 ноября 1907 г. рассмотрел четыре дела. Как показали судебные заседания, клеветники оказались не такими уж храбрыми людьми. Ни один из них не осмелился явиться на суд. Свидетелями истца перед судом и публикой была полностью раскрыта лживость газетных материалов. За клевету в печати подвергались судебной ответственности 6 человек. Только один из них - купец А. П. Балакиршиков - сумел избежать наказания. Остальные получили по «заслугам»: редакторы газет А. Б. Миллер и В. И. Жильцов - по одному месяцу ареста; редактор А. М. Колосов - три недели ареста при полиции; издатель И. М. Сахаров - домашний арест на одну неделю.

Получившие наказание спешно стали писать апелляционные отзывы. Но клеветникам не повезло и при повторном рассмотрении дел Симбирским окружным судом 18 марта и 13 августа 1908 г. По трем делам суд подтвердил первый приговор, только по одному делу снижено наказание: А. Б. Миллеру месячный арест в тюрьме заменялся двухнедельным.

В 1906-1910 гг. апелляции по указанным четырём делам рассматривались Казанской судебной палатой. Три отзыва были оставлены без последствий, лишь В. И. Жильцову было уменьшено наказание. Разумеется, обратившись в суд, И. Я. Яковлев сделал вынужденный шаг, но другого пути не оставалось. Если раньше ему приходилось бороться против реакционной публицистики с помощью своих произведений, то сейчас привлечение клеветников к судебной ответственности было продолжением той же борьбы, но в иной форме.

На судебные процессы против клеветников обратила внимание и столичная печать. Газета «Новое время», выходявшая в Петербурге, 9 декабря 1907 г. поместила сообщение о слушании в Симбирском окружном суде литературного дела о клевете в печати.

Писали, что приговор суда заклеил это своеобразное литературное творчество.

Конечно, в печати того времени, наряду с клеветническими, были выступления и иного порядка. Например, А. Годнев, работавший в 1878-1882 гг. в Симбирской школе учителем алгебры и физики, писал: «Я ни минуты не сомневаюсь в том, что культурные заслуги Ивана Яковлевича перед его родным племенем не останутся забытыми последним, рано или поздно встретят заслуженную ими высокую оценку. (Симбирянин. 1907. 8 ноября).

В газете «Симбирянин» 15 марта 1908 г. книготорговец А. К. Юргенс опубликовал письмо, в котором убеждает читателей в том, что И. Я. Яковлев в дело народного просвещения вложил «труд своей жизни» и далек «в мыслях своих от каких-либо материальных выгод и расчетов». Автор предлагает спор между редакциями и И. Я. Яковлевым решить справедливо, с учетом заслуг последнего.

Учителя Симбирской чувашской школы В. Н. Орлов, Р. Н. Идобаев, Д. И. Кочуров, В. И. Колпаков не раз выступали в газетах с защитой чести своего учебного заведения и его инспектора, давали клеветникам энергичный отпор.

Третий период травли И. Я. Яковлева в печати - 1992-1998 гг. Как ни странно, охватывает наши дни, канун празднования 150-летия со дня рождения великого просветителя. Следовательно, снова выплывают на поверхность грязь и злорадство, попытки очернить его имя и дело. Такого рода попытки оформляются тремя способами.

I. Вытаскиваются из архивов забытые клеветнические письма и публикуются в современной прессе. Приведем конкретный пример. В прошлые времена чувашский писатель И. Н. Юркин алфавит И. Я. Яковлева не принял, продолжал писать по-старому: «Пульхар», «Тъваш тышмань» - с твердыми и мягкими знаками. Юркин считал Яковлева не только своим личным врагом, но и врагом всего чувашского народа. В архивах хранится его письмо «Тъваш тышмань», написанное в 1928 г. и направленное в органы власти. За что только не ругает он И. Я. Яковлева, в чем только не обвиняет его! Будто именно Яковлев помешал в 1889 г. создать газету «Пульхар», сообщает о фактах избиения педагогом своих воспитанников; педагог-демократ называется «чувашским баринном», «слугой царя». Юркин не сумел окончить школу, как не

смог в дальнейшем продолжить учебу в Казанской учительской семинарии. Письмо его явно клеветническое. По этой причине письму в свое время ходу не давали, вскоре о нем совсем забыли. Но вот журнал «Тăван Атăл» взял да и опубликовал 11-тысячным тиражом этот опус. (1993. № 2). Для чего? Чтобы задеть честь патриарха чувашской культуры? Такие наскоки на выдающегося просветителя-демократа не приносят чести ни ушедшему в мир иной И. Н. Юркину, ни здравствующему журналу «Тăван Атăл».

II. Нынешними газетами перепечатываются грязные публикации старых времен, авторов которых И. Я. Яковлев привлекал к судебной ответственности. Так, газета «Молодежный курьер» перепечатала уже охарактеризованную выше клевету Г. Ф. Федорова (Алюнова) «Сплошная драма» (1993. № 9). В далеком прошлом это бумагомаранье было опубликовано газетой «Волжские вести» 27 апреля 1907 г. Здесь говорится, что на сэкономленные на пищу учеников деньги И. Я. Яковлев купил себе дом. («Вместо щей подавали какую-то вонючую жидкость, вместо хлеба - куски какого-то суррогата, вместо каши - какие-то пшеничные комья...»). Если верить автору, И. Я. Яковлев с учащимися обращался грубо, допускал их избиение. В действительности же ничего подобного не было.

Газета «Хыпар» 8 января 1992 г. решила порадовать своих читателей отрывком из книги Д. П. Юмана «1905-ый год», названным «Чувашская школа напоминала монастырь». Автор, вместе с ним и газета уверяют, что в Симбирской чувашской школе царили крепостные порядки. Список таких несуразных перепечаток можно продолжить.

III. Унижение чести и достоинства чувашского просветителя не столь редкое явление в современной прессе, чем кажется. Отдельными исследователями на основе выхваченных высказываний и фактов делаются явно ошибочные выводы и заключения. При этом как бы забывают аксиому о том, что высказывания надо рассматривать в контексте, а дело жизни человека оценивать в совокупности, во всей полноте его поступков и стремлений.

В номере от 25-26 декабря 1997 г. газеты «Чăваш ен» (Край чувашский) увидела свет статья Ю. В. Яковлева «Национализм Ивана Юркина в аспекте веры в народ», где говорится: «Образованные чуваша в конце XIX века (а миссионеры - вплоть до Ок-

тябрьской революции) считали, что у чувашей нет будущего. «Нам, чувашам, не суждено играть в истории самостоятельной роли. Мы рано или поздно должны слиться с русскими», - писал И. Я. Яковлев в письме к своему бывшему ученику А. С. Михайлову 23 января 1914 года. (Яковлев И. Я. Из переписки. Ч., 1989. С. 235). Далее автор вышеназванной статьи пытается доказать, что И. Я. Яковлев якобы добивался превращения чувашского народа в покорного спутника России, говорил о слиянии чувашей с русскими, обрусении их. Но И. Я. Яковлев сущность такого слияния понимал совсем по-другому. Чтобы вникнуть в это, не надо было останавливаться на выхваченных строках, а читать письмо дальше. Далее говорится совсем другое: «Но что же значит слиться? Это не значит усвоить только русский язык и носить русскую одежду. Мы должны по духу сделаться русскими: по-русски думать и чувствовать. Для этого нам необходимо подняться до русской культуры: усвоить православную веру, основы русской культурной и государственной жизни. Поднять культуру чуваш возможно только через родной, понятный язык». (Там же). Комментарии, как говорится, излишни!

Если верить Ю. Яковлеву, чувашский просветитель отрицательно относился к будущности родного народа. А ведь всем известно, что И. Я. Яковлев любил родной народ сердцем и душой, отдавал все свои силы служению ему, высоко отзывался о нем. Не случайно же он мечтал об открытии чувашского университета. «Так, несколько лет тому назад, - зафиксировал он в своих мемуарах, - мне пришла в голову мысль положить на длинный период времени тысячу рублей с тем, чтобы на этот капитал нарастали проценты, а когда скопится крупная сумма, можно было бы создать чувашский университет». (Яковлев И. Я. Моя жизнь. с. 554).

Среди выдающихся выпускников СЧУШ - Михаил Петрович Петров. Он написал на родном чувашском языке книгу «Симбирская чувашская учительская школа и И. Я. Яковлев», которую в 1928 г. издал Наркомпрос ЧАССР. В ней приведено письмо И. Я. Яковлева на имя автора от 28 ноября 1917 г., где говорится:

«Помнится, ты спрашиваешь меня, каково мое мнение и взгляды на будущность чуваш и на их способности. Трудно предсказать будущее, ведь я не пророк, но я всегда был убежден и веровал, что чувашаи богом не обижены, не менее способны, чем русский про-

стой народ. Если они до сего времени не представили выдающихся деяний, то можно сказать, что не было благоприятных условий. Я всегда видел доказательства, что чуваши во всех областях могут с успехом заниматься науками и искусствами, в том числе музыкой и литературой. При достижении своей цели многие проявляют твердость и выдающуюся привязанность к делу, раз предпринятому ... В хорошее будущее чуваш я верю, главным образом, путем образования... Могу сказать, если бы я не верил в лучшее будущее чуваш, то я и не занимался бы всю жизнь ими. Любящий тебя И. Яковлев». (с. 94-95).

Видимо, кой-кому из современных исследователей следует найти в библиотеке эту хорошую книгу и внимательнее ознакомиться с указанным письмом Ивана Яковлевича.

Важно отметить, что потуги пасквилянтов и клеветников тщетны. Симпатии народа всегда были и остаются на стороне И. Я. Яковлева. Имя его будет светиться яркой звездой, как на небосклоне чувашей, так и других народов Поволжья и Урала, просвещение которых он считал делом своей жизни.

Кстати, широкий круг читателей с одобрением встретил издание полного текста мемуаров И. Я. Яковлева «Моя жизнь», принятое благодаря усилиям ректора чувашского университета академика Л. П. Куракова. Книга эта помогает вывести на чистую воду и клеветников, и пасквилянтов, пытающихся замарать светлое имя и честь выдающегося чувашского просветителя.

ПУБЛИЦИСТЫ И ЖУРНАЛИСТЫ ИЗ ШКОЛЫ ПАТРИАРХА

Тяжелое было положение чувашей, как и других нерусских народов, в старые времена в царской России. Они были забитыми и отсталыми в политическом, экономическом и культурном отношении. Из переписи населения в 1897 году видно, что грамотных среди чувашского народа было очень мало. Так, среди чувашей 9 – 49-летнего возраста, проживавших в Казанской губернии, грамотных было лишь 10,8 процента, в т.ч. среди женщин только 1,6 процента¹⁶⁰.

Известный яковлевед Н. Г. Краснов в статье «Педагогическое наследие И. Я. Яковлева» подчеркивает такую мысль: «В отличие от своих предшественников Е. И. Рожанского, С. М. Михайлова, Н. И. Золотницкого и других И. Я. Яковлев создал средства распространения просвещения среди населения - письменность, школы с родным языком обучения, подготовил большой отряд учителей-просветителей народа, выпустил книги по различным отраслям знаний и т.д.»¹⁶¹

Первые просветители, указанные выше, явились и первыми чувашскими публицистами. Однако И. Я. Яковлев стоит намного выше их тем, что создал прочный и широкий фундамент для зарождения и становления оригинальной чувашской публицистики, журналистики в целом.

Первой опорой в этом долгожданном фундаменте стала забота о том, чтобы появились читатели произведений на родном языке, то есть, говоря на профессиональном языке, родилась читательская аудитория. Долгие годы чуваша не имели своей письменности, оставались почти сплошь неграмотными. И вот во второй половине XIX века в школах, открываемых И. Я. Яковлевым, мальчики и девочки осваивали родную письменность и становились потенциальными читателями прессы. Следовательно, распространение грамотности и образования на родном языке служило интересам развития чувашской журналистики.

¹⁶⁰ См.: Чувашия за 50 лет Советской власти (в цифрах). Ч., 1967. С. 82.

¹⁶¹ Вопросы яковлеведения. Вып. I. Ч., 1999. С. 80.

Такого же мнения придерживается исследователь А. П. Данилов в статье «Исследователь «Хыпара», где он фиксирует: «Настала ли пора для возникновения чувашской журналистики?.. Да, настала. В Симбирске открылась чувашская школа. Благодаря стараниям И. Я. Яковлева создан чувашский алфавит. Прошло довольно много времени с тех пор, как в деревнях начали обучать детей по-чувашски. Теперь уже способных читать газету на родном языке немало»¹⁶². Эту задачу разрешили школы И. Я. Яковлева. За годы своего существования они выпустили более 1000 учителей. В 1911 г. в России действовало 926 чувашских школ. К 1917 г. грамотность среди чувашей Поволжья и Приуралья составляла 12 процентов. Данные эти нами взяты из статьи Л. П. Куракова в книге «Вопросы яковлеведоведения». Вып. I. Ч., 1999. с. 62-63.

Второй опорой в названном фундаменте явилось создание основ литературного языка. Единые языковые нормы И. Я. Яковлевым создавались в ходе работы над переводами, произведениями художественной литературы и публицистики. Яковлевым было начато издание чувашских книг. Выезжая в чувашские деревни, он лично проверял, как воспринимается народом язык вновь изданных книг.

Иван Яковлевич в широких масштабах повел переводческую работу. К этой работе он привлекал и преподавателей, и учеников школы. В 1911 г. он издал весь Новый завет на чувашском языке и приступил к переводу Ветхого завета. Им были опубликованы на чувашском языке «Псалтырь», «Часослов», «Октоис», содержащий воскресную службу восьми гласов», «Наставление в Законе божием» и др. И. Я. Яковлев организовал издание учебной, исторической, естественно-научной, сельскохозяйственной литературы.

Зарождение и развитие чувашской художественной литературы также связаны с деятельностью И. Я. Яковлева. Им в 1908 г. опубликован сборник «Сказки и предания чуваш», где поместил классическую поэму К. В. Иванова «Нарспи», произведения и других авторов. В 1908 и 1912 гг. выпустил в двух книгах «Образцы мотивов чувашских народных песен и тексты к ним».

В период зрелости просветительного движения интенсивно развивается публицистика, появляются новые формы творчества, новые жанры. Именно в те годы происходит окончательное форми-

¹⁶² Хыпар. 1999. 21 января. Перевод наш. - И.Т.

рование чувашской журналистики - выходит первая чувашская газета «Хыпар» (Весть).

Создание письменности, распространение грамотности на материнском языке, закладка основ литературного языка явились важными предпосылками зарождения чувашской публицистики. Жизнь народа вызвала живую потребность в публицистическом обобщении явлений действительности. И. Я. Яковлев явился автором первых публицистических произведений, написанных на чувашском языке: «Начинающему учиться грамоте» (1872), «Увещевание» (1896), «От чего зависит здоровая, долгая жизнь?» (1902), «Здоровье, питание, чистый воздух, чистота тела» (1904) и др. Кроме того, им написан ряд зарисовок на родном языке для печатания в букварях для чувашских школ. Эти произведения, содержащие в себе идеи просветительства, говорят о том, что отцом национальной публицистики надо считать И.Я. Яковлева. Публицистические произведения, написанные на родном языке, легли в фундамент чувашской журналистики.

Как известно, Симбирская чувашская учительская школа была славной кузницей педагогических кадров, вместе с тем и основная масса чувашской интеллигенции того времени выпестована ею. Эта школа также подготовила и славный отряд чувашских публицистов и журналистов.

Сам И. Я. Яковлев вел активную публицистическую деятельность. Она оказалась поучительной и для его воспитанников. Питомцы Симбирской чувашской школы А. В. Рекеев, И. И. Иванов, Н. М. Охотников, К. В. Иванов, И. Н. Юркин и некоторые другие создали ценные публицистические, художественные, историко-этнографические произведения и нередко выступали ими в печати. В историю чувашской журналистики они вошли как зачинатели национальной публицистики.

Несколько позже из стен Симбирской чувашской школы вышли видные журналисты М. Ф. Акимов, В. И. Иванов (Кривов), Д. А. Демидов (Юлташ), Ф. Н. Николаев, Таэр Тимкки и др. Они стали сотрудниками редакции первой чувашской газеты «Хыпар», выходившей в Казани в 1906-1907 гг. Ими созданы замечательные произведения публицистики и художественной литературы по многим жанрам.

Иван Яковлевич всегда поощрял участие своих воспитанников, коллег по работе в творческой публицистической деятельности. Заботливое внимание оказывал начинающим публицистам, всегда был верным помощником в их начинаниях.

И. Я. Яковлев понимал, что каждый автор имеет свою повествовательную и стилистическую манеру. Но от всех авторов, как от писателей, так и публицистов, требовал, чтобы они писали доходчиво для народа. В памфлете «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» это требование он выразил словами: «Книги должны быть написаны на живом разговорном инородческом языке».

Таким образом, с Симбирской чувашской школой, с многогранной деятельностью самого И. Я. Яковлева тесно связаны просвещение и подъем культуры родного народа, в том числе дело подготовки первых чувашских публицистов, зарождение национальной журналистики. Вот почему академик Г. Н. Волков эту школу считает и академией, и университетом, и консерваторией. (См.: Советская Чувашия. 1968. 17 ноября).

Нами здесь названы лишь первые известные публицисты и журналисты из Симбирской школы И. Я. Яковлева. Ведь она под разными названиями действовала с 1868 г. до августа 1956 г., восемьдесят восемь лет. Нам было бы непростительно не назвать здесь в числе питомцев этой школы:

Евдокию Яковлевну Орлову, работавшую заместителем редактора газеты «Красная Чувашия», редактором газеты «Пионер саси», в журналах «Хатёр пул», «Ёҫ хёраҫмё», награжденную орденами Ленина, «Знак Почета»;

Анну Ивановну Токсину, обучавшуюся в 1911-1916 гг. в женском училище при школе, в свое время работавшую сотрудницей газеты «Канаш», ответственным секретарем редакции журнала «Ёҫ хёраҫмё»;

Степана Митрофановича Авксентьева-Лашман, учившегося в школе в 1907-1911 гг., работавшего ответственным секретарем редакции газеты «Канаш»;

Константина Константиновича Петрова, работавшего в редакции Казанской чувашской газеты «Хёрлё ялав», кандидата наук, успешно продолжавшего работу доцентом факультета журналистики Чувашского гос. университета, заслуженного работника культуры Чувашской Республики и др.

Разумеется, перечислить всех, кто прошел яковлевскую школу журналистики, успешно трудился, составит немало труда. Ясно одно: они входят в славную когорту тех, кто проявил себя на ответственной журналистской стезе.

Велика заслуга И. Я. Яковлева в зарождении и развитии национальной публицистики, становлении чувашской журналистики. Он создал прочный фундамент, на котором зародились и развивались как публицистика, так и журналистика на природном материнском языке.

ВСТРЕЧИ С МИНИСТРАМИ

По всей России знали графа Дмитрия Андреевича Толстого (1823-1889). Он являлся видным государственным деятелем, занимал должности обер-прокурора Синода в 1865-1880 гг., а в 1866-1880 гг. - министра народного просвещения. С 1882 г. стал министром внутренних дел, шефом жандармов, президентом Петербургской Академии наук.

Судьба распорядилась так, что граф благосклонно относился к нуждам молодого даровитого чуваша. Иван Яковлев 15 июля 1870 г. письменно обратился к директору Симбирской гимназии Ивану Васильевичу Вишневному с просьбой ходатайствовать перед управлением учебного округа об освобождении его от платы за обучение в университете и назначении ему стипендии. Директор гимназии одобрил его намерения и 21 июля направил попечителю учебного округа ходатайство, где просил выделить стипендию достойнейшему выпускнику Симбирской гимназии чувашу И. Я. Яковлеву, награжденному золотой медалью¹⁶³. Сразу после зачисления его в университет попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков обратился в Министерство народного просвещения с представлением об оказании помощи студенту И. Я. Яковлеву. 31 октября 1870 г. министр Д. А. Толстой сообщил ему: «Я признал возможным назначить студенту Казанского университета Ивану Яковлеву стипендию по 200 рублей в год из сумм министерства, впредь до окончания им в университете курса». Из этого представления министр просвещения узнал и о существовании частной школы студента.

И. Я. Яковлев 22 декабря 1870 г. представил попечителю Казанского учебного округа докладную записку под названием «Школа-семья и ее нужды». Эту докладную записку П. Д. Шестаков направил в Министерство народного просвещения. Министр Д. А. Толстой в надежде на усиление распространения христианства среди чувашей решил ассигновать школе 340 рублей в год. В следующем 1871 г. он же содействовал избавлению А. В. Рекеева от военной службы.

¹⁶³ Симулин А. И. Я. Яковлев и директор гимназии И. В. Вишневикий. Ульяновец. 2003. 21 апр.

Граф всецело разделял взгляды Н. И. Ильминского, по его рекомендации с 1 июля 1867 г. установил должность инспектора чувашских школ в Казанском учебном округе. «Министерство учредило эту должность для устройства и дальнейшего развития существовавших тогда чувашских школ и, главным образом, для противодействия мусульманской пропаганде, сделавшей, как известно, в 60-х годах последнего столетия среди чуваш, значившихся крещенными, очень большие успехи. Первым инспектором был Н. И. Золотницкий, занимавший эту должность с 1867 по 1872 г....»¹⁶⁴

Должность эта три года оставалась свободной. После окончания учебы в университете И. Я. Яковлева по предложению попечителя учебного округа министр утвердил его на этой должности.

Министра народного просвещения графа Д. А. Толстого чувашский просветитель лично видел всего два раза. В первый раз это было в 1877 г.

В четверг из Казани в Симбирск пришла телеграмма: министр народного просвещения хочет встретиться с воспитанниками чувашской школы, поэтому они должны прибыть на пристань.

После обеда 1 июня 1877 г. (по старому стилю) воспитанники школы приоделись, волосы причесали и зашагали по городским улицам в сторону пристани. В руках книги, тетради. На ногах лапти: совсем новые и поношенные. Лишь у некоторых дешевые сапоги. Любо-дорого смотреть на воспитанников школы: ростом статные, настроение веселое, на лицах сияет улыбка. И погода пригожая, на небе ни облачка.

Солнце греет все теплее, день становится все приятнее. Горожане с удивлением смотрят на ровные ряды учащихся чувашской школы, идущих весело разговаривая.

- Чувашлята идут! Лапотники! - послышался громкий голос.

- Го-го, с самим министром хотят встретиться! У него даже для нас места не хватит... - показал зубы господин в шляпе. На лица учащихся школы сразу упала сумрачная тень.

¹⁶⁴ Яковлев И.Я. Письмо С.В. Смоленскому от 8 авг. 1903 г. // Петров М.П. Чувашская учительская школа и И.Я. Яковлев. Ч., 1928. С. 86.

- Добрый человек над другими не насмехается! Его слова не принимайте во внимание! - успокоил всех воспитанник школы Ф. Сергеев.

Граф тогда совершал поездку по Волге, попутно остановился и в Симбирске. К пристани пароходного общества «Дружба» были вызваны многие учебные заведения Симбирска, в том числе и Центральная чувашская школа. Так тогда она называлась.

Вскоре к учащимся Чувашской школы подошли важные господа. Который из них министр? Он, оказывается, в темно-синем сюртуке. В одной руке летняя белая шляпа, в другой - трость.

Графу пока 55 лет - не больше, однако все равно брюшко выпятилось, под глазами синие мешки. Весело запел школьный хор. Громко, мелодично. Министр опустил седую голову, внимательно слушает песню. Поднимает голову и осматривает хористов. Когда прослушал несколько песен - русских и чувашских, Его сиятельство попросил продекламировать стихотворение, а второклассника - сыграть на скрипке. Его сиятельство проверял знания у учащихся по Закону Божию, русскому языку. Одного ученика заставил просклонять слово «доска». Чтобы узнать, насколько хорошо знают государственный язык, повел со старшеклассниками беседу на русском языке. Спрашивал у них: откуда родом, чьи они дети, чем занимаются родители. Ответами учащихся министр остался доволен.

Граф обращал свое внимание в основном на Чувашскую школу. С другими беседовал бегло, мимолетно.

С особым интересом и вниманием беседовал министр с И. Я. Яковлевым. Расспрашивал о том, как ведется преподавание учебных дисциплин, каковы нужды школы, чем ей оказать помощь.

Д. А. Толстой находился на пристани более трех часов. Вместе с ним были попечитель Казанского учебного округа П. Д. Шестаков, симбирский губернатор Н. П. Долгово-Сабуров, епископ Феоктист и другие высокопоставленные лица. Прощаясь с учащимися чувашской школы, он им напутствовал:

- Учитесь настойчиво, затем сами будете учить!

Когда министр занимал каюту на пароходе, хор чувашской школы провожал его звонкой песней. С Иваном Яковлевым он продолжал беседу вплоть до поднятия якоря.

- Слушайте Николая Ивановича Ильминского, следуйте его советам! - сказал министр педагогу на прощание. Учащиеся чувашской школы стояли и пристально следили за пароходом, который, удаляясь по Волге, становился все меньше и меньше. Время клонилось к вечеру. От Волги веяло прохладой. Ветер доносит приятный запах благоухающих садов. Воспитанники школы, возвращаясь с пристани, на вопросы отвечали с достоинством:

- Мы встретились с самим министром!

На их лицах сияла радость. С ними рядом был могучий дуб, выросший под прикрытием орешника, - великий педагог Иван Яковлевич Яковлев.

О милостивой и любезной встрече с министром И. Я. Яковлев вспоминает так: «Внимание, оказанное школе графом Толстым, сразу же подняло ее значение в глазах и местного общества, и местного населения, и местного начальства, которое в полном составе присутствовало на пристани. Я стал в Симбирске своего рода героем. О воспитанниках Чувашской школы заговорили в городе иначе»¹⁶⁵.

Раньше горожане нередко оскорбляли и осмеивали чувашей, пытались толкнуть и ударить кнутом. Теперь их никто не трогал. Мальчики чинно, в порядке шли петь в Никольскую (дворцовую, недалеко от губернаторского дома) церковь или во Всесвятскую. Также чинно и мирно возвращались. При них всегда находился учитель.

Граф Д. А. Толстой прямо с университетской скамьи постоянно поддерживал выходца из чувашского народа И. Я. Яковлева. Чувашский просветитель второй раз встречался с ним в 1884 г. в Петербурге на его квартире. Тогда граф был министром внутренних дел. Он принял чувашского просветителя по совету другого графа - Ивана Давыдовича Делянова (1818-1897), являвшегося министром народного просвещения. Ему сделал благоприятный отзыв о Чувашской школе попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников. У графа Д. А. Толстого шел разговор о том, как улучшить положение Симбирской чувашской школы.

Известный русский государственный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев (1827-

¹⁶⁵ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 157.

1907) был профессором гражданского права Московского университета, сенатором. Три раза посетил Симбирскую чувашскую учительскую школу. Проявил большой интерес к школе, заходил в Домовую церковь школы, на квартиру чувашского просветителя. Школа произвела на него благоприятное впечатление. При посещении съезда учителей для голодающих чувашей выделил 100 рублей. Жертвовал также деньги для церкви в Верхних Тимерсянах Симбирской губернии, для Домовой церкви Симбирской чувашской школы. Помог увеличить пособие для школы от миссионерского общества¹⁶⁶.

Осенью 1912 г. был донос на И. Я. Яковлева в Петербург – его снова обвиняли в сепаратизме. Министр народного просвещения Лев Аристович Кассо (1865-1914) принял его милостиво в своем кабинете, затем предложил написать объяснительную записку. В свое оправдание Иван Яковлевич Яковлев отметил: «По крови, по привязанности к моим бедным беспомощным сородичам я принадлежу к чувашскому племени, по духу, по воспитанию, по любви к моему великому отечеству, по всем моим духовным и житейским связям и по моей службе трем государям я чувствую себя членом великой русской семьи, болел и болею ее горестями, радовался и радуюсь ее радостями»¹⁶⁷.

Знакомился с Симбирской чувашской учительской школой министр в апреле 1914 г. Он был в Симбирске проездом из Самары. Интересовался постановкой учебного дела, обходил помещения. Его сопровождали попечитель Казанского учебного округа Н. К. Кульчицкий и Симбирский губернатор А. С. Ключарев (1911-1917). В присутствии их министр благодарил И. Я. Яковлева за хорошую работу, просил до конца жизни оставаться в школе.

¹⁶⁶ См.: И. Я. Яковлев в фотографиях и документах. Ч., 1999. С. 136.

¹⁶⁷ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 240.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СЕМЬЕ ПАТРИАРХА

В семейной жизни я был счастлив и в жене, и в детях моих. К слову сказать, я не жалел вообще для детей моих средств, когда дело шло об их образовании, воспитании.

И. Я. Яковлев

Иван Яковлевич выглядел как былинный богатырь. Человек огромного роста, широк в плечах. Особенно запоминающаяся голова, улычиво-строгое лицо и пышная борода, живые глаза, приветливо-выразительные. Они отражали ум и волевые качества, чувствовалось, что в этом человеке таятся большая сила и мощь. Ходил энергичной поступью так, что трещали доски половые.

Был ли наш патриарх человеком тщеславным? На этот вопрос находим ответ в воспоминаниях Ф. К. Кузьмина:

«Однажды на уроке один из моих товарищей сказал:

- Мы поставим вам мраморный памятник, Иван Яковлевич!

- Не стоит! - ответил Иван Яковлевич. - На другой же день кто-нибудь отшибет нос у памятника. Нерукотворный памятник лучше любого дорогого материала. Работайте. Лучшим памятником мне будет ваша работа. Нерукотворным памятником».¹⁶⁸

Он вырастил и воспитал двух сыновей и дочь. Старший сын его Алексей Иванович - профессор, член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии (1943). Сын Николай Иванович - инженер-геолог, музыковед, переводчик. Дочь Лидия Ивановна Яковлева (Некрасова) - искусствовед, переводчик.

В семьях потомков выросла замечательная плеяда видных деятелей науки и искусства.

И. Я. Яковлев считал Н. И. Ильминского своим главным учителем, в 1877 году женился на Екатерине Алексеевне Бобровниковой, воспитавшейся в семье Ильминского.

¹⁶⁸ Федотов М. «Не замыкайтесь в собственной скорлупе». Советская Чувашия. 1998. 6 марта.

Яковлева (Бобровникова) Е. А. (1861-1936) - воспитанница Казанской женской гимназии, в 1878-1922 гг. – заведующая и учительница женского отделения СЧУШ. Она наравне с мужем посвятила всю свою жизнь и деятельность делу просвещения и воспитания молодого поколения.

Екатерина Алексеевна, как и муж, высока ростом. Добрый взгляд озарял все лицо и всю фигуру.

Р. Г. Золотова так создала образ Екатерины Алексеевны: «Самые теплые воспоминания... оставила на всю жизнь Екатерина Алексеевна Яковлева, близкий друг и жена Ивана Яковлевича. Я как сейчас вижу, как выходит она из своей квартиры к нам, девочкам, улыбающаяся, высокая, полная, уже поседевшая, постаревшая какой-то ровной здоровой старостью: нежно-розовое лицо, нет ни глубоких, нависших над глазами и ртом морщин, ни старческого взгляда, приятный грудной мягкий голос, сама не горбится, блещущий здоровьем и добротой взгляд озаряет все лицо и всю фигуру»¹⁶⁹.

Екатерина Алексеевна Яковлева осталась в памяти народа как беспримерная наставница чувашских девочек. При Симбирской чувашской школе в 1878 г. открывается женское отделение. Заведование этим отделением, затем женской школой было возложено на Екатерину Алексеевну. На себя она взяла преподавание русского языка, географии и истории. Сначала трудилась безвозмездно, а затем за вознаграждение.

Эта школа вскоре прославилась среди населения, последовал большой наплыв поступающих туда. В учебном плане школы кроме общеобразовательных предметов было домоводство. Девушки учились вести домашнее хозяйство, ухаживать за детьми, осваивали кройку и шитье, рукоделие. Сама Екатерина Алексеевна была удивительной рукодельницей. Девушки производили уборку комнат и подсобных помещений, в порядке дежурства по кухне выполняли обязанности повара. Особенно хорошо были поставлены в школе вязание, вышивка и шитье.

«Кроме занятий Екатерина Алексеевна старалась развлекать своих воспитанниц, устраивала елки на Рождество, организовывала прогулки по окрестностям Симбирска, например, в Винновскую рощу, устраивала литературные вечера... Кроме прогулок в окре-

¹⁶⁹ Там же.

стности Симбирска, устраивались и более отдаленные, с воспитательными целями, путешествия. Например, в Москву, Ярославль, на Нижегородскую ярмарку. Девушки женского отделения трудились и на сельскохозяйственной ферме под Симбирском. Жили там же, выполняли разные работы: пололи, жали, собирали овощи и т.д.¹⁷⁰

Заведовала женским отделением Екатерина Алексеевна сорок лет. Заслужила признание и любовь. По представлению учебного округа удостоилась Золотой медали.

¹⁷⁰ Павлов П. И Наставница чувашских девочек Екатерина Алексеевна Яковлева. Вести Альма матер. 1998. 10 ноября.

«...ЭТО СПЛОШНАЯ КЛЕВЕТА»

В газете «Хыпар» 15 июня 2001 г. появилась подвальная статья (вернее - пасквиль) Ильи Элле «Друг парадоксов Иван Яковлев» (Парадокссен тусё Иван Яковлев). Написал ее человек не случайный, а частый автор газеты.

И. Н. Юркин в 1928 г. состряпал на своего учителя И. Я. Яковлева бесподобную необоснованную клеюзу, назвал его врагом чувашского народа. После этого соратники чувашского просветителя клевету на него называли «голосом Юркина», а некоторые даже оценили как голос юткина, т.е. чужака. А как отнестись к выступлению Ильи Элле в газете?

Сам пасквильянт считает великого просветителя народа другом парадоксов. Давайте обратимся к словарю и выясним значение этого слова. Парадокс - неожиданный, странный; мнение, суждение, резко расходящееся с общепринятым, противоречащее здравому смыслу; неожиданное явление, не соответствующее обычным представлениям.

Как утверждает автор пасквиля, чувашский просветитель тем только и занимался, что высказывал один парадокс за другим. Далее свой поклев ведет такими словами: «У картежников есть один психологический подход: свою силу нарочно преувеличивают - хотя на руках лишь малозначительные карты, все равно выпячивают грудь. Как раз это то, что называется блефом. Именно таким методом и пользовался И. Я. в чувашском просветительстве». Блеф - это просто обман, ложь, выдумка. Игрок, имеющий плохие карты, действует так, чтобы соперники сочли его карты выигрышными. Выходит, блефовал и Иван Яковлевич. А ведь так отзываться о нем - значит не иметь ни стыда, ни совести.

Получается: И. Я. Яковлев занимался не национальным подъемом чувашей, а блефом, обманом и запугиванием. Чтобы как-то умалить престиж настоящего богатыря чувашского народа, называется он не просветителем (сумләхсă), а «тянувшим к свету» (сутта туртавсă). То, что нагромождено в подвальной статье, далеко от истины как небо от земли.

Цели автора ясны как погода в погожие дни: набросить тень на плетень, всячески умалять благородную деятельность народного просветителя, показать его как бы то ни стало в худшем свете. Од-

нако иголкой колодец не выроешь, клеветой и кляузами тоже далеко не пойдешь.

На наш взгляд, в развитии чувашского просветительского движения проглядываются два этапа: первый или начальный – этап зарождения движения. В этот период проявили себя Е. И. Рожанский, С. М. Михайлов, Н. И. Золотницкий и некоторые другие. Эта небольшая группа младших чинов народной интеллигенции подала голос в защиту народных масс, высказала желание оказать им помощь. Не широка целенаправленность деятельности их. Причину тяжелой жизни народа они видели в темноте и невежестве, поэтому своей главной задачей считали обучение его грамоте. Настойчиво искали пути осуществления этой задачи, но без особого успеха.

Второй этап чувашского просветительского движения характерен наступлением зрелости его. Он берет свое начало со вступлением в движение И. Я. Яковлева, его учеников и соратников А. В. Рекеева, И. И. Иванова, Н. М. Охотникова и многих других. Их неутомимая самозабвенная общественная и педагогическая деятельность поднимает просветительское движение на новую ступень. На этом этапе просвещение перерастает в просветительство. Следовательно, теперь масштабы деятельности у них становятся намного шире. Они не ограничиваются школьным образованием, стремятся поднять уровень культуры народных масс, избавить их от бедности. Главное, И. Я. Яковлев и его соратники своим личным неутомимым трудом создают материальные условия для развертывания просветительства.

По данному вопросу профессор Н. Г. Краснов дает следующий комментарий: «В отличие от своих предшественников Е. Рожанского, С. М. Михайлова, Н. И. Золотницкого и др. И. Я. Яковлев создал средства распространения просвещения среди населения - письменность, школы с родным языком обучения, подготовил более 1000 учителей - просветителей народа, выпустил книги по различным отраслям знаний и т.д. Он был Просветителем с большой буквы».¹⁷¹

¹⁷¹ Краснов Н. Г. Педагогическое наследие И. Я. Яковлева//Вопросы яковлевоведения. Выпуск I. Ч., 1999. С. 80.

Достоверно и убедительно оценил труд великого просветителя Николай Герасимович.

Как сказано в подвальной статье, И. Я. Яковлев якобы делал только то, что разрешали власти. Ни шагу в сторону: ни туда, ни сюда. Фактически происходило совсем не так. Вопреки запрету управляющего Симбирской удельной конторой А. Ф. Белокрысенко энергичный чуваш поступил учиться в гимназию. Сломав все противоборства, вернул А. В. Рекеева с военной службы. Не дожидаясь разрешения властей, создал Симбирскую чувашскую школу, женское отделение при ней, открывает школы в деревнях одну за другой... Не перечислить всего того, что делал народный просветитель не дожидаясь официального разрешения. Делал во благо народа, в его пользу.

«Сколько ведер чернил израсходовано современными учеными и публицистами в трудах о том, что в XIX веке чувашаи отатаривались! - удивляется автор подвальной статьи. - И. Яковлев тоже часто упоминает об этом в своих письмах и статьях. Его беспокоит угроза мусульманизации чувашей. Как мне кажется, в таких страшных угрозах нет ни капли правды. Со всей ответственностью заявляю: и в XIX веке, и позже отатаривании-мусульманизации чувашей совсем не было. Кто мне не верит, поставлю перед ними только один вопрос: в качестве примеров приведите отатаренные чувашские деревни. Мне такие примеры неизвестны».

Автору подвальной статьи, видимо, не приходилось читать «Сведения, доставленные г. инспектором чувашских школ Казанского учебного округа, Симбирской уездной управе, сентября 17 дня 1877 г.».¹⁷²

Удивляться не приходится, так как не только ему, но и исследователям вообще невдомек обращаться к этому документу. Он остался не включенным и в книги «Из переписки» (1889 и 1898 гг. изданий), и в книгу «Становление системы образования чувашского народа» (Ч., 2004). Здесь И. Я. Яковлев сообщает следующее: «В 1866 году имело место печальное явление в нашем приволжском крае - отпадение крещеных инородцев - чуваш и татар в магометанство. В Казанской губернии отпали от православия целые приходы и селения инородцев; и в нашей Симбирской губернии

¹⁷² Симбирская земская газета. 1878. 5 авг.

число отпавших считается чуть не тысячами. Между прочим, в Симбирском уезде отпала довольно значительная чувашская деревня Средние Алгаши».¹⁷³

Вот ответ на Ваш вопрос. Чтобы заглянуть в глубь вопроса, советуем взять книгу М. П. Петрова «Симбирская чувашская школа и И. Я. Яковлев» (Ч., 1928). Там есть специальный раздел «Отатаривание чуваш» (Чăвашсем тутара тухни). Здесь автор приводит убедительные цифры, показывающие отатаривание чувашей. Он приходит к такому выводу:

«До взятия Казани русскими чувашей, черемисов и многие другие мелкие народности татары держали в своих руках. И после потери Казани они не хотели упускать эти народности из-под своих рук. Раньше подчиняли их силами государства, то теперь они пытались делать это заманиванием в свою религию. Татарские муллы не дремали, без дела не сидели; старались шире распространить свою религию среди чувашей».¹⁷⁴

Может ли случиться так, что человек начинает отвергать сам себя? Уверял он, что не знает ни одной деревни, где чувашаи перешли в мусульманство. Это было в первой половине статьи. Вскоре об этом забывает и начинает перечислять отатарившие деревни: Починок-Инели в Чувашии, Большое Тябердино в Татарии, Базги в Башкирии... Тому, что в определенный период истории возникала угроза мусульманизации чувашей, решительно возражает Илья Элли, вместе с ним и некоторые исследователи. Закономерно задать вопрос: кто тут занимается блефом - тот, кто сам себя опровергает или тот, кто зовет к дружбе с великим русским народом с его высокой культурой? В этом деле даже и некоторое преувеличение угрозы простительно.

Ссылаясь на профессора А. Ильминского (видимо, имея в виду Н. И. Ильминского!), Илья Элли обвиняет И. Я. Яковлева в том, что он был националистом. Кто такой националист? Он прежде всего свой родной народ ставит выше других, т.е. проповедует идеи национального превосходства и национальной исключительности. Однако И. Я. Яковлеву националистические предрассудки были чужды.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Петров М. П. Симбирская чувашская школа и И. Я. Яковлев. Ч., 1928. с. 10.

И инородцы также люди, повторяет И. Я. Яковлев не раз высказанную им мысль в статье «По поводу заметки земского начальника С. Я. о земских инородческих школах». Ничем националистическим не выпячивает свой народ среди других. То же самое мы видим и в этой статье. «Чувашское племя, окруженное русским и татарским населением, не имеющее исторического прошлого, племя мирное, трудолюбивое, земледельческое, по широте своих воззрений не идущее дальше интересов деревни и родных полей, не может представлять для русского народа и русского правительства предмет опасений со стороны претензий чуваш сохранить чувашскую национальность в чистоте и целостности и получить ход самостоятельной чувашской цивилизации...».¹⁷⁵

Крайне безрассудные рассуждения высказывает Илья Элли по поводу лебединой песни И. Я. Яковлева «Завещание родному чувашскому народу». Во-первых, он пытается уверить читателей в том, что это завещание И. Я. Яковлеву продиктовали русские, как когда-то в XIX веке они заставили писать подходящее им завещание попавшего в плен Шамиля, руководителя освободительного движения кавказских горцев против царских колонизаторов. Во-вторых, горе-знаток считает, что завещание написано народным просветителем не чувашам, а русским.

Лживость таких уверений подтверждается указанием автора своего адресата. «Обращаюсь к вам первым, друзья и родичи мои чуваша. О вас болел я душой, к вам в этот час обращается мысль моя, и вам первым хочу сказать мои последние пожелания».¹⁷⁶

Почему же чувашский просветитель последние пожелания высказал не родному народу, а русским? Тут у пасквилянта совсем нет какого-либо сомнения: чтобы клятвенно уверить в том, что чуваша и впредь будут нести ярмо господства русских. У него не нашлось ни одного слова о том, что чуваша объединились с русскими в одном государстве на добровольных началах. Русский народ принял чувашей в свою семью как братьев, не обидел и не унизил их. Произошло духовное слияние двух народов. Это означало не только восприятие единой религиозной веры, но и подъем

¹⁷⁵ Яковлев И. Я. По поводу заметки земского начальника С. Я. // Яковлев И. Я. Становление системы образования чувашского народа. Ч., 2004. С. 126.

¹⁷⁶ Яковлев И. Я. Завещание родному чувашскому народу // Там же.

отстающей культуры чувашского народа до уровня культуры великого русского народа.

В завещании Ивана Яковлевича есть слова, обращенные к чувашам, получившим образование. «Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их же среды. Возвращайтесь же к своим соплеменникам с сокровищами научного знания, насаждайте среди них понятия гражданственности, учите их закону и праву: заботу об этом должны взять на себя вы, выходцы из народа».¹⁷⁷

«Завещание родному чувашскому народу» И. Я. Яковлевым написано в 1921 г. на русском языке, а в следующем году вместе с сыном А. И. Яковлевым перевел на чувашский язык. В чувашском варианте имеется и такое, чего нет в русском варианте. Здесь он высказал то, что хотел поведать лишь родному народу. Патриарх приметил одну отрицательную сторону у сородичей: некоторые из них непомерно ревнивы, склонны подставить ножку другому. «Вы уж так не делайте...» - советует он им с добрым сердцем. Можно ли, зная все это, упрекать великого просветителя в том, что он последние слова якобы написал не для своих сородичей.

«На мой взгляд, это «Завещание» надо считать лишь памятником литературы. Ничуть не больше! - строчит далее Илья Элли. - Мне совсем непонятно, почему оно считается абсолютным кодексом для потомков. Получается так: в прежние времена нам советовали жить по заветам Ленина, теперь что же, жить нам по завещанию И. Я. Яковлева? Нет, тут что-то не так...»

Как сам чувашский народ относится к таким грязным высказываниям? Из деревни Новое Бахтиярово Батыревского района известный автор Валентина Яковлева мнение своих однодеревенцев выражает так: «Нам бы твердо придерживаться того, что нам завещал И. Я. Яковлев».¹⁷⁸

Как нам кажется, она выразила не только свое личное, а всенародное мнение.

«Нет здесь здравого смысла. Это сплошная клевета»,¹⁷⁹ - оценил выступление Ильи Элле профессор И. А. Андреев. Прав Иван Андреевич, в пасквиле правды не ищут.

¹⁷⁷ Яковлев И. Я. Там же. С. 6.

¹⁷⁸ Хыпар, 2001. 13 марта.

¹⁷⁹ Там же. 8 июня.

Много искажений и ошибок было в прошлом в оценке плодотворной деятельности И. Я. Яковлева. Удивительно то, что даже в наши дни некоторые горе-исследователи пытаются нарастить клубок искажений и клеветы как снежный ком в весенние дни. Пересурдство в этом деле проявляет, например, небезызвестный Ю. В. Яковлев. В газете «Молодежный курьер» он перепечатал кляузу Г. Ф. Федорова «Сплошная драма» (1993, № 9), подписанную псевдонимом «Серый чувашин». Того самого члена партии социалистов-революционеров (эсеров), взявшего фамилию Алюнов (по имени своей матери Алюн). В свое время он окончил Симбирскую чувашскую школу, и его оставили там же учителем русского языка.

Как уже отмечалось, в прошлом эта статья была опубликована Симбирской газетой «Волжские вести» (1907. 27 апр.). В ней говорится, что за счет сбережений на пище учеников И. Я. Яковлев собрал крупную сумму для покупки своего дома.

Однако новоявленные клеветники могут не беспокоиться: им не грозит судебное наказание, так как И. Я. Яковлев не сумеет прийти с того света для привлечения их к ответственности.

Безусловно, в клеветнических бреднях старого времени нет ни грана правды. Следовательно, их незачем перепечатывать. Но для кляузников это не столь важно. Главное для них - счастливо наткнуться в архивной пыли на то, чем можно замарать святое святых.

Даже флагман чувашской печати газета «Хыпар» поддалась искушению публиковать клеветническую сенсацию по адресу И. Я. Яковлева. В статье «Яковлев и чувашская школа» («Хыпар». 1992. 8 янв.) известный уже нам Ю. В. Яковлев входит в полемику с всеизвестным академиком Г. Н. Волковым. Геннадий Никандрович считает, что Симбирская чувашская школа стояла выше европейских Эрфуртского, Гетенгенского университетов. По мнению же Ю. Яковлева, Симбирская чувашская школа не только не превзошла Европу, а отставала даже от русской школы.

Очевидно, он не знаком с «Моей жизнью» просветителя. Так, в связи с ревизией школ попечителем Казанского учебного округа В. А. Поповым Иван Яковлевич отметил: «После объезда со мной русских и чувашских селений Попов написал в отчете, посланном в Министерство народного просвещения, «что русские и чуваша идут ухо в ухо», т.е. в образовательном отношении не отстают друг от

друга». (Яковлев И. Я. Моя жизнь. С. 334). Попечитель здесь речь ведет о деревенских школах. А в Симбирской чувашской школе «он удивительно находчиво задавал вопросы ученикам так, что умел обнаружить их знания, их понимание пройденного курса». (Яковлев И. Я. Моя жизнь. С. 332). Следовательно, даже высокопоставленный царский чиновник отзывался о чувашской школе положительно, хотя в Яковлеве тщательно искал сепаратизм. Пытался найти то, что ныне ищет Ю. Яковлев. Клязу и клевету. В подтверждение своих покляпов Ю. Яковлев прибегает к помощи книги М. Юмана (Д. П. Петрова) «1905-ый год». (Чебоксары, 1925). Автор этой книги уверяет, что Симбирская чувашская школа напоминала монастырь, где господствовали порядки крепостного права.

Хочется отметить и то, что однофамилец народного педагога (Ю. Яковлев) по всей видимости, так и не вник в сущность «слияния чувашей с русскими», которая заключалась в поднятии культуры своих родичей до уровня русского народа. Если верить Ю. Яковлеву, отрицательно относился Иван Яковлевич к будущности родного народа. Так почему же он тогда просвещение его считал делом всей своей жизни, мечтал об открытии для него университета? А ведь всем известно, что И. Я. Яковлев любил свой народ сердцем и душой, отдавал все свои силы служению ему, высоко отзывался о нем. Не случайно же он мечтал об открытии чувашского университета.

В народе говорят: об отправившихся на тот свет либо только хорошее, либо - ничего. Неизвестно, почему так жгуче возненавидел народного просветителя его однофамилец и что дает ему пространство несуразной клеветы. Видимо, некому сказать ему «стоп!» К тому же некоторые нынешние газеты рады любой сенсации.

Кстати, клязу не у всех вызывает одобрение. Решительно осудил клеветников М. Волков в обстоятельной статье «Скоро ли сократятся ряды ограниченных умом?» (Хыпар. 1993. 15 мая). Резкое возмущение вызвала у С. Ентёш из Марпосадского района публикация газеты «Хыпар» в номере от 17 февраля 1993 года «А столб наш уже гнилой». В реплике «Семь раз отмерь, один раз отрежь», опубликованной им в той же газете 16 апреля 1993 года, он строго вопрошает: «Мне хочется спросить Юрия Яковлева: почему нападаешь на И. Я. Яковлева?» Нельзя же думать, что Иван Яковлевич,

поманив чувашей букварем, будто хотел обрусить их и в свет впреди видел лишь в русском духе и христианской вере, а чувашская самобытность казалась ему лишь въедливым легковесным дымом.

Автору реплики не по душе оценка, данная Иваном Юркиным сельскохозяйственной ферме Чувашской учительской школы, где воспитанников будто заставляли трудиться как лакеев. А ведь трудовое воспитание было необходимо им как воздух. Следовательно, укорять И. Я. Яковлева за это несправедливо.

Кстати, неприязненное отношение И. Н. Юркина к своему учителю подметил еще А. В. Жиркевич. Он «задался целью известить И. Я. Яковлева с пьедестала чувашско-народного деятеля, уверяя, что тот не только ничего не сделал для чувашского народа, а навредил ему, так как старался его обрусить, убивая чувашскую народную самобытность». (Встречи с И. Я. Яковлевым//Лик Чувашии. 1996. №5-6. С. 151).

Нужное людям действительно бессмертно. «Завещание родному чувашскому народу», написанное И. Я. Яковлевым, из года в год публикуется на чувашском и русском языках. Оно увидело свет и на европейских языках. Обнародованы в 1985 году «Письма» И. Я. Яковлева, а в 1989 году - и его «Переписка». На книжных полках появилась фундаментальная книга И. Я. Яковлева «Моя жизнь». И невольно чувствуешь в душе уважение к автору этих книг, так как они не потеряли свою убойную силу и сохранили актуальность.

ДЕЛО ЕГО ЖИЗНИ – В НАДЕЖНЫХ РУКАХ

Бурная многоплановая деятельность И. Я. Яковлева протекала во второй половине XIX и в первой четверти XX веков. День за днем отодвигают нас от эпохи бурной его деятельности. Однако мысли, заветные цели великих людей с течением времени не только не забываются, но становятся ближе, понятнее, даже роднее. Дело выдающегося чувашского просветителя - в надежных руках его последователей, учеников, педагогов сегодняшних людей. Наследие великого педагога подсказывает нам, как готовить творческого человека.

Педагогические идеи И. Я. Яковлева активно воплощаются в современной школе. Поэт В. В. Маяковский серьезно задумывался над вопросом:

У меня растут года,
Будет мне семнадцать,
Где работать мне тогда,
Чем заниматься?

Следуя незабываемым заветам И. Я. Яковлева, в ряде наших школ выдвинули перед собой задачу «аттестат плюс профессия». Как эта задача претворяется в жизнь, студентка-журналистка О. Платонова описывает таким образом.

...Нелегко в нынешнее время сразу с аттестатом получить профессию и работу. А вот в Новошимкусской средней школе Яльчикского района с 1996 года функционируют классы профессиональной подготовки. Здесь по специальным учебным планам, совмещенным с общеобразовательными, углубленно изучается сельскохозяйственное производство. Кстати, преподаватели машиноведения и вышеназванного производства В. Н. Курчин, И. А. Ефимов, Ю. М. Смирнов, С. Н. Николаев имеют высшее, а мастера профессионального обучения В. Н. Светопольский, В. М. Порфирьев, В. Н. Корнилов, А. Г. Якимов - среднее специальное образование.

А ведь какой мастер, такова и учеба. Учителей Новошимкусской средней школы нельзя упрекнуть в отсутствии педагогического мастерства. Не без их старания и упорства юноши овладе-

вают специальностями тракториста-машиниста широкого профиля и водителя автотранспортных средств, а девушки - специальностью повара.

С 1998 года здесь открыт еще лицей ЧГУ им. И. Н. Ульянова по двум направлениям: естественно-научному и гуманитарному. Для проведения занятий привлекаются преподаватели ЧГУ - кандидаты, доктора наук. Чтобы поступить в десятый лицейный класс, нужно сдавать три экзамена с учетом избранных направлений. А желающих учиться в классах профессиональной подготовки принимают по результатам собеседования.

Есть в народе такая поговорка: «Грамоте учиться - всегда пригодится». Почему бы и не получить образование, если для этого есть все условия. Школа в Новых Шимкусах имеет и свой историко-краеведческий музей, который открылся еще в 1985 году 9 мая, в день сорокалетия Победы над фашистской Германией. Состоит из пяти отделов - с древних времен до настоящего. Музей богат ценными экспонатами, недаром ему в 1993 году приказом Министерства культуры РФ присвоено звание народного. Раньше всеми делами руководил совет музея, а с этого года выбрали директора. В школе также есть специальные кабинеты профессиональной подготовки учащихся: автотренажерный, по трансмиссиям, двигателям, Правилам дорожного движения, биологии и основам сельскохозяйственного производства. Классы химии и физики оснащены оборудованием и наглядными пособиями. Также нужно упомянуть и кабинеты хозяйки сельского дома и лабораторные. Оборудован и автодром на шести гектарах со многими элементами (полоса препятствий, зигзаги и т.д.).

Новошимкусская средняя школа сотрудничает на основе договора с профессиональным училищем № 22 г. Канаша, которое еще и помогает в оснащении кабинетов профподготовки.

Соответствующей учебной технике школы остается только позавидовать. Не у всех есть в рабочем составе два колесных трактора МТЗ-80, два гусеничных трактора ДТ-75, три грузовые машины, два автобуса, один легковой автомобиль - ВАЗ-2105. Поэтому своевременно и качественно проводятся с учащимися занятия по вождению автомашин и тракторов.

На какие же средства существует школа, ведь доля расходов на просвещение в национальном бюджете не ахти какая? Дело в том,

что у этого учебного заведения есть земельный участок в тридцать шесть гектаров (10 га – овощных, 26 га – зерновых) на территориях двух кооперативных хозяйств Яльчикского района «Нива» и «Заря». На подсобном хозяйстве школы работают все: начиная с директора до технички, привлекаются и учащиеся. Педагогов и школьников объединяет общий труд. У каждого есть свой земельный участок. Что только в нем не растет! Морковь, свекла, лук, помидоры, капуста, а уж тем более школа всегда обеспечена своей картошкой. Даже хлеб пекут сами, зерно свое.

Есть также и пришкольный участок, где тоже выращиваются разные овощи, разбит сад, который плодоносит яблоками, вишней и т.д. Здесь опять же все учтено, взвешено и проверено. Хорошо поработали – хорошо пообедали.

Широк круг летних школьных проблем – тут и ремонт зданий, и заготовка топлива на зиму, и заботы об организации питания детей. Во многих случаях используются деньги, выручаемые от продажи своей огородной продукции.

Вот так и существует Новошимкусская средняя школа. Усердным ученьем знания приобретает, упорным трудом урожая добывается. Нелегка жизнь. Но опыт веков, мудрость поколений убеждают: главный, самый лучший учитель и воспитатель детей и подростков – это труд. В Новошимкусскую среднюю школу учиться поступают даже из отдаленных селений Яльчикского, Комсомольского, Батыревского районов. Направляют детей даже из городов, ведь каким родителям не понравится школа, где царят дисциплина и порядок. Ребята из более сорока пяти населенных пунктов посещали это учебное заведение. Бывали иногда случаи (редко, как утверждает директор школы), когда они уходили из-за дальности. Но потом возвращались и просили принять обратно. Кому не хочется с аттестатом получить и профессию?

Для учащихся 10-11 классов из отдаленных селений есть интернат на семьдесят пять мест, который образовался на основе ясли-сада. Из-за нехватки средств ясли-сад хотели закрыть. Глава сельской администрации с радостью пошел навстречу. Новошимкусская средняя школа сохранила и ясельную группу, и интернат открыла. Здесь (в интернате) есть воспитатели и их помощники – ночные няни.

Дирекция школы понимает, как тяжело сегодня семьям растить ребятишек, и изыскивает всякие возможности, чтобы облегчить родительское бремя. Для всех детей довузовской и профессиональной подготовки образовано трехразовое горячее питание. В основном за счет специальных средств школы. Взносы проводятся за мясо и сахарный песок. Тем, кто издалека, выдают ежемесячные льготные проездные. Кроме того, иногда по просьбе учащихся используются и школьные автобусы.

К настоящему времени количество получивших специальность перевалило за двести человек. Выпускникам профессиональной подготовки вручаются и аттестаты об окончании полной средней школы и документы о получении специальности, которые позволяют им устроиться на работу в народном хозяйстве, а также пойти дальше учиться. К примеру, выпускник профессиональной подготовки Новошимкусской средней школы Н. С. Николаев поступил на автомеханический факультет сельскохозяйственной академии. А. Кириллов из Сабанчино Яльчикского района стал водителем в своем кооперативном хозяйстве. Л. Павлова из Ап-Тимяш Яльчикского района работает поваром в Новочебоксарске. Многие юноши-выпускники профессиональной подготовки в армии служат водителями.

Тем, кто идет по стопам той же специальности, намного легче поступать в высшие учебные заведения.

А вот здешние лицейские выпускники сразу получают путевку на избранные факультеты ЧГУ им. И. Н. Ульянова, так как они сдают единые экзамены...

* * *

Тема продолжения современными педагогами традиций чувашского просветителя И. Я. Яковлева изучается еще одной студенткой-журналисткой. Она тоже зафиксировала интересные факты.

... Детство кончается, а игрушка остается в наших домах. Добродушные медведи, хитренькие лисы, глуповатые зайчишки, козлята, царственные львята, бесстрашные тигрята, придуманные, смоделированные и сшитые из меха, - все это притягивает и взрослых, и детей, живет с нами, как сказка.

На постоянно действующей выставке в кружке «Мягкая игрушка» при Нискасинской средней общеобразовательной школе Мор-

гаушского района пасутся коровы, резвятся щенята, бодаются козлята, лакомятся сладким медвежата – все при деле. Вернее, теперь уже в студии. Последние два года в школе на базе «Мягкой игрушки» (до этого она существовала пять лет) возникла студия с жизнерадостным названием «Подсолнушек». Студия детского творчества – это по сути школьная фабрика мягких игрушек. Настоящее производство, а не деловая, хорошо поставленная игра.

Руководит кружком Маргарита Николаевна Пушкарева. Она занимается мягкой игрушкой уже несколько лет. Подружившись с мягкой игрушкой по воле случая, потом здесь и нашла свое призвание. С тех пор жизнь ее перевернулась: она работает в кружке как конструктор, методист, руководитель и воспитатель.

Кружковцы готовят выкройки, большие и малые. Ассортимент игрушек зависит от наличия той или иной окраски меха. Мех покупной, предпочтение отдается ярким цветам. Раз мех покупается, значит нужно игрушки продавать, иметь прибыль. Цена ее зависит от привлекательности вида упаковки. Выход на рынок – это всевозможные выставки, выставки-продажи на любых школьных или районных праздниках, а также в Чебоксарах и в Москве. Студия занимается бизнесом, потому что дети должны уметь это делать. Но самое главное для ребенка – это общение друг с другом в студии.

Маргарита Николаевна утверждает: «Чем ярче жизнь воспитанника, чем больше позитивных эмоций, тем полнее его жизнь. Детство является особым психическим состоянием, в котором чувства и разум слиты: постоянные открытия, неумная энергия, готовность переносить трудности. Решения приходят мгновенно, открытия совершаются на каждом шагу».

Ни на минуту она не забывает, что это хотя и производство, но у него специфика: рабочие – это дети, которые уже поработали на уроках, пришли после занятий по расписанию.

«Нашим взрослеющим детям нужны не столько опека, сколько дружеский совет, умное руководство, духовная поддержка. Для этого самой надо быть на высоте. Надо быть интересной для своих детей. Моя помощь некриклива, советы мои ненавязчивы», – говорит Маргарита Николаевна. Ее дети уверены, что она им будет нужна всегда. И став взрослым, они будут находить у нее понимание, мудрость, духовную близость.

Общение с детьми, по мнению педагога, занятие радостное и необходимое. И в этом – источник подлинного счастья человеческого общения. Она смогла приблизиться к ребенку и приобщить его к полезному делу.

В студии есть свои традиции, свои неписанные законы, устав, бизнес-план. Новички с первого дня чувствуют, что в них заинтересованы. Если у кого-то что-то не получается, его ободряют: «И у меня не сразу получалось, получится. Делай так». И руководитель главное внимание уделяет не тем, кто выделяется, а тем, кто не умеет, не уверен в себе, не блещет способностями. «Ребята самолюбивые, приткие, сами о себе напомнят. А вот неумехи без поддержки пропадут».

Дети, посещающие студию, разного возраста: помоложе (из 2-6 классов) и взрослые (из 7-9 классов). Есть «ветераны» – дети, которые посещали раньше кружок, а теперь ходят в студию.

Психология у детей разная: кто постарше – хотят иметь, дети помладше – хотят уметь. Дети постарше очень боятся испортить работу, часто обращаются за помощью в оформлении игрушки. Если делают по образцу, то хотят, чтобы у них была точно такая же, точь-в-точь. А у младших детей почти отсутствует страх испортить, их интересует сам процесс. Дети очень талантливы, в душе – художники. Мгновенно находят образ, форму, чувствуют по-своему, где разместить глаза, усы.

«Мягкая игрушка» работает для всех желающих по субботам. Заглянув из любопытства, а потом, глядишь, становятся кружковцем, студийцем.

Частью игрушек дети распоряжаются сами, другие игрушки – это подарки: сувениры гостям из района, из других школ. Часть прибыли идет на приобретение полезного и нужного для кабинета домоводства, где обосновалась студия.

Девочкам, заслужившим звание мастера, разрешено принимать заказы от населения на пошив игрушки из материала заказчика. Поношенные шубы и полушубки из искусственного меха, обновленные ярким новым мехом, превращаются в руках юных художниц в прекрасные сказочные зверушки, добрые и притягательные, милые и уникальные.

Не очень-то верит Маргарита Николаевна, что красота спасет мир, но она твердо убеждена, что от красоты, создаваемых учащи-

мися, мир убережется точно, пусть хоть на какое-то время. И ее задача – как воспитателя, как матери – научить детей понимать красоту, своими руками создавать что-то приятное, дать ребятам полезные в жизни навыки. И с этой задачей она справляется. Какую бы дорогу ни выбрали ее дети после окончания студии, школы, они, несомненно, займут достойное место в жизни, потому что она воспитывает у них чувство гражданской ответственности, трудолюбие.

Если сравнить опыт первых лет работы в кружке «Мягкая игрушка» с последними годами, то на первый взгляд мало что изменилось: возраст детей тот же, та же обоюдная радость общения руководителя и кружковцев, то же стремление сотворить красивое, прекрасное, теплое, нужное. Но это только на первый взгляд.

Современные дети знают, что такое бизнес-план, принимают участие в его составлении. Чувствуют глубже ответственность. Знают, что такое сроки (в срок изготовить ту или иную игрушку). Знают, что такое качество. Знают, что такое конкурентоспособность. Они сами моделируют игрушку, сами выбирают ту или иную расцветку меха.

Очень инициативные, трудолюбивые, знающие чего хотят.

Быть студийцем «Подсолнушка» очень престижно. С гордостью говорят о своей работе в ней. Родители довольны: отмечают положительные сдвиги в своих детях – они стали собраннее, энергичнее, вовремя, быстро, четко выполняют все домашние дела, дорожат временем.

Благотворное влияние работы в студии на становление человека – труженика очевидно. Увлеченность трудом воспитывает трудолюбие.

Учительница убеждена: «Лишь здоровое напряжение ума, воли, чувств, мышц дает человеку (и малышу, и взрослому) истинное ощущение радости жизни. Игра и труд, познание и творчество, общение и движение, окрашенные новизной, удивлением, интересом, открытиями, – вот подлинные атрибуты детства. И если при этом всегда с ребенком, подростком любящий и понимающий его взрослый, можно говорить и счастливом детстве.

В «Подсолнушке» счастливые дети.

* * *

Чем дальше от здания, тем лучше его видишь. Чем дальше мы от времени деятельности великого И. Я. Яковлева, тем грандиоз-

нее кажутся нам его дела. Человек и мир, человек и природа - вот какие глобальные проблемы он пытался решать с помощью и средствами педагогики. Следовательно, ему были близки и экологические проблемы.

Верным мерилom труда педагога в борьбе за наше будущее он считал развитие и учебу подрастающего поколения, помощь родному народу в улучшении его материальной обеспеченности, в повышении его духовной культуры. «Опыт работы И. Я. Яковлева, – пишет исследователь В. Н. Никифорова, – приобретает в настоящее время особо важное значение и нуждается в повседневном осмыслении, изучении. Он основан на глубочайшей связи и интеграции школы и среды, на тончайшем умении воспитателя проникать в душу ребенка, бережно, без насилия совершенствовать ее на постоянном общении с природой, на ее способности благотворно влиять на внутренний мир человека. (Никифорова В. Н. Формирование духовных потребностей личности на основе идей И. Я. Яковлева. 1998. С. 23.).

Программа и методические рекомендации для современной школы, составленные ею на основе идей великого педагога, приобщение учащихся к духовной культуре должны идти по следующим направлениям: шаги милосердия, шаги мудрости, шаги надежды, шаги от экологии природы к экологии души... Учащимся надо дать возможность осознать красоту окружающего мира через изобразительное искусство, музыку, народные традиции, художественную литературу. Ныне в школах появились учебные программы по предметам «Наш край», «Природа Чувашии», «Чувашская вышивка». Работа в школьных мастерских тоже идет от И. Я. Яковлева. В современной школе учат искусству вышивать, шить, вязать. Учащимся даются навыки ухода за растениями, животными.

«Ребенок несет импульс жизни, такую же силу Природы, какую несет растение, пробивающееся сквозь асфальт, чтобы увидеть свет», – отмечается в упомянутом исследовании В. Н. Никифоровой. (Там же, С. 21.). Педагоги наших школ на основе заветных идей И. Я. Яковлева воспитывают детей отказаться от позиций покорителя природы, «царя природы», вместе с тем приучают их быть не сторонним наблюдателем, а активным защитником природы и окружающей среды. Они должны нести чувство ответственности за окружающий

мир. Общение с природой, природоохранную деятельность дети приучаются считать большим удовольствием и счастьем.

Чувашский республиканский институт образования разработал специальную программу и методические рекомендации по формированию духовных потребностей личности на основе идей И. Я. Яковлева. Эта программа одобрена Министерством образования и молодежной политики. В школах и учебных заведениях с интересом изучают эту программу, осуществляют практические наметки.

К изучению наследия И. Я. Яковлева надо возвращаться и возвращаться. Оно открывает все новое и новое. Академик Г. Н. Волков считает И. Я. Яковлева духовным отцом нации, чувашским апостолом и пророком. Он создал своеобразную систему подготовки сельских учителей с сельскохозяйственным профилем. Об этом Н. Г. Краснов в статье «Педагогическое наследие И. Я. Яковлева» пишет: «Учителей он считал просветителями народа. По его мнению, эту благородную миссию они выполняют лучше всего, если овладеют основами сельского хозяйства. Этот предмет в Симбирской чувашской учительской школе изучался теоретически и практически с 1893 г. Необходимость включения его в программу И. Я. Яковлев мотивировал тем, что сельскохозяйственные знания тогда являлись единственным средством поднятия культурно-экономического уровня живущего в чрезвычайно тяжелых условиях чувашского населения». (Вопросы яковлевоведения. Выпуск 1. 1999. С. 93).

Дело его жизни продолжает новое поколение, оно в надежных руках.

СЛАВНОМУ СЫНУ НАРОДА — НАШ ПОКЛОН

В 1926 году Симбирскому педтехникуму, созданному на базе Чувашской школы И. Я. Яковлева, присвоено имя просветителя.

В 1928 г. в дни празднования 60-летия Симбирской чувашской учительской школы и 80-летия со дня рождения ее основателя И. Я. Яковлева Нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский в своей приветственной телеграмме Ульяновским чувашским педагогическому и сельскохозяйственному техникумам писал: «Чувашские трудовые массы в условиях неслыханного угнетения в прошлом сумели заложить первые основы массовой грамотности и национальной письменности и школы. Великий выходец из самых бедных слоев чувашского крестьянства Яковлев и его соратники, также выходцы из крестьян, в течение полувека работали и боролись за массовую культуру чувашских трудящихся».

(Итоги юбилейной научной сессии, посвященной столетию со дня рождения И. Я. Яковлева. Уч. Зап. ЧНИИ, вып. III. Ч., 1949. с.44)

«Утӑм» (Шаг) - альманах Казанской секции Союза «Канаш» чувашских пролетарских писателей. 1928, №1.

Здесь известный чувашский поэт Н. И. Полоруссов-Шелеби печатает свою маленькую поэму «Хастарлӑ тӑлӑх» (Даровитый сирота), написанную к 80-летию юбилею Ивана Яковлевича. Автор показывает его как патриота, претерпевшего на своем жизненном пути большие лишения и трудности, как верного друга, умного просветителя чувашского народа. И. Я. Яковлев показан не столько в действиях и поступках, сколько в размышлениях о путях просвещения родного народа. Молодой Яковлев с большим трудом получает образование и задумывается над вопросом об открытии школ и просвещении чувашей. Создавая в Симбирске чувашскую школу, Яковлев думает не о своем возвеличении, а о подъеме культурного уровня родного народа, о подъеме его национального самосознания. «И родной народ мой будет просвещен», - восклицает он. Положительно оценивая Яковлева, поэт называет его «да-

ровитым сиротой», «первым батыром чувашского народа», сделавшим для народа «большое и доброе дело».

* * *

«Симбирск. Ивану Яковлевичу Яковлеву

Первый областной съезд Автономной Чувашской области и Второй Всероссийский съезд Советов среди чуваш приветствуют Вас, первого организатора и инициатора просвещения масс. Съезд с глубокой признательностью констатирует, что благодаря Вашему 50-летнему упорному труду и настойчивой решительной борьбе с чиновниками царского мракобесия за чувашское просвещение, горячей любви к родному народу чувашские трудящиеся массы оказались способными вступить на историческую сцену как боевая единица...

Да здравствует дорогой наш асатте, проложивший первый путь для чувашского просвещения.

Председатель Первого учредительного съезда Советов Чувашской области и Второго съезда Советов среди чуваш Викторов.

(И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников... Ч., 1968. с.124)

* * *

Фильм о великом просветителе

Наш народ в ноябре 1971 г. отмечал столетие чувашской письменности. В ознаменование этой даты Московская киностудия «Центрнацфильм» создал научно-документальный фильм под названием «Дело его жизни», повествующий о выдающемся чувашском просветителе Иване Яковлевиче Яковлеве - основателе Симбирской чувашской учительской школы, положившем начало и чувашской письменности.

Фильм построен целиком на документальных материалах. Перед зрителем проходит яркая, героическая жизнь и общественно-педагогическая деятельность человека, пятьдесят лет работавшего над национальным подъемом родного народа.

Автором сценария, режиссером-постановщиком фильма стал лауреат премии имени М. В. Ломоносова Д. Э. Дубинский.

Музей И. Я. Яковлева - в университете им. И. Я. Яковлева

В Чувашском ордена Трудового Красного Знамени государственном педагогическом университете им. И. Я. Яковлева в 1966 г. при кафедре педагогики была создана специальная лаборатория для изучения его наследия. В ноябре 1968 года в честь 100-летия Симбирской чувашской учительской школы открывается Музей И. Я. Яковлева.

С тех пор музей посетили сотни тысяч человек. Здесь постоянно бывают школьники и студенты, рабочие и колхозники, преподаватели общественных организаций.

Музей имеет три отдела: зал экспозиций, мемориальную библиотеку и отдел хранения. Здесь хранятся личные вещи, документы, фотографии И. Я. Яковлева, предметы быта его семьи и др. Музей располагает личными фондами бывших воспитанников Симбирской чувашской школы.

* * *

Добро пожаловать в Музей И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева!

Страна готовилась к 150-летию И.Я. Яковлева и 130-летию Симбирской чувашской учительской школы. Именно в эти дни, 26 марта 1998 г., в Чувашском государственном университете им. И. Н. Ульянова открывается музей И. Н. Ульянова и И. Я. Яковлева. С тех пор пошел нескончаемый поток экскурсантов.

Почему музей посвящен двум выдающимся личностям? Из рассказа экскурсовода посетители узнают, что И. Н. Ульянов и И. Я. Яковлев дружили не только сами, но и семьями. Без помощи И. Н. Ульянова, в начале еще инспектора народных училищ, очень сомнительно было бы становление и развитие СЧУШ. Ведь когда Яковлев поступил учиться в Казанский университет, в его школе учились всего 4 мальчика. А в 1875 году, когда он вернулся в Симбирск с высшим образованием, в школе уже насчитывалось 52 ученика. Илья Николаевич в 1871 г. добился принятия частной чувашской школы на государственное содержание. И позже, когда к Яковлеву как к инородцу отношение чиновников было брезгливое, Илья Николаевич с неиссякаемой энергией помогал и чувашской школе, и самому чувашскому просветителю.

Великого педагога И. Я. Яковлева не забывают и спортсмены

В городе Ульяновске ежегодно проводится турнир борцов «Чувашский богатырь» (Чăваш улăпĕ) в память о чувашском просветителе. В ноябре 2007 г. на этом турнире участвовали 14 команд из Приволжского округа Федерации. Командой земляков из Чувашии руководил вице-президент федерации «Борьба» В. Васильев. Великанскую силу проявил здесь чебоксарец А. Шаронов. Семь раз участвует он на этом турнире. Шестой раз стал богатырем-победителем.

* * *

Опера о чувашском просветителе

Приурочена к 160-летию со дня рождения чувашского просветителя премьера оперы «Иван Яковлев». Автор музыки к этой опере – Александр Васильев. Заслуженного деятеля искусств Чувашской АССР (1981), лауреата премии Комсомола Чувашии им. М. Сеспеля (1982), Государственной премии Чувашской Республики (1997) Александра Георгиевича Васильева зрители знают прежде всего по опере «Чакка» (поставлена в 1983 году). Национальная опера не создавалась в республике почти четверть века. Театр оперы и балета имеем, а национальной оперы нет да нет. Поэтому новую оперу мы ждали с понятным волнением. Это музыкальное произведение имеет необычайно красивый замысел, позволяющий судить о роли И. Я. Яковлева в просвещении народа, в поднятии его культуры, о роли личности в истории вообще. Режиссер новой постановки Анатолий Ильин отмечает, что коллективу актеров приятно чувствовать себя первооткрывателями такого произведения. Главные партии в новой опере поручены молодым исполнителям в результате строгого отбора.

Композитор А. Г. Васильев рассказывает: «Я выбрал тему учителя народа, как народ дал ему статус чувашского бога. Поэтому здесь и учитель-Христос появляется. Это опера-молитва. Опера-поклон великим душам. Как тем, что жили в прошлом, так и тем, что живут и творят сегодня среди нас».

Чувашский государственный театр оперы и балета поставил оперу «Иван Яковлев» в первый раз 5 декабря 2007 г. в составе программы XVII Международного оперного фестиваля им. М. Д. Михайлова.

Опера эта в 3-х действиях с прологом исполнялась с должным вдохновением и слушалась с большим интересом, с чувством почтения и благодарности чувашскому просветителю И. Я. Яковлеву.

* * *

Сквер в центре города с памятником И. Я. Яковлеву дорог для каждого чебоксарца. Здесь ежегодно 25 апреля, в день рождения патриарха чувашской культуры, проводится праздничный митинг с возложением живых цветов к памятнику.

* * *

Памятник патриарху чувашской культуры

В Ульяновске в начале октября 2006 г. состоялось знаменательное событие: открыли памятник патриарху чувашской культуры И. Я. Яковлеву. Этот город был колыбелью жизни и деятельности славного сына народа. Здесь он окончил гимназию с золотой медалью, открыл частную школу, ставшую впоследствии профессиональной учительской школой. В 1875 г. И. Я. Яковлев стал инспектором чувашских школ Казанского учебного округа с местонахождением в Симбирске. В этом городе он готовил учителей и деятелей культуры для Среднего Поволжья и Урала. Тут же он разработал теорию обучения в двуязычной начальной школе, отсюда он успешно внедрял эту теорию в жизнь.

Следовательно, открытие памятника великому чувашскому просветителю Ивану Яковлевичу Яковлеву в этом городе вполне обоснованно.

* * *

Президент Чувашской Республики Н. В. Федоров о просветителе И. Я. Яковлеве:

- Иван Яковлевич Яковлев дал родному народу Книгу. Мы вправе гордиться и возвеличивать своего Патриарха, так как не каждый народ Бог одарил таким человеком, каким является для чувашей великий Иван Яковлев.

- Соотечественники всем сердцем прониклись идеями великого просветителя Ивана Яковлевича Яковлева, который в своем «Завещании родному чувашскому народу» прозорливо, не на одно столетие, заложил каноны гражданственности, морали и нравственности, точно сформулировав основы гуманного и цивилизо-

ванного мироустройства - Дружба между народами, Образование, Семья и Вера в Бога.

Федоров Н. В. Дорожить временем, служить людям: Послание Президента Чувашской Республики Государственному Совету Чувашской Республики // Сов. Чувашия. 2007., 26 января.

* * *

Писатель о своем учителе

За шесть лет пребывания в Симбирской школе мне приходилось видеть Ивана Яковлевича и раздраженным. Тогда мы побаивались его. Но больше я его помню добродушным, заботливым, отечески ласковым и чутким. Мы уважали и любили его. Я глубоко благодарна ему за то, что он воспитал меня для служения народу.

Марфа Дмитриевна Трубина (1888-1956) - чувашская писательница, заслуженная учительница РСФСР и Чувашской АССР, училась в СЧУШ в 1903-1909 гг. // И. Я. Яковлев в воспоминаниях современников. Ч., 1968. С. 65.

* * *

О чувашских детях и их великом просветителе с первых же уроков мои представления о чувашских детях сложились в самую выгодную для них сторону. Не знал, и не знаю доселе, чему приписать: даровитости ли племени или подбору даровитых детей, - только силы своих новых учеников я с каждым уроком стал ценить все выше и выше...

Вспоминая свои занятия в чувашской школе, я ни на минуту не могу отрешиться от воспоминания и об ее организаторе Иване Яковлевиче Яковлеве, который был все время ее душою и сердцем, и которому она обязана всем своим процветанием.

... Я видел немало людей различных типов и характеров, но никогда не встречал никого с такой железной волей и с такой огромной энергией, какую я постоянно наблюдал у Ивана Яковлеви-

ча. Это настоящий фанатик идеи, это человек не какого-либо скоропреходящего порыва, а работник, который преследовал одну и ту же цель десятки лет, не разбрасываясь по сторонам, и который в конце концов, добился результатов самого крупного размера, прямо бросающихся в глаза.

... Я ни минуты не сомневаюсь в том, что культурные заслуги Ивана Яковлевича перед его родным племенем не останутся забытыми, и рано или поздно встретят заслуженную высокую оценку.

А. В. Годнев. Воспоминания // Симбирянин. 1907. 8 ноября.

Годнев Алексей Васильевич (1850-1920) - преподаватель математики и физики СЧУШ, бывший преподаватель Симбирской духовной семинарии, позднее директор Симбирской женской гимназии, автор ряда учебников по геометрии и алгебре для средних специальных учебных заведений.

* * *

Богатырский был дух у него

Многогранна общественная деятельность И. Я. Яковлева. Видя социальную несправедливость, угнетенное положение широких крестьянских масс, он стремился облегчить положение трудового народа. По своим общественно-политическим взглядам он был просветителем-демократом, полагал, что облегчить положение крестьян можно путем просвещения и реформ, совершенствования порядка переделов земли и ее выкупа.

И. Я. Яковлев прожил сложную, но кипучую жизнь. На его жизненном пути было немало неприятностей и трудностей, обусловленных особенностями той эпохи, в которой ему пришлось бороться за осуществление поставленной задачи. Он имеет бесценные заслуги в просвещении чувашского народа. Здесь Иван Яковлевич проявил выдающиеся организаторские способности и недюжинный талант педагога.

И. П. Прокопьев,

кандидат экономических наук, доцент

* * *

Верный путь служения народу

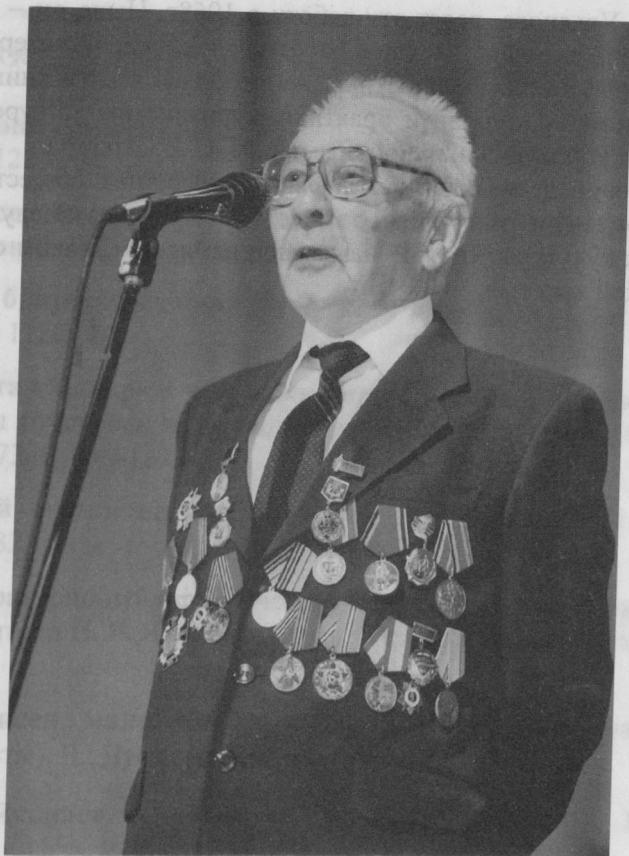
Преодолевая бесконечные трудности и препятствия, в постоянных поисках И. Я. Яковлев вышел на путь осуществления и реали-

зации дела всей своей жизни - национального подъема чувашского народа, приобщения его к культуре великого русского народа и сближения с ним.

Ему пришлось побывать по делам службы не только в Симбирской, но и в Казанской, и в Самарской губерниях. Он встречался с представителями многих национальностей. Ему удалось познакомиться с нравами и обычаями разных людей, быть очевидцем того, в каких невыносимых условиях живут простые труженики. Часто думал молодой Иван Яковлев над тем, как помочь своим соплеменникам выйти из нищеты и темноты, и неизменно приходил к выводу - верный путь служения своему народу и делу освобождения народов от вековой отсталости - просвещение и образование народных масс.

Н. Т. Савруков. Слово о Яковлеве // Дело его жизни. Чебоксары-Ульяновск. 1998. С. 15-16.

Савруков Николай Тарасович - директор Чебоксарского института экономики и менеджмента Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, академик, профессор, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки Чувашской Республики.

Тенюшев Иван Яковлевич

Родился 19 января 1923 г. в с. Алманчиково Батыревского района. Участник Великой Отечественной войны. Был трижды ранен. День Победы встретил в Будапеште. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени, медалями. Удостоен личной благодарности маршала И. С. Конева.

В послевоенные годы свою трудовую деятельность связал с печатью. Прошел путь от ответственного секретаря Батыревской районной газеты до редактора республиканской газеты «Молодой коммунист». Работал также заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Чувашского обкома КПСС. Основатель системы подготовки национальных журналистских кадров в ЧГУ

им. И. Н. Ульянова, ведет эту работу с 1968г. Ныне он – доцент, заместитель декана по научной работе, зав. кафедрой литературного редактирования и стилистики. Автор более десяти книг по вопросам истории, теории и практики журналистики. Лауреат республиканской журналистской премии им. С. В. Эльгера.

В течение десяти лет возглавлял Университет общественных корреспондентов республики в качестве его ректора. Заслуженный работник культуры ЧАССР, награжден памятным знаком «300 лет российской прессы».

Тсимонов Иван Николаевич

ТРУДЫ И. Я. ТЕНЮШЕВА О ЧУВАШСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЕ, ЕГО УЧЕНИКАХ И СОРАТНИКАХ

Чувашский праздник учюк. Дружба (Чебоксары). 1971. № 10. С. 115-122.

У истоков чувашской письменности. Искорка (Чебоксары). 1971. Декабрь. С. 2.

При братской помощи (на чув. яз.) Ялав (Знамя). Чебоксары. 1973. № 11. С. 14.

Газета «Хыпар» и чувашский просветитель И. Я. Яковлев // Вопросы русской и чувашской филологии. Вып. III. Чебоксары: ЧГУ, 1973. С. 110-122.

Такой статьи не было. Дружба (Чебоксары). 1974. № 18. С. 179-182.

Литературно-публицистическая деятельность чувашского просветителя И. Я. Яковлева. Львов: Укрполиграфинститут, 1980. - 25 с.

Чăвашсен малтанхи публицистсем (Первые чувашские публицисты). Ч.: Чувашкнигоиздат, 1987. IV. 64 уч.-изд. л.

И. Я. Яковлев - публицист. Ч.: Чувашкнигоиздат, 1990. - 144 с.

Публицисты и журналисты из школы И. Я. Яковлева // Школа государственной жизни, науки и приобщения к мировой цивилизации. Ч.: изд-во ЧГУ, 1998. С. 123-125.

Министрпа курнăсни. Чăвашсен аслă сÿтлăхси И. Я. Яковлев Чĕмпĕрти чăваш шкулне уснăранпа 130 сÿл ситнĕ май. Вести Альма матер. 1998. 10 ноября.

Халăха парнеленĕ пурнăç / И. Я. Яковлев асаилĕвĕсем виççĕмĕш хут пичетленĕ май // Ялав. 1998. 3 №.

Просветительская деятельность И. Я. Яковлева в современной прессе // Дело его жизни. Ульяновск, 1998.

К вопросу освещения деятельности И. Я. Яковлева в современной прессе // Таван Атӑл. 1998. 2 №.

Травля в печати Чувашского просветителя И. Я. Яковлева // Просветитель И. Я. Яковлев: Материалы научно-практической конференции Батыревского филиала Чувашского государственного университета. Ч.: изд-во ЧГУ, 1998. С. 24-30.

Просветительская деятельность И. Я. Яковлева в прошлой и современной печати // Вестник Чувашского университета. 1998. № 1-2.

Чӗмпӗр ҫути Шӑнкӑртам хӗррине те ҫитет // Таван ял - епле эп сансӑр. Шупашкар, 1999. 97-113.

Первые чувашские публицисты // Средства массовой информации России: история и современность. Ч.: изд-во ЧГУ, 1999.

Аслӑ ҫутлӑхҫӑн ҫутӑ шӑпи // Таван Атӑл. 1999. 12 №.

Зарождение, развитие чувашской публицистики и журналистики в Чувашии. (В соавторстве). Ч.: изд-во ЧГУ, 1999. - 256 с.

И. Я. Яковлев - друг алманчиковцев // Дороже родной земли нет. Ч., 2000. С. 129-256.

Свидетельствуют старые газеты и журналы // Дело его жизни. Ч., 2003. С. 56-66.

Публицистика на службе чувашскому народному делу: Сборник статей о литературно-публицистической деятельности чувашского просветителя И. Я. Яковлева, Ч.: Изд-во ЧГУ, 2003. - 13,7 уч.-изд. л.

Первый ученик чувашского просветителя // Чувашия сегодня. 2004. 30 апреля.

Хорошо писать - дело нелегкое: Советы чувашского просветителя авторам публикаций // Чувашия сегодня. 2004. 30 апреля.

Этапы развития чувашской журналистики и публицистики (в соавторстве). Чӑваш журналистикипе публицистикин ата-лану тапхӑрӑсем). Ч.: ЧГУ, 2004. 15,4 уч.-изд. л.

СОКРАЩЕНИЯ

АЧКМ - Архив Чувашского краеведческого музея.	
ГАУО - Государственный архив Ульяновской области.	
ОРРГБ - Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.	
РГИА - Российский государственный исторический архив.	
СЧУШ - Симбирская чувашская учительская школа.	
ЦГА ЧР - Центральный государственный архив Чувашской Республики.	

СОДЕРЖАНИЕ

Распоряжение Президента ЧР.....	3
И. Я. Яковлев – демократ и просветитель	5
Завет патриарха не стареет и поныне.....	25
Безотказный друг алманчиковцев	33
Чувашский просветитель и газета «Хыпар».....	40
Была ли такая статья.....	54
Кто же автор очерка?.....	59
Целенаправленность публицистики И. Я. Яковлева - национальный подъем чувашей	63
Хорошо писать – дело нелегкое	89
Первый ученик школы	93
Кому принадлежат эти строки?	112
Мнение стало иным	129
Чувашский просветитель и симбирский архиерей	132
Встать! Суд идет!.....	145
Публицисты и журналисты из школы патриарха	154
Встречи с министрами.....	159
Несколько слов о семье патриарха.....	164
«...Это сплошная клевета».....	167
Дело его жизни – в надежных руках	176
Славному сыну народа – наш поклон	185
Об авторе книги	195
Сокращения	197

Публицистика на службе чувашскому народному делу:
Сборник статей о литературно-публицистической деятельности
чувашского просветителя И. Я. Яковлева, Ч.: Изд-во ЧГУ, 2003. –
13,7 уч.-изд. л.

Первый ученик чувашского просветителя // Чувашия сего-
дня. 2004. 30 апреля.

Хорошо писать – дело нелегкое: Советы чувашского просве-
тителя авторам публикаций // Чувашия сегодня. 2004. 30 апреля.

Этапы развития чувашской журналистики и публицистики
(в соавторстве). Чуваш журналистикыне публицистикын эта-
паны тапхырасем). Ч.: ЧГУ, 2004. 15,4 уч.-изд. л.

Тенюшев Иван Яковлевич

СВЕТ ЯРКОЙ ЗВЕЗДЫ

Научно-публицистический очерк

К 160-летию И. Я. Яковлева

**Издатель – Фонд И. Я. Яковлева
при Чебоксарском институте экономики и менеджмента
(филиал) СПбГУ (директор Н. Т. САВРУКОВ)**

Редактор И. П. Кириллов

Лицензия № 001221 от 07.10.2003 МО РФ

Подписано в печать 17.03.2008
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 13.8 Тираж 2500 экз.
Заказ №10 Цена свободная

Отпечатано в типографии ИП Варламов В.М.
428009, г. Чебоксары, ул. Сверчкова, 6 б. Тел. 41-05-61

30✓